

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Центр гуманитарных проблем Баренц региона

Е. В. Бусырева

**СУДЬБЫ ФИННОВ МУРМАНСКОГО РЕГИОНА:
СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
«КОЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
Центр гуманитарных проблем Баренц региона —
Филиал Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра
«Кольский научный центр Российской академии наук»

Е. В. Бусырева

**СУДЬБЫ ФИННОВ МУРМАНСКОГО РЕГИОНА:
СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**

Апатиты
2019

DOI: 10.25702/KSC.978-5-91137-406-8
УДК 392.5(=511.1)(470.21)
ББК 63.3(4Фин)
Б92

Печатается по решению ученого совета ЦГП ФИЦ КНЦ РАН и редакционного совета по книжным изданиям ФИЦ КНЦ РАН

Научный редактор — доктор исторических наук И. А. Разумова

Рецензенты:

доктор исторических наук Ю. П. Шабаев,
доктор филологических наук, кандидат исторических наук Ф. Г. Галиева

Бусырева, Е. В.

Б92 Судьбы финнов Мурманского региона: семейная история и культура: монография / Е. В. Бусырева; под науч. редакцией И. А. Разумовой. — Апатиты: КНЦ РАН, 2019. — 176 с.: ил. + Прил. (5 с.).
ISBN 978-5-91137-406-8

Монография посвящена истории финских семей, которые волею судьбы оказались тесно связаны с Кольским Севером большей частью в результате насильственных переселений первой половины XX века. В истории края финны занимают заметное место. Они были вовлечены в процессы освоения территории, способствовали ее культурному развитию. Их потомки, которые проживают на территории Мурманской области, сохраняют память о финских корнях, несмотря на закономерные процессы ассимиляции.

На материале устной семейной истории, домашних архивов и реликвий прослеживаются линии жизни семей с финской родословной на протяжении нескольких поколений, а также направления трансформации этнической культуры и причины восстановления этнической самоидентификации кольских финнов в конце XX — начале XXI вв.

Издание содержит иллюстративный материал, представленный фотографиями и документами из частных архивов.

Книга адресована этнографам, историкам, краеведам, культурологам, преподавателям и учащейся молодежи, а также всем, кто интересуется историей и культурой семей и народов Северо-Запада России.

УДК 392.5(=511.1)(470.21)
ББК 63.3(4Фин)

На обложке использована фотография С. А. Турова с видом на поселок Кукисвумчорр и озеро Малый Вудъявр.

На тыльной стороне обложки использована фотография 1964 года с видом на поселок Кукисвумчорр из семейного архива Е. В. Бусыревой

Научное издание

Редактор Е. Н. Еремеева. Технический редактор: В. Ю. Жиганов.

Подписано к печати 09.10.2019. Дата выпуска 18.11.2019.

Формат бумаги 70×108 1/16. Усл. печ. л. 15.4. Заказ № 32. Тираж 500 экз.

Издательство ФГБУН ФИЦ КНЦ РАН. 184209, г. Апатиты, Мурманская область, ул. Ферсмана, 14, www.naukaprint.ru

ISBN 978-5-91137-406-8

© Бусырева Е. В., 2019

© Центр гуманитарных проблем Баренц региона — Филиал ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук», 2019

© ФГБУН ФИЦ «Кольский научный центр Российской академии наук», 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение.....	4
Список сокращений.....	18
Глава 1. История миграций финских семей на Кольский Север.....	19
1.1. Миграции финнов из Северной Финляндии.....	19
1.2. Ингерманландские спецпереселенцы.....	33
1.3. Миграции финнов из Южной Финляндии.....	41
1.4. Миграционные траектории американских финнов.....	44
1.5. Депортация по национальному признаку.....	49
Глава 2. Семейная память.....	65
2.1. Политические репрессии.....	66
2.2. Семейные архивы и эго-документы.....	74
2.3. Семейные фотографии.....	88
2.4. Семейные реликвии.....	92
Глава 3. Культурные трансформации в финских семьях.....	99
3.1. Межэтнические браки и динамика этничности.....	99
3.2. Сохранность и утрата финского языка.....	107
3.3. Религия и ритуально-праздничная культура.....	117
3.4. Материальная культура как этнический маркер.....	127
3.5. Этническая самоидентификация.....	139
Заключение.....	149
Литература.....	153
Приложение.....	172

ВВЕДЕНИЕ

Данное исследование посвящено непростой судьбе финских семей, потомки которых проживают на территории Мурманской области. Акцент сделан, прежде всего, на этническую историю российских финнов. Под этнической историей мы понимаем развитие всех видов этнических взаимодействий, в которые вовлечена уже сформировавшаяся этническая общность, и изменение под их влиянием основных культурных характеристик этой общности¹. Ключевое значение в истории российских финнов имели: освоение Западного Мурмана финскими колонистами, переселение на Кольский Север раскулаченных ингерманландцев в период промышленного освоения Хибин, репрессии второй половины 1930-х гг. и депортация по национальному признаку в 1940 г.

История семей, имеющих финские корни, способствует более глубокому и всестороннему пониманию этносоциальных процессов, которые происходили на Кольском Севере начиная с 1960-х гг. Финское население в разные периоды в большей или меньшей степени являлось субъектом межэтнических взаимодействий на Кольском Севере, участвовало в формировании поликультурного облика приграничного региона, было вовлечено в процессы промышленного освоения территории, способствовало ее развитию. В настоящее время в Мурманской области проживают члены и потомки финских семей, значительный период жизни которых пришелся на переломный этап этнической истории финнов.

С одной стороны, автор разделяет точку зрения, согласно которой этническая общность рассматривается как объективно существующее явление, выделяемое на основе таких признаков, как язык, совокупность социально- и хозяйственно-культурных характеристик, религиозная принадлежность, самоназвание и экзоэтнонимические обозначения (идентификация данной общности «другими») и т. д. В соответствии с этой позицией этническая общность определяется как устойчивая группа людей, обладающая общим самосознанием (этнической идентичностью), а также общими чертами культуры. Наличие этнической идентичности считается главным признаком этнической общности, на основе которой складывается сама общность и отличающие ее те или иные характеристики². С целью изучения культуры финских семей, проживающих в регионе, анализа социокультурных процессов с 1840-х гг. по настоящее время, выявления причин и последствий происходивших изменений, частично использовалась разработанная еще в советской этнографии, но, на наш взгляд, не утратившая полностью своего значения теория этнических процессов Ю. В. Бромлея³.

С другой стороны, обращение к вопросам этнической идентификации предопределило использование конструктивистской методологии (труды

¹ Волкова Н. Г. Этническая история: содержание понятия // Советская этнография. 1985. № 5. С. 20.

² Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 60.

³ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.; Козлов В. И. Национальности СССР (этнодемографический обзор). М.: Статистика, 1975. 263 с.

Б. Андерсона, Р. Брубейкера, В. А. Тишкова, С. В. Соколовского и др.⁴), в соответствии с которой объективные этнические признаки не столько отрицаются, сколько уступают место социально-психологическим основаниям идентичности, «мифу» или «вере» в наличие общих для членов группы свойств, причем каждая этническая общность сама определяет те признаки, которые для нее значимы. Как пишет В. А. Тишков, «признаком этнической общности является не «общее происхождение», а миф об общей исторической судьбе членов этой общности»⁵. Этничность, понимаемая как отнесение себя к определенному этносу, отождествление с определенной культурой, представляет форму культурной солидарности и подвержена динамике. Формирование (конструирование) этнических общностей происходит под влиянием исторических событий и процессов, которые актуализируют и заставляют переосмысливать этническую принадлежность. Конструированию этнической идентичности под воздействием социально-политических факторов (война, репрессии, депортации) в монографии уделяется значительное внимание. Новейшая история российских финнов демонстрирует, что этничность может выступать в качестве инструмента для достижения определенной цели. Вместе с тем изменение этнических моделей может и не осознаваться носителями культуры. Таким образом, этническая общность нами определяется по совокупности объективных и субъективных характеристик, т. е. в рамках интегративного подхода.

Целью исследования было выявить факторы, повлиявшие на судьбу семей с финской родословной на протяжении нескольких поколений, определить степень сохранности и трансформации этнической культуры. При этом понятию «семья» мы предпочитаем понятие «семейно-родственная общность», поскольку фактически речь идет не только о нуклеарной семье, т. е. о супружеской паре и их детях, но и о многопоколенной семейной общности, объединенной родством. В определении семейно-родственных общностей существенное значение для данной работы имели исследования Т. Харевен, П. Томпсона, И. А. Разумовой, Ю. А. Гаспаряна⁶.

⁴ Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. L.; N. Y.: Verso, 1991. P. 5–7; Brubaker R. *Ethnicity without groups*. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 283 p.; Соколовский С. В. Парадигмы этнологического знания // *Этнографическое обозрение*. 1994. № 2. С. 3–17; Он же. Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // *Этнографическое обозрение*. 2008. № 4. С. 60–76; Тишков В. А. О феномене этничности // *Этнографическое обозрение*. 1997. № 3. С. 3–21; Он же. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. 543 с.

⁵ Тишков В. А. О феномене этничности. С. 12–13.

⁶ Разумова И. А. *Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История*. М.: Индрик, 2001. 376 с.; Она же. Этнокультурные аспекты функционирования семьи на Кольском Севере (по историко-этнографическим материалам) // *Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история*. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 37–50; Она же. Культурная политика современной российской семьи: подходы, исследования, практика // *Карельская семья во второй половине XIX — начале XXI вв.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций: сб. ст. и мат-лов*. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 66–86; Гаспарян Ю. А. *Семья на пороге XXI века (социологические проблемы)*. СПб.: Петрополис, 1999. 320 с.; Томпсон П. *Семейный миф, модели поведения и судьба человека* // *Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой*. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 110–145; Харевен Т. *Время семьи и время промышленности* // Там же. С. 146–188.

В соответствии с избранным подходом объектом изучения являются семейно-родственные группы как носители этнической культуры. Если рассматривать процессы этнической идентификации в исторической динамике, то семья вызывает интерес, прежде всего, в качестве преемственной общности. Она одновременно сохраняет культурные традиции, трансформирует их, адаптируя к меняющимся условиям, и создает новые, поскольку каждая семья во многом неповторима и наследует свойства разных родительских и прауродительских семей.

Семейно-родственные общности с финской родословной, поселившиеся в разное время на Кольском Севере, подразделяются в зависимости от места исхода на четыре локальные группы: ингерманландцы, выходцы из северных районов Финляндии, выходцы из южных районов Финляндии и потомки американских финнов (приложения 1, 2). В дореволюционный период в регионе проживали представители лишь одной группы — финские колонисты, которые переселились из Северной Финляндии. В настоящее время представители всех групп объединяются термином «российские финны». Официальное понятие «российские финны» утвердилось с принятием 29 июня 1993 г. Верховным советом Российской Федерации Постановления «О реабилитации российских финнов»⁷.

В судьбах российских финнов определяющую роль сыграли переселения. В части анализа проблем миграционно-адаптационных процессов автор солидарна с Кэролайн Б. Бреттелл и Джеймсом Холлифилдом. В работе “*Migration Theory*” они рассматривают, в частности, вопросы о влиянии миграции на изменение культуры, этнической идентичности, а также причины миграции. Основная цель “*Migration Theory*” — «наведение мостов между различными дисциплинами», изучающими миграции. Д. Холлифилд и К. Бреттелл акцентировали внимание на возможностях применения для изучения миграционных процессов методов типологизации биографических «историй жизни», этнографического описания жизненных путей, образа жизни⁸.

Общепризнано, что одним из важнейших условий формирования любой общности и показателем существования ее во времени является наличие коллективной (исторической, культурной) памяти. При изучении семейной историко-культурной памяти опорной является концепция, разработанная в известных трудах М. Хальбвакса, Я. Ассмана, П. Нора и др.⁹ и основывающаяся на идее, что коллективная память всегда избирательна, поскольку разные группы обладают различными коллективными воспоминаниями. В. А. Шнирельман считает, что уместнее говорить «не о коллективной, а о социальной памяти, имея в виду огромную роль социального фактора в формировании образов

⁷ Постановление Верховного Совета РФ № 5291-1 «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 года // Электронный фонд правовой документации: сайт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004644> (дата обращения: 17.04.2013).

⁸ *Migration Theory: Talking across discipline* / ed. by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. N. Y.; L.: Routledge / Taylor & Francis Group, 2000. 240 p.

⁹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.; Ассман Я. Культурная память. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. (*Studia historica*); Нора П. Проблематика мест памяти / пер. с фр. Д. Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.

прошлого»¹⁰. Кроме того, В. А. Шнирельман вслед за рядом западноевропейских коллег не противопоставляет, как это делал М. Хальбвакс, историю (которую пишут профессионалы) и социальную память, поскольку ученые тоже являются частью общества¹¹. Мы оставляем в стороне обширное поле дискуссионных научных проблем, касающихся социальной памяти, которые обсуждаются уже не одно десятилетие. Используя необходимые понятия, разработанные в рамках концепции социальной памяти, обратимся к конкретному локальному эмпирическому материалу, чтобы он в перспективе способствовал тем или иным теоретическим построениям.

Механизм сохранения семейной памяти общностей с финской родословной рассматривается на материале комплекса источников. Среди них значительное место занимают семейные архивы и эго-документы. В определении понятия и изучении эго-документов существенную помощь оказали работы Р. Деккера¹². Эго-документ — это обобщающее понятие для мемуаров, автобиографий и писем как «документально-художественных» произведений¹³. Особое внимание Деккер обратил на методы работы с эго-документами. В частности, он предлагал историку, изучающему биографические документы, самому вести дневник или писать автобиографию.

Ценными источниками для реконструкции истории финских поселенцев на Крайнем Севере являются этнографические описания. Изучение российских финнов началось в дореволюционный период. Экспедиции на Крайний Север «имели поначалу лишь практический характер и отражали экономические и колонизационные потребности Российской империи»¹⁴. Первыми стали описывать быт финских колонистов не только этнографы, такие как Н. Н. Харузин и В. Н. Никольский (участник экспедиции, предпринятой Обществом распространения естественнонаучных знаний), но и чиновники. В их числе вице-губернатор Архангельской губернии Д. Н. Островский, губернатор Архангельской губернии А. П. Энгельгардт, контр-адмирал А. К. Сиденснер. Интерес государственных служащих имел практический характер и был вызван экономическими и колонизационными потребностями Российской империи: с учетом развития в регионе промысловой и колониальной жизни следовало дать характеристику населения от экономического положения до нравов и обычаев. Книга А. П. Энгельгардта, «скромно названная «путевыми записками», представляет собой настоящую энциклопедию Русского Севера»¹⁵. Она исключительно богата историческими, географическими и этнографическими

¹⁰ Шнирельман В. А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12.

¹¹ Там же. С. 15.

¹² Dekker R. Jacques Presser's heritage: Egodocuments in the study of history // *Memoria y Civilización*, 2002. № 5. P. 13–37; Деккер Р. Долгосрочные тенденции автобиографического творчества в Нидерландах // *Человек*. М.: Наука, 2016. № 5. С. 71–84.

¹³ Dekker R. Jacques Presser's heritage: Egodocuments in the study of history. P. 13–15.

¹⁴ Бодрова О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половине XIX — начала XX вв. Апатиты: КНЦ РАН, 2014. С. 33.

¹⁵ Шабалов С. Энциклопедия Русского Севера // Энгельгардт А. П. Русский Север: путевые записки. М.: ОГИ, 2009. С. 7–12.

фактами, несмотря на то что главная задача, которую ставил перед собой А. П. Энгельгардт, была сугубо практическая: на основе собранного материала обосновать необходимость строительства в регионе телеграфных линий, дорог и почтовых станций¹⁶. А. К. Сиденснер не только дает экономическую характеристику региона, показывает перспективы его развития, но и уделяет внимание вопросам колонизации побережья, а также описывает финские колонии. В частности, А. К. Сиденснер сообщал, что финские колонисты абсолютно не знали русского языка и традиций¹⁷.

В 1920-е гг. продолжилось изучение края в этноэкономическом отношении. Общий статистико-экономический характер имели исследования А. А. Жилинского¹⁸, Н. В. Воленс¹⁹. Труды этнографов В. К. Алымова²⁰ и Д. А. Золотарева²¹ были направлены на этнографическое изучение саамов, в их работах встречаются лишь фрагментарные сведения о кольских финнах. Углубленным изучением финского населения края с этнографической точки зрения никто не занимался. Судьбы исследователей сложились трагически: Н. В. Воленс в 1929 г. была арестована и в 1937 г. расстреляна, В. К. Алымов расстрелян в 1938 г. по обвинению в участии в «Контрреволюционной повстанческой организации», Д. А. Золотарев арестован в 1930 г. за «развал краеведческой работы по изучению достижений социализма и увлечение стариной», впоследствии ему инкриминировали пропаганду русско-финского фашизма, в 1935 г. он умер в лагере²².

¹⁶ Энгельгардт А. П. Русский Север: путевые записки. М.: ОГИ, 2009. 256 с.

¹⁷ Сиденснер А. К. Сведения о Мурманском берегу, собранные летом 1896 года контр-адмиралом Сиденснером. СПб.: Типография Морского Министерства, 1897. 102 с.; Он же. Описание Мурманского побережья. СПб.: Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1909. С. 41.

¹⁸ Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград: Типо-литография Северо-Западного округа путей сообщения, 1919. 296 с.

¹⁹ Воленс Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство: материалы статистико-экономического исследования 1921–1922 гг. // Труды НИИ по изучению Севера (б. Северная Научно-Промысловая Экспедиция). М., 1926. Вып. 28. 112 с.

²⁰ Алымов В. К. Об ассимиляции лопарей // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 17–18. С. 7–10; Он же. Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова // Кольский сборник: материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л.: АН, 1930. Вып. 23. С. 71–101.

²¹ Золотарев Д. А. На Западно-Мурманском побережье летом 1928 г. // Кольский сборник: материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л.: Изд-во АН, 1930. Вып. 23. С. 1–21.

²² Загребин А. Е. Этнографическое финно-угроведение в России: проблемы поиска новых источников // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков; Отд. ист.-филол. наук РАН. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 633; Он же. Этнографическое финно-угроведение в России: динамика научных идей и знаний. С. 6; Степаненко А. М. Расстрелянная семья: исторические очерки о кольских саамах. Мурманск, 2002. С. 161, 192; Шангина И. И. Давид Алексеевич Золотарев — исследователь культуры народов Северо-Запада и Центрального региона Европейской России (к 125-летию со дня рождения) // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: мат-лы 9-х Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2010. С. 14; Золотарев Давид Алексеевич // Кольская энциклопедия. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. Т. II. С. 127–128.

Начиная с середины 1930-х и до конца 1960-х гг. исследования финского населения Мурманской области не проводились. Самыми трагическими для финнов стали 1930–1940-е гг. Многие из них были репрессированы и осуждены за шпионаж и контрреволюционные преступления, оставшиеся высланы за пределы региона. Информация о них, долгое время хранившаяся в архивах, стала публиковаться с 1990-х гг. после принятия Закона «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года № 1107 и Постановления Верховного Совета РФ № 5291 «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 года²³. Этот период можно считать рубежом, после которого активизировался интерес к истории российских финнов.

История колонизации Кольского Севера хорошо известна и отражена в работах И. Ф. Ушакова, А. А. Киселева, Е. А. Ореховой, А. Ю. Юрченко²⁴. В частности, Е. А. Орехова и А. Ю. Юрченко наряду с проблемами «иностранной» колонизации Мурманска уделили внимание хозяйственной деятельности колонистов. Однако при изучении истории освоения Мурманского берега историки отдавали приоритет норвежской колонизации, хотя норвежские колонисты были далеко не самой крупной этнической группой переселенцев. Сведения о колонизации Мурманского побережья финнами содержатся в работах финских авторов Ю. К. Нюссонена, В. П. Лехтола, А. В. Эрvasti²⁵. Экспедицию финского журналиста А. В. Эрvasti в 1882 г. интересовало побережье Северного Ледовитого океана в связи с тем, что финляндское правительство преследовало

²³ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107 «О реабилитации репрессированных народов» // ГАРАНТ: сайт. URL: <http://base.garant.ru/10200365> (дата обращения: 21.03.2018); Постановление Верховного Совета РФ № 5291 «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г. // Электронный фонд правовой документации: сайт. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004644> (дата обращения: 17.04.2013).

²⁴ Ушаков И. Ф. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск: Книж. изд-во, 1972. 672 с.; Киселев А. А. Финны на Мурмане // Полярная правда. 1989. № 57. 11 марта; Он же. Финны на Мурмане, или как возникла и исчезла финская община на Кольском полуострове // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3. С. 28–41; Он же. Очерки этнической истории Кольского Севера. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.; Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX — первой трети XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб.; Она же. Газета «Полярный коллективист» как источник по истории колоний Западного Мурманского берега второй половины 1930-х гг. // Мурманская область: история в документах: мат-лы регионал. науч.-практич. конф. Мурманск, 2018. С. 88–92; Юрченко А. Ю. Этнические аспекты колонизации побережья Баренцева моря в середине XIX — начале XX вв. // Наука и бизнес на Мурмане. 2001. № 2. С. 5–12.

²⁵ Nyysönen J. The Finnish Presence on Murman Coast — The Era of Petsamo 1920–1944 // In the North My Nest is Made // Studies in the history of the Murman Colonization 1860–1940 / eds. A. Yurchenko, J. P. Nielsen. St. Petersburg: European University of St. Petersburg / University of Tromsø. 2006. P. 197–238; Он же. The Finnish historical inquiry on Petsamo and the changes in the Soviet Union // Russian — Finnish relations: Inter-textual and contextual analysis of two texts. Murmansk State Humanities University, 2008. P. 19–26; Lehtola V.-P. Petsamon kolttasaamelaiset. Turjanmeren maa // Petsamon historia 1920–1944 / eds. J. Vahtola, S. Onnela. Rovaniemi: Petsamoseura, 1999; Ervasti A. V. Suomalaiset jaameren rannalla: Matkamustelmia. Oulussa: Kirjot tajan kustannuksella, 1884. 348 p.

цель присоединения этих территорий. В путеводителе он дает подробные статистические данные, описывает колонистов и их быт. А. В. Эрvasti оправдывал финское присутствие тем, что аборигенные жители территории колтта-саами как «слабый брат» нуждались в защите от норвежцев. Вели-Пекка Лехтола интересовали взаимоотношения между колтта-саами и финнами. Он считал, что финны относились к саамам как «завоеватели», и такое отношение было широко распространено среди финских поселенцев. Поэтому Лехтола интерпретировал финскую аннексию Петсамо (Печенги) как колониалистскую. Он рассматривает период Петсамо как период интереса Финляндии к северным регионам. Ю. К. Нюссонен не столь категоричен, как В. П. Лехтола. Он отмечает, что серия вооруженных экспедиций дает право говорить о колониальных чертах освоения финнами побережья. Названия мест были изменены на финские. Язык управления стал финским, что подчеркивает желание администрации сделать регион финским и придает данному процессу завоевательный характер. Однако Ю. К. Нюссонен отмечает и положительную сторону финской колонизации, которая состоит, в частности, в модернизации района Петсамо (проведение дороги, появление никелевой шахты, порта Лийнахамари), хотя она была неполной и в конце концов прервалась. В результате Ю. К. Нюссонен приходит к выводу, что со стороны Финляндии это была культурная колонизация.

Изучению проблем формирования финского населения региона, межэтнических взаимоотношений и процессов этнической идентификации способствовали исследования, посвященные как общим вопросам формирования этничности, так и этнокультурной идентификации отдельных локальных диаспорных и дисперсных групп: работы В. А. Тишкова, Ю. П. Шабаева, А. В. Черных и М. С. Каменских, Д. Г. Коровушкина и ряд других²⁶.

В настоящее время финнов Мурманской области можно с оговорками считать этнодисперсной группой. Этнодисперсная группа — расселенная этническая группа, представители которой проживают не компактно, а рассеянно, ее нельзя назвать устойчивым сообществом, кроме того, она не имеет каких-либо этнических объединений для поддержания своей культуры. Учитывая характер расселения финнов на Кольском Севере на сегодняшний день, к ним можно применить это обозначение, хотя, на наш взгляд, оно недостаточно разработано. В данном исследовании общность «финны» рассматривается в историческом ракурсе, поэтому мы отдаем предпочтение понятию «этнолокальная группа» в тех случаях, когда речь идет о локализации финских переселенцев определенного периода на Кольском Севере («финны-колонисты Мурманска») или о специфической их связи с территорией выезда («американские финны»). Локальный показатель выступает в качестве дополнительного

²⁶ Тишков В. А. О феномене этничности; Он же. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии; Шабаев Ю. П., Шилов Н. В., Денисенко В. Н. Язык и этничность: дискуссия о языковой политике в регионах проживания финно-угров // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 92–105; Черных А. В., Каменских М. С. Этнодисперсные группы народов Пермского края. Белорусы: миграционные и этнические процессы // Вестник Пермского научного центра. 2014. № 1. С. 100–109; Коровушкин Д. Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX — начале XXI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009.

признака, который определяет этническую идентификацию в зависимости от вектора миграции.

При изучении истории финнов и процесса этнической самоидентификации мы использовали понятие «коллективной травмы» и руководствовались в его понимании, в частности, работами В. А. Шнирельмана и Э. М. Гучиновой²⁷. Современные исследователи рассматривают социальную и культурную травму как коллективный опыт и переживание, которые выполняют консолидирующую функцию и формируют сообщества утраты²⁸. Такую травму испытали и российские финны.

Спецпереселения и репрессии советского периода, в том числе на Кольском Севере, широко освещены в работах В. Я. Шашкова, Н. Ф. Бугая, С. Н. Дашинского, Л. А. Гильди, Л. И. Вавулинской, А. Б. Суслова, С. А. Савиловой²⁹. Большинство представителей изучаемой нами группы в известный период советской истории относились к категории «спецконтингента». Принятое определение этой категории как «совокупности различных категорий репрессированного населения, насильственно вовлеченного в производственные процессы и содержащегося на режимных условиях», А. Б. Суслов аргументированно предложил расширить, включив

²⁷ Шнирельман В. А. Миф о прошлом и национализм. URL: http://semitology.lugovsa.net/elephants/myth_of_past.htm (дата обращения: 04.11.2015); Он же. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Брилл Олкотт, И. Семенова. М.: Гендальф, 2001. С. 12–33; Он же. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34; Гучинова Э. М. Вынужденные переселения и этническое самосознание: на примере этнополитической истории калмыков в XX веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

²⁸ Травма: пункты: сб. ст. / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.

²⁹ Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. Мурманск: МГПИ, 1993. 139 с.; Он же. Великое выселение // Вечерний Мурманск. 1999. 19 окт.; Он же. Спецпереселенцы // Мурман, Хибинь до и после... Апатиты: Хибинское общество «Мемориал», 2002. С. 26–29; «По решению правительства Союза ССР...» / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 927 с.; Книга Памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР / сост. Л. А. Гильди, М. М. Браудзе. СПб.: ООО «Гиоль», 2010. 655 с.; Гильди Л. А. Расстрелы, ссылки, мученья. СПб., 1996. 311 с.; Он же. Судьба «социально-опасного народа» (Засекреченный геноцид финнов в России и его последствия. 1930–2002 гг.). СПб.: ДЕАН, 2003. 504 с.; Он же. Народ изгой в России. СПб., 2006. 293 с.; Книга Памяти: Рос. Федерация, Мурман. обл. Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской обл. / сост. С. Н. Дашинский, В. В. Воронин, В. А. Нечушкин. Мурманск, 1997. 410 с.; Дашинский С. Н. Не делать из истории политику // Расстрелянная семья. Мурманск, 2002. С. 214–222; Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х — середине 1950-х гг. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 337 с.; Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2004. 38 с.; Савилова С. А. «Хотелось бы всех поименно назвать» // Культурологический альманах АСТЭС. Вып. 5. 2008. С. 130–149.

в «спецконтингент» всех репрессированных, содержащихся на режимных условиях, включая заключенных тюрем, этапированных и т. д.³⁰

Значительный вклад в изучение истории и культуры ингерманландских финнов внесла О. И. Конькова. В работе «Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры» она представила подробное описание истории, материальной и духовной культуры ингерманландцев. Большая заслуга в изучении истории российских финнов принадлежит петрозаводскому историку И. Р. Такала³¹. Она, в частности, приходит к выводу, что решающим фактором «для включения в потенциальные жертвы» политических репрессий 1930-х гг. была не этническая принадлежность финнов, а наличие связи с границей. Предметом исследований И. Р. Такала являются также вопросы сохранения финского языка и процессы сокращения финского населения в России. Ценным источником является книга Э. Г. Карху «Малые народы в потоке истории»³², в которой содержатся сведения о спецпереселенцах-ингерманландцах, а также этнографический материал (о быте, пище, одежде, языке, религиозных представлениях и практике, структуре семьи), свидетельствующий, в частности, об адаптации ингерманландцев к условиям Кольского Севера. Э. Г. Карху — ученый-литературовед, выходец из семьи ингерманландских крестьян, которую раскулачили и выслали в 1931 г. в район Хибиногорска³³. Книга основана, прежде всего, на личных воспоминаниях Э. Г. Карху, т. е. при общей установке на научность она имеет мемуарный характер. Быт финских колонистов подробно описан в книге известного мурманского художника и писателя С. П. Локко «Финны на Мурмане», созданной в жанре мемуаров³⁴.

Самую существенную роль в жизни российских финнов сыграл этнополитический фактор. Соответствующие правительственные указы, приказы,

³⁰ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в. С. 4–5.

³¹ Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Журнал «Нева», 2002. 172 с.; Она же. Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии: сб. науч. ст. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 30-х годов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. С. 32–51; Она же. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е — первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 107–149; Она же. Финский язык в России: история и судьба. Петрозаводск: ПетрГУ, 2010. С. 24–41; Суни Л. В., Яловицына С. В., Такала И. Р. Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове. Прибалтийско-финские народы России // Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 522–554; Такала И. Р. Большой террор в Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 143–207.

³² Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. Исследования и воспоминания. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. 255 с.

³³ Светлой памяти Э. Г. Карху // Карелия. 2008. № 41. 17 апр.; Карху Э. Г. Финско-русские литературные связи XIX–XX веков // Многоликая Финляндия: образ Финляндии и финнов в России: сб. науч. ст. / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюхи, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 43–88.

³⁴ Локко С. П. Финны на Мурмане. Мурманск: Фонд культуры, 1993. 409 с.

административные распоряжения кардинально меняли семейные траектории. Законодательные акты и нормативно-распорядительная документация служат важным источником для изучения этих траекторий и моделей поведения, которые использовали семьи в ответ на действия властей. Источниками необходимых сведений по таким важнейшим этнодемографическим показателям переселенческих групп, как изменение численности финского населения и его расселение на изучаемой территории, являются переписи населения³⁵. Были использованы также документы государственных архивов Мурманской и Архангельской областей.

Главным же источником при подготовке этой книги послужил материал, собранный в ходе полевых исследований в Мурманской области, которые проводились в 2009–2018 гг. в городах Мурманск, Апатиты, Кировск (в том числе в микрорайоне Кукисвумчорр), Мончегорск, Ковдор, Полярные Зори, в поселках Верхнетуломский, Зеленоборский, Кильдинстрой, Ревда, Африканда, Ёна и Княжая Губа. Основными инструментами являются интервью и наблюдение³⁶. Большая часть материала была получена в ходе интервьюирования финского населения и потомков финских семей. Беседы строились по методике «глубокого погружения», принятой в этнографии. Эта методика позволяет при незначительном количестве информантов получить достаточно объективную и качественную картину. В результате продолжительной беседы об истории семьи, репрессиях, сохранении отдельных элементов этнической культуры выявляются интересующие исследователя аспекты. При сборе и анализе устного материала использовался устно-исторический метод — практика научной организации устной информации очевидцев событий, зафиксированной специалистами³⁷. В настоящее время «поколение очевидцев тяжелейших в человеческой истории преступлений постепенно уходит из жизни», в связи с чем события относительно недавнего прошлого закономерно становятся «предметом воспоминания и комментирующей обработки», как сформулировал

³⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел // Архангельская губерния. 1899. URL: <http://www.rusemp.info/perepis1897/arkhangelsk.html> (дата обращения: 16.01.2015); Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М.: Наука, 1992; Всесоюзная перепись населения 1970 года: сб. ст. / под ред. Г. М. Максимова. М.: Статистика, 1976; Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: Статистика, 1973; Население СССР. 1987: Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1988; Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004 // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. / Федер. служба гос. статистики. Т. 4, кн. 1.

³⁶ Nesbitt E. *Ethnography, Religion and Intercultural Education* // *International Handbook of the Religious, Moral and Spiritual Dimensions in Education* / ed. by M. de Souza et al. Springer, 2009. P. 388.

³⁷ Шмидт С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // *Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: тез. докл. и сообщений*. М.: РГГУ, 1991. С. 262–263.

теоретик социальной памяти Я. Ассман³⁸. Отличительной чертой устной истории как метода является акцент на субъективном восприятии истории отдельной личностью, кроме того, устная история служит источником исторической информации³⁹. Этот метод позволяет сохранить свидетельства непосредственных участников исторических событий, обычных людей, которые в официальных источниках фигурируют только в качестве статистических единиц, а часто вообще забыты.

Семейная судьба представляет собой одновременно цепь поколений, совокупность жизненных путей нуклеарных семей и совокупность индивидуальных линий жизни. При анализе и схематизации данных мы обратились к биографическому методу и использовали понятие «траектории», а также применили «подход жизненного пути»: «Семейный жизненный путь (family life course) состоит из всех событий и периодов времени (стадий) между событиями, которые произошли в семье»⁴⁰. Мы предприняли реконструкцию истории семьи на протяжении нескольких поколений, что принято также называть методом социальных генеалогий⁴¹.

Интервью позволили изучить генеалогии, историю, повседневную жизнь переселенческих семей. История отдельно взятой семейно-родственной общности, во-первых, является частью локального знания; во-вторых, представляет макроисторические события (война, депортация этнических групп, политические решения, социально-экономические преобразования). Эти события выступают в качестве факторов, определяющих судьбу членов семьи⁴².

При поиске информантов в основном использовался метод «снежного кома», когда на кого-либо указывали как на финна или как на человека с финскими корнями его знакомые, коллеги, родственники. Основной корпус устных источников состоит из 36 транскрибированных интервью. Наибольшую ценность представляют интервью с информантами, рожденными в довоенный период. К сожалению, живых носителей памяти о ключевых социальных травмах XX столетия остается все меньше. Сложности рассказывания после долгих лет молчания порождают лакуны в повествованиях, что отмечают исследователи⁴³. Пробелы по возможности восполнялись по другим источникам, в первую

³⁸ Цит. по: Кузь В. В. Проблема социальной памяти в современной историографии и перспективные исследования в пространстве региональной гуманитаристики // «Мурманская область: история в документах»: мат-лы регионал. науч.-практич. конф. Мурманск: ГОКУ «Государственный архив Мурманской области», 2018. С. 31.

³⁹ Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 13; Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» // Хрестоматия по устной истории. С. 58.

⁴⁰ Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2016. С. 114.

⁴¹ Судьбы людей: Россия. XX век (Биографии семей как объект социологического исследования) / отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М.: Институт социологии РАН, 1996. С. 9.

⁴² Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. С. 302–319.

⁴³ Рождественская Е. Ю. Словами и телом: травма, нарратив, биография // Травма: Пункты: сб. ст. / под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М.: НЛО, 2009. С. 109.

очередь, по документам, хранящимся в семейных архивах. Большую помощь в поиске биографических сведений оказали Книги Памяти⁴⁴. Члены семей репрессированных часто восстанавливают по ним информацию о близких, но в нескольких случаях данные, найденные в ходе нашей работы, оказались для них новыми.

Анализ текстов интервью и бесед с информантами основывался на принципах и методике устно-исторического исследования, разработанной в европейской науке⁴⁵. Учитывались такие особенности устно-исторического источника, как высокая степень субъективности и воздействие на него со стороны интервьюера. В ходе интервью информант выстраивал рассказ о своей жизни вокруг определенной темы, которую устанавливал интервьюер⁴⁶. Если при рассмотрении историй отдельных семей в наличии были разные источники, мы использовали метод триангуляции, особенно полезный для сопоставления данных, полученных от двух или нескольких родственников или от информантов, с детства хорошо знавших семьи друг друга. При транскрибировании учитывались интонация и другие речевые особенности информантов, которые влияют на воссоздание смысла текста. Таким образом, применена смешанная стратегия исследования, которая комбинирует индивидуальные интервью и данные письменных источников⁴⁷.

При помощи сравнительно-исторического метода автор попыталась выявить основные черты трансформации этничности в семьях с финской родословной. Компаративный метод способствовал также установлению общих и особенных черт культуры локальных финских групп.

Несколько предварительных замечаний об этических проблемах исследования. Этнограф всегда имеет дело с людьми, а в нашем случае — еще и с частной жизнью, более того, с такими фактами семейного прошлого, которые в течение долгого времени скрывались. Естественно, что в процессе работы неизбежно возникают вопросы, связанные с этическим аспектом деятельности, который имеет первостепенное значение для этнографа (социального антрополога). Прошло достаточно времени после разностороннего обсуждения этических проблем полевых исследований на страницах журнала «Антропологический форум»⁴⁸, но все вопросы продолжают оставаться актуальными и меньше их не становится.

⁴⁴ Книга Памяти жертв политических репрессий (20–50-е гг.): Мурманская область; Книга Памяти: Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской обл.; Книга Памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность.

⁴⁵ Розенталь Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью // Хрестоматия по устной истории / под общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 322–355; Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» // Там же. С. 52–65.

⁴⁶ Цитаты из устных текстов, записанных от информантов, приводятся курсивом в отличие от цитат из опубликованных источников.

⁴⁷ Рясенен М. Анализ теории и практики полевых работ // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия: межвуз. сб. СПб: Издательство С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 203–204.

⁴⁸ Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 7–166.

Первый контакт с информантом уже создает известное напряжение, поскольку мы не только претендуем на личное время человека, но обращаем его к воспоминаниям, которые эмоционально переживаются и нередко болезненны, а информанты при этом большей частью не молоды. Не всегда можно сразу убедить информанта, что именно он нужен как носитель исторических знаний. Приходится использовать разные способы, чтобы установились доверительные отношения. При поиске информантов в основном использовался метод «снежного кома», когда на потенциального информанта указывали его знакомые. Протекция вызвала доверие. Вместе с тем собиратель не всегда сообщала информанту, у кого до него брала интервью, особенно если предыдущее интервью было получено у родственника или знакомого. В любом случае, информанты не просто оказывают значительную помощь в работе, но становятся ее участниками, поэтому оптимальными были ситуации, когда нам удавалось установить отношения равноправного диалога.

Проводя исследование, мы неизбежно основываемся на общеэтических нормах и на собственных установках. Исследователю приходится предвидеть последствия от возможного использования полученной информации другими людьми и инстанциями, когда она будет опубликована. Во многих странах практика анонимности является общепринятой. Нам также представилось целесообразным прибегнуть к зашифровке имен, в книге вместо них используются числа. Это не украшает текст, но избавляет от вымышленных условных имен, которые автору пришлось бы изобретать с учетом этнической антропониимии. Разумеется, и текстовая информация, и фотографии, и документы позволяют при желании провести соответствующее «расследование», но мы надеемся, что анонимность ограничит вероятность нанесения ущерба информанту со стороны тех, чье знакомство с опубликованными сведениями нежелательно. Исследователь должен осознавать, насколько велика такая вероятность, и мы не намерены разделять ответственность с людьми, которые доверительно и бескорыстно сообщили нам ценную семейную информацию. Кроме того, необходимая корректность может уберечь и самого публикатора от возможных претензий. В случаях, когда информант попросил, чтобы документы из его семейного архива не публиковались, это требование безоговорочно выполнено. В других случаях испрашивалось разрешение. То же касается цитируемых текстов, если рассказчик заранее оговаривал условия. Если же его не волновал этот вопрос, приходилось руководствоваться собственными принципами отбора. Информанты заранее знали цели исследования (они были понятны и по вопросам, которые задавались во время интервьюирования). Как правило, интервьюер уточняла, что она не журналист (отношение к этой категории задающих вопросы большей частью негативное) и что фамилии информантов нигде не публикуются (хотя большинство из них и не ставили такого условия).

От информантов никогда не скрывалось использование диктофона или фотоаппарата. Если собеседник не давал согласия на фиксацию рассказа (сталкиваясь с такой проблемой приходилось в единичных случаях), то содержание беседы записывалось в тот же день по памяти. Все, что рассказано без диктофона, «по секрету», сохраняется в памяти исследователя, но используется эта личная информация только в качестве дополнительной и фоновой, без цитирования. Многие информанты рассказывали случаи, относящиеся к интимной сфере, или высказывались на политические темы. Ни научная, ни общечеловеческая этика не позволяют публиковать полученные

сведения, если они носили потаенный характер, тем более что данная доверительная информация не изменила бы сути исследования. Кроме того, даже из прагматических соображений нельзя подрывать доверие информанта, так как часто приходится обращаться к нему повторно. По мнению автора, человеческие отношения, которые завязываются с информантами в процессе работы, нельзя игнорировать после ее завершения, тем более что в нашем случае мы живем и работаем в одних и тех же небольших городах, даже если речь о масштабе области, это мало что меняет — связи достаточно тесные. Заметим в скобках, что точки зрения профессионалов по этому вопросу значительно расходятся.

Низкий поклон всем информантам, с которыми мне посчастливилось работать и которые не только бережно сохранили семейную память, но и бескорыстно познакомили с документами семейных архивов, поделились знаниями и опытом прожитой жизни. Без них эта книга была бы невозможна. Светлая память тем из них, кто не дожил до сегодняшнего дня.

Выражаю искреннюю благодарность своему научному руководителю И. А. Разумовой, оказавшей значительную помощь в осуществлении данной работы, В. П. Петрову, при содействии которого у меня появилась возможность работать в ЦГП КНЦ РАН и заниматься исследованиями по избранной тематике. Я признательна доктору исторических наук, члену-корреспонденту РАН, профессору, заведующему сектором этнологических исследований Отдела истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН А. В. Черных; доктору исторических наук, профессору, заведующему сектором этнографии Института языка, литературы и истории КомиНЦ УрО РАН Ю. П. Шабаеву; доктору исторических наук, профессору, директору Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН О. П. Илюхе; доктору исторических наук, профессору, главному научному сотруднику Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН Ф. Г. Сафину; доктору филологических наук, главному научному сотруднику отдела этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН Ф. Г. Галиевой; доктору исторических наук, главному научному сотруднику отдела этнографии Института этнологических исследований Уфимского научного центра РАН Р. Р. Садикову; доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Музея антропологии и этнографии РАН А. К. Салмину; доктору философских наук, профессору Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета С. П. Парамоновой; кандидату исторических наук, заведующей отделом Севера и Сибири Института этнологии и антропологии РАН Е. А. Пивневой; кандидату исторических наук, доценту Череповецкого государственного университета Н. В. Алексеевой, которые рецензировали работу, положительно отозвались о ней и участвовали в обсуждении на разных этапах исследования, чьи советы и критические замечания очень помогли автору. Светлая память доктору исторических наук, профессору, заведующему кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного университета Г. Н. Чагину. Автор глубоко благодарна коллегам по работе в ЦГП КНЦ РАН кандидату исторических наук О. В. Змеевой, кандидату исторических наук О. В. Шабалиной, Е. Я. Пации за профессиональные советы и дружескую поддержку. Автор благодарит руководителя центра «Возвращенные имена» при Российской национальной библиотеке А. Я. Разумова за помощь в сборе материала. Особая благодарность моей семье за помощь и терпение.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВКП(б) — Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВМН — высшая мера наказания
ВОВ — Великая Отечественная война
ВЦИК — Всероссийский центральный исполнительный комитет
ГАМО — Государственный архив Мурманской области
ГКО — Государственный Комитет Обороны
ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей
ЗАГС — записи актов гражданского состояния
ЗАТО — закрытое административно-территориальное образование
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
КФССР — Карело-Финская Советская Социалистическая Республика
ЛО — Ленинградская область
МВД — Министерство внутренних дел
МО — Мурманская область
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ПМА — полевые материалы автора
РИК — районный исполнительный комитет
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная армия
РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
СА — семейный архив
СНК — Совет народных комиссаров
УК — Уголовный кодекс

Глава 1

ИСТОРИЯ МИГРАЦИЙ ФИНСКИХ СЕМЕЙ НА КОЛЬСКИЙ СЕВЕР

История семей информантов может быть прослежена достаточно подробно на уровне индивидуальных биографий. Ключевое место в ней занимает «миграционный сюжет», который включает обстоятельства жизни на территории выезда, причины и тактики переезда, организацию жизни и быта на новом месте, адаптацию и последующие судьбы потомков переселенцев⁴⁹.

1.1. Миграции финнов из Северной Финляндии

Северо-Западный регион России характеризуется высокой интенсивностью миграционных процессов, вызванных различными социально-экономическими причинами. Финны из Северной Финляндии также участвовали в приграничных миграционных процессах. Граница между Кольским краем и Великим княжеством Финляндия была установлена в 1826 г.⁵⁰

До 1860-х гг. Кольский Север являлся одной из самых экономически отсталых окраин царской России и был практически не заселен⁵¹. До XIX в. постоянных финских поселений на территории края не было. Однако имеются сведения, что село Ёна «образовалось в 1840 году из пришлых финнов и саамов Бабинского погоста (преимущественно женщин, вышедших замуж за финнов)»⁵². Массового притока переселенцев не происходило, что было связано с оторванностью побережья от основных районов проживания людей⁵³. Как предполагает Е. А. Орехова, такая ситуация сложилась благодаря существовавшим представлениям «о резком ухудшении климата к востоку от Варангерского залива, опасениями перед русскими властями и отсутствием “удобств цивилизованной жизни”». Отсутствие дополнительных стимулов к переселению не могло привлечь на Мурманский берег переселенцев, к тому же и у российских властей существовали сомнения как в пригодности этой территории для постоянного проживания, так и необходимости ее заселения»⁵⁴.

Согласно данным финляндского исследователя, первый финский поселенец обосновался в устье реки Корнетийоки Печенгского района в 1850-х гг. Первый финский поселенец в колонии Пумманки появился в 1858 г.⁵⁵ В тот

⁴⁹ Разумова И. А. Этнокультурные аспекты функционирования семьи на Кольском Севере. С. 47.

⁵⁰ Nyysönen J. The Finnish Presence on Murman Coast — The Era of Petsamo 1920–1944. P. 202.

⁵¹ Беляев Д. П. Начальный этап колонизации Мурмана и архипелага Новая Земля во второй половине XIX — начале XX вв.: от замыслов к воплощению идеи // Живущие на Севере: Альманах. Мурманск: МГГУ, 2010. Вып. 1. С. 30.

⁵² Географический словарь Кольского полуострова / Мурман. фил. Геогр.-экон. НИИ Ленингр. гос. ун-та. Л.: Типография им. Володарского, 1939. Т. 1. С. 32.

⁵³ Юрченко А. Ю. Этнические аспекты колонизации побережья Баренцева моря в середине XIX — начале XX веков. С. 6.

⁵⁴ Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова...

⁵⁵ Nyysönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 208.

период архангельские чиновники имели настолько смутное представление об условиях жизни на Мурмане, что ходатайствовали перед Министерством государственных имуществ «о пользе заселения Мурмана в видах развития там земледелия» выходцами из Финляндии и Норвегии⁵⁶. И финны, как отмечала Н. В. Воленс, устремились на Мурман «в поисках более благоприятных природных условий своей хозяйственной деятельности»⁵⁷, поскольку прибрежные воды Западного Мурмана были богаты рыбой. В 1860 г. царское правительство предоставило доступ к российскому побережью Северного Ледовитого океана иностранным поселенцам⁵⁸. В это время активизировалась миграция финнов на Мурманское побережье из-за продолжавшегося несколько лет подряд голода в Финляндии⁵⁹. По этой причине мигрировал прадед (отец бабушки) информанта 19: *«Пумманки поселок назывался, или еще Земляная называли. И там был поселок финский. А её родители приехали из Куусамо. Голод был в Финляндии»*⁶⁰. Финская колония Земляная (ныне Большая Волоковая) в западной части полуострова Средний основана в 1864 г. выходцами из Куусамо⁶¹.

Появление на Мурманском побережье финских переселенцев привлекло внимание местной администрации. Для поощрения колонистов были установлены некоторые льготы: в 1868 г. Александр II утвердил «Положение о даровании льгот поселенцам Мурманского берега»⁶². Переселялись на побережье финны-бедняки, которым нечего было терять на родине: *«Они были “торпари” (безземельные крестьяне⁶³), или, как у нас называют, “батраки”. Они не имели своей земли, они землю арендовали. Должны были работать для себя и еще работать на хозяина земли. Они перебрались сюда из-за голода, в Финляндии несколько лет подряд тогда был сильный голод. Люди умирали от голода, вот и шли сюда»*⁶⁴. Правительство надеялось, что стимулирование переселения на

⁵⁶ Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. С. 146–147.

⁵⁷ Воленс Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство. С. 16–17.

⁵⁸ Nyussönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 208.

⁵⁹ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. СПб.: Европейский Дом, 2008. С. 69; Поленов А. Д. Отчет по командировке на Мурманский берег. СПб.: Типография В. Демакова, 1876. С. 36; Ушаков И. Ф. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. С. 321; Nyussönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 209.

⁶⁰ ПМА 2013 г. Информант 19.

⁶¹ Мусаев В. И. Финская и норвежская колонизация Мурманского берега (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. Вып. 1. Гуманитарные исследования. С. 122; Финны на Мурмане // Кольский Север. Энциклопедический лексикон: сайт. URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php> (дата обращения: 14.01.2016).

⁶² Сиденснер А. Описание Мурманского побережья. С. 15; ПСЗ–II. Т. XLIII. № 46467; Поленов А. Д. Отчет по командировке на Мурманский берег. С. 17; Nyussönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 208.

⁶³ Петров П. В. Топарский вопрос в общественно-политической жизни Финляндии начала XX века: материалы научно-методологической конференции ПетрГУ. Петрозаводск, 2005. С. 48.

⁶⁴ ПМА 2014 г. Информант 25.

Мурман финнов и норвежцев будет содействовать и русской колонизации⁶⁵. Царское правительство было заинтересовано в привлечении переселенцев в пустынный край, но в то же время опасалось чрезмерного увеличения численности иностранных граждан.

Колонисты селились по побережью Баренцева моря, в основном в губах и заливах между полуостровом Рыбачий и Кольским заливом (рис. 1), вдоль реки Тулома и в районе Иона-Бабинского погоста. Таким образом, миграции из Финляндии носили приграничный характер.

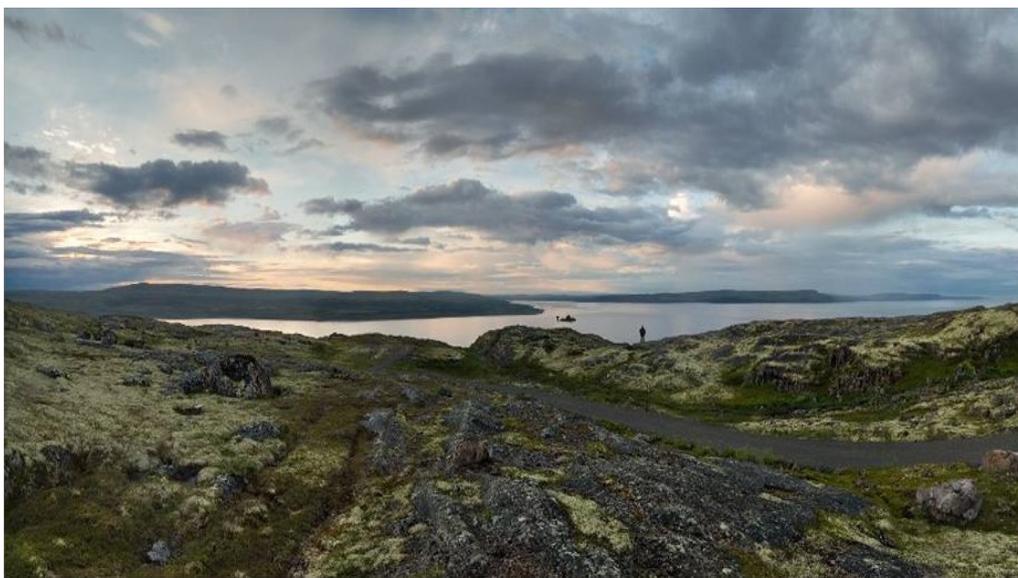

Рис. 1. Мотовский залив, на его берегу находились финские колонии.

Источник: https://www.alexandra-goryashko.net/vexov_kolonizacia_murmana.htm

Колония Ура-Губа (Уура) была основана одной из первых, в 1864 г. Среди первых жителей колонии Уура А. Эрvasti упоминает прапрадеда (Соломон Арпела, родился в 1823 г. в Ала-Торнио) и прадеда информанта 25 (Юхо Абрахам Раяла из Соданкюля), мигрировавших на побережье Мурмана в 1860 г. Также сведения о семье содержатся в метрических книгах, опубликованных в Финляндии (рис. 2). Фамилия предков информанта 25 по материнской линии упоминается в «Материалах по статистическому исследованию Мурмана». Бабушка информанта, 1885 г. рождения, вышла замуж за переселенца из Куусамо, 1875 г. рождения. Их дочь, мать информанта, родилась в 1912 г., вышла замуж за финна (1908 г. рождения), семья которого мигрировала в колонию Грязная Губа (с 1954 г. — ЗАТО Сафоново) на рубеже веков.

⁶⁵ РСЗ–II. Т. XLIII. № 46467; РСЗ–II. Т. LI. № 55934; РСЗ–III. Т. XV. № 11237.

Nimi	Syntynyt	Syntymäpaikka
Roikala, Kazlo, suomal.	1840	Lohtaja ²⁵⁶
Perttala, Alesham, suomal.	1849	Lohtaja ²⁵⁷
vmo Erika Albertina	25. 6. 1854	Kuusamo ²⁵⁸
t. Mari Kristina	8. 1872	Uura
p. Karl Johan	1. 11. 1875	"
t. Johanna	25. 3. 1878	"
t. Sofia Karolina	25. 6. 1882	"
t. Kaisa Matilda	11. 11. 1884	"
Pesonen, Johan Fredrik, suomal.	1853	Kuusamo ²⁵⁹
vmo Anna Beita	9. 1851	"
p. Antti	3. 1877	"
t. Josefina	5. 1879	"
p. Petter	1881	"
t. Anna Kaisa	1. 8. 1885	Uura
Rajala, Juhon Abraham, suom.	1834	Sodankylä ²⁶⁰
vmo Kaisa Stiina	1851	Inari <i>Arpela 1870</i>
p. Absalom	7. 2. 1869	Uura
t. Beita Kaisa	5. 1872	"
t. Susanna	6. 1877	"
p. Juhon Fredrik	7. 1880	"
t. Anna Sofia	17. 3. 1885	"
Rajala, Kustaa Fredrik, suomal.	1840	Sodankylä ²⁶¹
vmo Saara Kaisa	1827	Kittilä ²⁶²
p. Alexander Fredrik	10. 11. 1872	Petsamo
ostopöytä Salomon Hälonen	5. 1871	Uura

²⁵⁶ Kalle Juhon Jaakonp. Roiko, ent. Seikkula, s. 17. 12. 1840 Kekkola, tuli vanhempiensa Lohtajalle 10. 5. 1847, muutti siellä ehkä v. 1868 äitinsä kuoleman 1. 6. 1868 jälkeen. Vt. lhra A. Eerikäinen 20. 9. 1972.
²⁵⁷ Kenttur. kyvi esteettömyyttä Muurmännin asukkaaksi 29/10. 8. 1875, OLSA KD 36/27 1875, OMA.
²⁵⁸
²⁵⁹ Juhon Fredrik Antinp. Pesonen s. 19. 2. 1854 Kuusamo, vih. 3. 12. 1876 Anna Riitta Moosalmi t. 14. 9. 1851 Kuusamo, p. Antti Herman s. 18. 2. 1877, t. Sofia Josefina s. 6. 6. 1878, p. Juhon Pekka s. 17. 8. 1880, "suodistuttakaksi Muurmännin rannalla v. 1892 rannilla". Kuusamon khranvirasto 8. 11. 1972.
²⁶⁰ Juhon Alesham Matinp. Rajala s. 2. 5. 1832 Sodankylä, vih. Vuoreijasa v. 1868 Kaisa Stiina Salomonint. Arpela s. 13. 11. 1850 Inari (ks. nootti 163). Sodankylän KA, Varde Kb.
²⁶¹ Kustaa Fredrik Matinp. Rajala s. 24. 9. 1838 Sodankylä. Sodankylän KA.
²⁶²

Nimi	Syntynyt	Syntymäpaikka
Sejerna, Adolf, suomal.	1842	Kuusamo ²⁶³
vmo Greta Stiina	1835	"
p. Josef	1868	"
t. Kaisa Greeta	10. 1870	"
p. Karl Gustaf	1873	"
Sköer, Kaisa, leski, lappalainen		Noeja
p. Ivar	22. 6. 1883	Uura
p. Ola	29. 5. 1886	"
Sköer, Ivar, lappalainen	16. 9. 1849	Inari ²⁶⁴
vmo Maria Halta		Uura
Sköer, Kristine, leski, lappal.	1816	Noeja
Sköer, Kaisa, lappal.	1858	"
Sköer, Pjera, lappal.	3. 10. 1854	Inari ²⁶⁵
Sköer, Maria, leski, lappal.	2. 1. 1848	Inari ²⁶⁶
p. Johan Pietari	8. 8. 1877	Uura
Sköer, Bigga	16. 3. 1845	Inari ²⁶⁷
Sanka, Ola, lappal.	16. 3. 1845	Inari ²⁶⁸
Soolt, Kustaa, suomal.	1824	Kuusamo ²⁶⁹
vmo Anna Maria	1833	"
p. Tuomas	1. 11. 1872	Uura
laksoiset		
p. Karl Gustaf	17. 9. 1875	"
t. Kreeta Maria	17. 9. 1875	"

²⁶³ Adolf Josefinp. Sejerna s. 2. 11. 1840 Kuusamo, vih. 26. 12. 1866 Greta Stiina Hänninen s. 3. 6. 1835 Kuusamo, p. Josef s. 31. 10. 1867, t. Kaisa Greeta s. 29. 10. 1870, p. Kalle Kustaa s. 10. 12. 1877 (pjo Kaisa Matilda Lyhtysöndi s. 1874), Kuusamon KA. Ks. myös Ervasti, s. 53.
²⁶⁴ Iivari Pierant. Sköer s. 17. 6. 1849 Inari. Inarin KA.
²⁶⁵ Pjera Pierant. Sköer s. 3. 10. 1854 Inari. Inarin KA.
²⁶⁶ Margareta Pierant. Sköer s. 2. 1. 1848 Inari. Inarin KA.
²⁶⁷
²⁶⁸ Oula Pierant. Schaanka ei sa. Inari. Inarin KA.
²⁶⁹ ...

Рис. 2. Запись, подтверждающая, что прадеды информанта 25 являются основателями колонии Ура-Губа. Источник: Onella S. Muurmännin rannan luterilaiset // Skripta Historica. 1973. Vol. 1887–1888. P. 107

В разных источниках год миграции расходится: в справке, выданной пастором из прихода Рауталампи, значит ся 1906 г., но согласно другим данным первый ребенок в семье родился в Грязной Губе в 1899 г. В 1903 г. семья проживала уже в поселке Ваенга, где у них в 1908 г. родился сын, отец информанта⁶⁶. Первые поселенцы колонии Ура поначалу были бедны и жили в землянках. Привлекало их на Мурман отсутствие налогов, обилие рыбы и обширные сенокосы⁶⁷.

В колониях Вайда-Губа и Ура-Губа в 1867 г. в проживало 114 финнов⁶⁸. В 1880-х гг. финское население становищ Пумманки (Земляное) и Ура

⁶⁶ СА 25.
⁶⁷ Шрадер Т. А. Колонисты на Мурманском побережье // Вестник «Баренц-центра» МГПУ. Мурманск: Полиграфист, 2006. Вып. 5. С. 121.
⁶⁸ Киселев А. А. Финны на Мурмане, или как возникла и исчезла финская община... С. 28.

составляло примерно 250 человек⁶⁹. В 1882 г. в Уура проживало уже 184 человека⁷⁰. В 1875 г. в Кольском уезде насчитывалось 810 финнов из 8690 всех жителей⁷¹. Спустя несколько десятилетий В. Н. Никольский отмечал, что «финские колонисты устроились на Мурманском побережье безбедно. Однако они были беднее, чем норвежские колонисты»⁷².

Колонизации Мурманского побережья способствовало учреждение Архангельско-Мурманского пароходства, благодаря которому у колонистов появилась возможность сбывать продукты своего промысла и приобретать необходимые товары из Архангельска или Вардё (Норвегия)⁷³.

К концу столетия на Западном Мурмане сложился ряд поселений с традиционным для финской деревни укладом жизни. К 1881 г. насчитывалось уже пятнадцать финских и норвежских колоний. Самыми крупными из них были Ура-Губа и Белокаменка⁷⁴. Согласно Первой всеобщей переписи населения Российской империи общая численность финнов на Кольском полуострове в 1897 г. достигла уже 1276 человек (645 мужчин и 631 женщина)⁷⁵. На Западном Мурмане финны составляли самую большую группу иностранцев. К 1899 г. их насчитывалось уже 42 % от общего населения Мурманска⁷⁶. В основном финские колонисты проживали в Александровском уезде.

На рубеже XIX–XX вв. царское правительство, опасаясь ослабления русского влияния на Мурмане, начало препятствовать переселению туда выходцев из Финляндии и Норвегии. В частности, контр-адмирал А. К. Сиденер ратовал за привлечение на Мурманский берег «благонадежных колонистов» из русского населения. Однако проблема, с его точки зрения, заключалась в том, что «русские поселенцы Мурманского побережья почти все пропойцы и лентяи, совершенно не способные ни к какому труду и попавшие на Мурман только ради выдаваемого им правительственного пособия»⁷⁷.

Среди колонистов Западного Мурманска было значительное количество нелегально проживающих там финнов. Следствием такой ситуации стали «петиции представителей финляндского сейма, в которых они “домогались” прирезки лучшей во всех отношениях площади из западной части Мурманского берега к Улеборгской губернии (шведское название губернии Оулу⁷⁸ в Финляндии)». Желание Финляндии присоединить Петсамо было несовместимо

⁶⁹ Nyysönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 209.

⁷⁰ Ervasti A. V. Suomalaiset jaameren rannalla: Matkamuistelmia. P. 65.

⁷¹ Финны на Мурмане // Кольский Север. Энциклопедический лексикон: сайт. URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php> (дата обращения: 14.01.2016).

⁷² Никольский В. Н. По горам и рекам Кольского полуострова. С. 16; Попов Г. П., Давыдов Р. А. Мурман: очерки истории края XIX — нач. XX вв. Екатеринбург: Институт экол. проблем Севера, 1999. С. 43.

⁷³ Савилова С. «Хотелось бы всех поименно назвать». С. 130–131.

⁷⁴ Там же. С. 139.

⁷⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Архангельская губерния.

⁷⁶ ГАМО в г. Мурманске, Ф. 162. Оп. 1. Д. 322. Л. 28.

⁷⁷ Сиденер А. К. Сведения о Мурманском берегу... С. 99–101.

⁷⁸ Оулу // Энциклопедический словарь. М.: Большая советская энциклопедия, 1954. Т. 2. С. 581.

с интересами России и русификацией региона⁷⁹. Поэтому перед Первой мировой войной премьер-министр В. Н. Коковцев выдвинул проект закона, значительно «ограничивающий права финских колонистов, с целью усиления русского влияния в приграничных районах»⁸⁰. Опасения российского правительства были связаны с двумя факторами: «ростом сепаратизма в самой Финляндии и обособленным существованием финских колоний, не желающих вписываться в русскую культурную среду»⁸¹. Кроме того, раздражение российских властей вызывало относительно благополучное существование финских колонистов по сравнению с русскими переселенцами и стремление финнов «избежать ассимиляции с русским населением»⁸². Недовольство вызывало и то, что подданные Финляндского княжества в 1905 г. были освобождены от воинской повинности, и данное обстоятельство приводило к негативной реакции призванных в армию, особенно с момента начала Первой мировой войны⁸³.

В 1916 г. численность финского населения Кольского полуострова значительно возросла. Это связано с тем, что финны вербовались на строительство Мурманской железной дороги⁸⁴. В частности, с 1917 по 1919 гг. работал на строительстве Мурманской железной дороги дед информанта 35. В 1917 г. финны составляли примерно две тысячи человек⁸⁵.

Переломным моментом в истории Финляндии стала Октябрьская революция. 6 декабря 1917 г. Финляндия провозгласила независимость. Суверенитет Финляндии был подтвержден 31 декабря Советом народных комиссаров России во главе с Лениным⁸⁶ (рис. 3). После революции некоторые финны, настроенные против советской власти, вернулись в Финляндию⁸⁷. Финские колонисты остались на Мурманском побережье⁸⁸.

⁷⁹ Nyuysönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 211.

⁸⁰ Йентофт М. Оставшиеся без родины: история кольских норвежцев. Мурманск: Рекламная полиграфия, 2002. С. 44.

⁸¹ Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова... С. 255.

⁸² Попов Г. П., Давыдов Р. А. Мурман: очерки истории края XIX — нач. XX вв. С. 46.

⁸³ Дубровская Е. Ю. Финляндия и финляндцы в представлениях российских военнослужащих в годы Первой мировой войны // Многоликая Финляндия: образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 241.

⁸⁴ Киселев А. А., Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. С. 18.

⁸⁵ Суни Л. В., Яловицына С. В., Такала И. Р. Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове. С. 524.

⁸⁶ Герасимов Д. А. Вопрос о финской угрозе в политике мурманских властей в первой половине 1918 года // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3. История и право. С. 12; Декрет о независимости // Архивы России: сайт. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/08-26-dekret-finlandia-1917.shtml> (дата обращения: 11.04.2013).

⁸⁷ Невалайнен П. Ингерманландцы в Финляндии в XX веке // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 26.

⁸⁸ Такала И. Р. Финский язык в Карелии: история и судьба. С. 25.

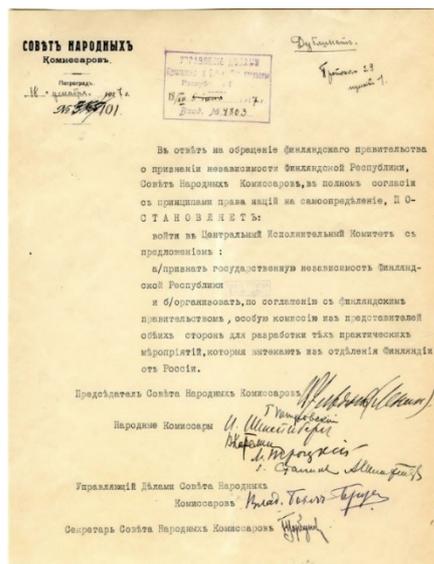

Рис. 3. Декрет о независимости Финляндии. Источник: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 2. Оп. 1. Д. 001. Л. 1

В конце января 1918 г. в Финляндии началась война между красными и белыми финнами⁸⁹. Под контролем красных финнов оказалась южная часть Финляндии, а белых — центральная и северная⁹⁰. Таким образом, Кольский полуостров «граничил с районами, контролируемые белофиннами»⁹¹. Большевики, не дожидаясь окончания вооруженной борьбы, 1 марта 1918 г. заключили мирный договор с Финляндской социалистической рабочей республикой на очень выгодных для финнов условиях. Этот договор вызвал резкую критику, и его окрестили «Северным Брестом»⁹².

Опасения, возникшие еще в начале XX в., что слишком много финнов переселится на Мурман, были небезосновательны. После капитуляции Германии в ноябре 1918 г. Финляндия направила в Мурманск своего консула, задачей которого было содействие разрешению вопроса о присоединении Восточной Карелии к Финляндии и защита финнов, проживающих в Мурманском регионе. Кроме того, «консульство выдавало паспорта всем, кто мог доказать свое финское происхождение»⁹³. Революция и гражданская война в Финляндии привели к усилению миграционного потока финнов из Улеборгской губернии на Кольский Север. Многие из них переходили границу нелегально. Этому

⁸⁹ Расила В. История Финляндии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. С. 185.

⁹⁰ Ровио Г. К годовщине финляндской рабочей революции // Вестник Карело-Мурманского края. 1930. № 1. С. 1.

⁹¹ Герасимов Д. А. Вопрос о финской угрозе в политике мурманских властей в первой половине 1918 года. С. 12.

⁹² Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. С. 142–146; Голдин В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920 гг. М., 1993. С. 29.

⁹³ Логинова О. Ю. Печенга в 1917–1920 годах // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3. С. 7.

благоприятствовало то, что в революционные годы демаркационная линия охранялась слабо. Так, спасаясь от лахтарей⁹⁴, нелегально перешли на советскую сторону представители семей информантов 8, 9 и 19: «Папа в революцию, в период Гражданской войны, частенько переправлял революционеров через границу, как бы был проводником. Он ведь был профессиональным охотником»⁹⁵; «Дед где-то в начале двадцатых годов по призыву Ленина уехал из Финляндии»⁹⁶; «Дед и его товарищи ушли из Финляндии из-за того, что лахтари насильно вербовали людей в свои отряды, плюс еще голод»⁹⁷.

14 октября 1920 г. между Советской Россией и Финляндией был заключен Тартуский мирный договор⁹⁸. На основании договора от 1 марта 1918 г. район Печенги и часть полуострова Рыбачий остались в составе Финляндии (рис. 4).

Рис. 4. Граница между Советской Россией и Финляндией в Пумманки, 1921 г. Источник: Turjanmeren maa: Petsamon historia 1920–1944

Одной из причин присоединения Печенги к Финляндии было то, что на этой территории проживало значительное количество финского населения⁹⁹.

После заключения Тартуского договора «все русские названия Печенгской волости были заменены на финские, Печенга переименована в Петсамо»¹⁰⁰. Петсамо был отдан финнам в качестве компенсации за Реполу

⁹⁴ Термином «лахтари» (фин. lahtari — мясник) называли белофиннов из-за массового террора во время финской гражданской войны в отношении попавших в плен красных финнов.

⁹⁵ ПМА 2009 г. Информант 8.

⁹⁶ ПМА 2009 г. Информант 9.

⁹⁷ ПМА 2013 г. Информант 19.

⁹⁸ Расила В. История Финляндии. С. 229.

⁹⁹ Логинова О. Ю. Печенга в 1917–1920 годах. С. 9.

¹⁰⁰ Бардилева Ю. П. Финские церкви: история и современность // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3. С. 25.

и Порайярви¹⁰¹. В 1940 г., после окончания Зимней войны, эти территории были возвращены, но «за них пришлось воевать»¹⁰².

Профессор Юкка Нюссанен, анализируя работы по истории Петсамо Эрно Паасилинна (родился в районе Печенги в 1935 г.), цитирует его мнение: «Единственным оправданием для финских претензий являются саамские и финские поселения в регионе Петсамо»¹⁰³. Как считает Э. Паасилинна, русские в регионе представляются в качестве защитников колтта-саами против эксплуатации. Он указал на легитимность советской власти, а финское правление отметил только как временную фазу¹⁰⁴. К большому огорчению финских чиновников, большевистский режим пользовался поддержкой финнов в Петсамо, поскольку советская власть предоставляла людям льготы, в то время как у финской администрации были трудности с организацией экономической жизни в районе¹⁰⁵. Недоверие к лояльности населения в Петсамо стало дополнительным стимулом для усиления инвестирования. Строительство дорог, связывающих Ивало и Лиинахамари, было главной целью государственных инвестиций и крупнейшим строительным проектом в районе Петсамо в 1920-е гг. В это время Петсамо был единственным местом на побережье Мурмана, соединенным с остальной Европой дорожной сетью. В период с 1920 по 1940 гг. правительство Финляндии уделяло значительное внимание развитию никелевой шахты и горно-обогатительного комбината, благодаря чему произошла модернизация района¹⁰⁶.

Финские исследователи отмечают высокий естественный прирост населения в тот период. Увеличение населения происходило, в основном, за счет миграции¹⁰⁷. В 1921 г. в Петсамо проживало 1423 человека (мужчин — 761, женщин — 662). По национальности: финнов — 577, карелов — 387, русских — 225, колтта-саами — 191, других саамов — 30, зырян — 6, норвежцев — 5, шведов — 2. Православных насчитывалось 800 человек, лютеран — 623. Правительство Финляндии поощряло переселение в Петсамо. К 1930 г. прибыло переселенцев: из Рованиеми — 389 человек, из Кеми — 305, из Хельсинки — 222, из Инари — 193, из Соданкюля — 186, из Оулу — 111, из Кемиярви — 107 и т. д. В 1929 г. население Петсамо составляло 2341 человек: финнов — 1250, колтта-саами — 397, других саамов — 71, русских — 310, карелов — 298, зырян — 11, норвежцев — 2¹⁰⁸. В 1939 г. 72,6 % населения составляли финны. Численность мужского населения значительно превышала численность женского населения¹⁰⁹.

¹⁰¹ Nyysönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 228.

¹⁰² Русинов А. Норвежцы в Лев-Губе // Терский берег. 2002. № 45.

¹⁰³ Цит. по: Nyysönen J. The Finnish historical inquiry on Petsamo and the changes in the Soviet Union/Russian — Finnish relations: Inter-textual and contextual analysis of two texts. P. 20.

¹⁰⁴ Там же. P. 25.

¹⁰⁵ Nyysönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 215.

¹⁰⁶ Nyysönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 197, 216–218.

¹⁰⁷ Lehtola V.-P. Petsamon kolttasaamelaiset... P. 151, 153; Nyysönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 216.

¹⁰⁸ Область Петсамо (Печенгская область) // Кольский Север. Энциклопедический лексикон: сайт. URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php> (дата обращения: 02.12.2018).

¹⁰⁹ Nyysönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 216.

Согласно данным советских исследователей, в 1920 г. на территории края проживало 1427 финнов¹¹⁰. В 1926–1930 гг. здесь работало несколько экспедиций под руководством Д. А. Золотарева, занимавшихся сбором статистических данных. Д. А. Золотаревым была создана карта, отражающая этнический состав Кольского полуострова¹¹¹. Проведя сравнительный анализ предыдущих статистических данных с собственными по итогам экспедиции 1928 г., он пришел к заключению, что, «несмотря на присоединение к Финляндии Пазрецкого и Печенгского районов, количество финнов в революционное время сильно увеличилось»¹¹². Увеличение финского населения было вызвано начавшейся в Финляндии революцией и последовавшей за ней гражданской войной, вследствие этого некоторые финны бежали от войны на Мурман.

В 1920-х гг. финнами было создано 14 рыболовецких и 4 молочных артелей, самая знаменитая — животноводческая артель «Красная скотница» в Грязной Губе¹¹³. Финские колонисты, сохранив свои культурные и национальные особенности, успешно вписались в советскую систему и демонстрировали полную к ней лояльность. Однако, несмотря на это обстоятельство, власти не избавились от подозрительного отношения к «иностранным колонистам»¹¹⁴.

В некоторых колониях (например, Сайда-Губа, Тюва-Губа) население было полностью финским¹¹⁵. В связи с этим все делопроизводство, административно-хозяйственная, педагогическая и массово-политическая работа велись на финском языке¹¹⁶.

Согласно циркулярному письму Президиума ВЦИК от 10 января 1930 г. о выделении национальных меньшинств в особые национальные административно-территориальные единицы в Мурманском округе началась работа по преобразованию сельсоветов, в которых не менее 2/3 населения составляли национальные меньшинства, в национальные сельсоветы¹¹⁷. Александровский район был утвержден национальным финским районом, а национальными финскими сельсоветами Белокаменский, Грязно-Губский, Западно-Лицкий, Озерковский, Тюва-Губский и Ура-Губский сельсоветы. Позднее, 12 января 1931 г., Александровским районным съездом Советов было

¹¹⁰ Золотарев Д. А. На Западно-Мурманском побережье летом 1928 г. С. 5.

¹¹¹ Высочков Л. В. Историко-этнические карты Северо-Запада России (конец XVIII — первая треть XX вв.) // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия: межвуз. сб. / под ред. И. Я. Фроянова. СПб.: Издательство С.-Петербург. ун-та, 1997. Вып. 5. Проблемы археологии и этнографии. С. 174.

¹¹² Золотарев Д. А. Кольские лопари // Труды Лопарской Экспедиции Русского Географического Общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Л.: АН СССР, 1928. С. 147; Он же. На Западно-Мурманском побережье летом 1928 г. С. 5.

¹¹³ Финны на Мурмане // Кольский Север. Энциклопедический лексикон: сайт. URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php> (дата обращения: 14.01.2016).

¹¹⁴ Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова...

¹¹⁵ Шлыгина Н. В. Финны // Народы России. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. С. 371.

¹¹⁶ Савилова С. «Хотелось бы всех поименно назвать». С. 135.

¹¹⁷ Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.): справочник. Мурманск: Архивный отдел администрации Мурманской обл., 1995. С. 102.

принято решение: «Переименовать город Александровск в село Полярное, а район в Полярный»¹¹⁸ (рис. 5).

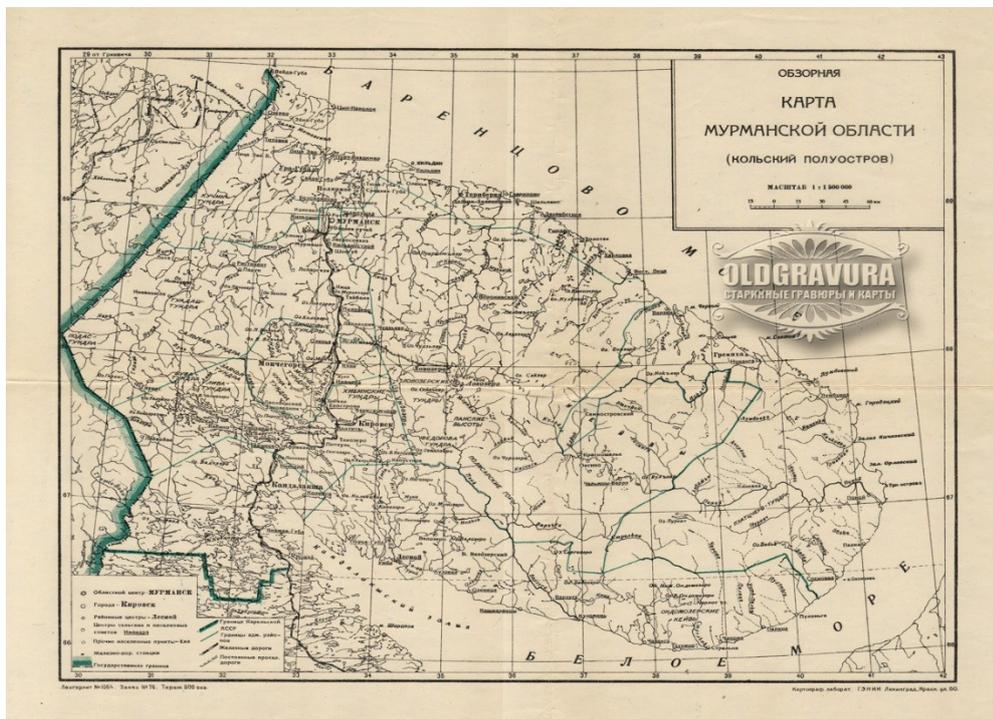

Рис. 5. Полярный район. На карте обозначены пункты с финским населением: Полярное, Белокаменка, Ура-Губа, Озерко, Сайда-Губа, Титовка и другие.
Источник: <http://www.oldgravura.ru>

В начале 1930-х гг. в Мурманском округе проходила коллективизация. Представляют интерес описи имущества (ведомости, протоколы) раскулаченных финнов-колонистов за 1931 г.: что изъято (включая детские ботинки и кальсоны) и на что потрачено¹¹⁹. Создание колхозов привело к тому, что было разрушено «традиционное хозяйство колонистов, ориентированное на самообеспечение»¹²⁰. Процесс раскулачивания не коснулся семей наших информантов, поскольку они не имели зажиточных хозяйств. После объединения в колхозы часть финнов стали уходить в города или леспромхозы.

В 1930–1934 гг. на Мурманском побережье числилось пять населенных пунктов с финским населением: Белокаменка, Ура-Губа, Грязная Губа, Западная Лица, Озерко. Также финны жили по реке Туломе, в деревне Ниван-Кюля Нотозерского сельсовета и в Иона-Бабинском сельсовете. Всего около

¹¹⁸ ГАМО в г. Мурманске. Ф. 162. Оп. 1. Д. 231. Л. 41, 136, 146; Д. 372. Л. 32, 61, 66–67.

¹¹⁹ ГАМО в г. Мурманске. Ф. 162. Оп. 1. Д. 462. Л. 1–2 и т. д.

¹²⁰ Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX — первой трети XX вв. С. 251.

500 человек¹²¹. В колхозе «Тулума» с тринадцати лет начал работать пастухом отец информанта 19¹²² (рис. 6).

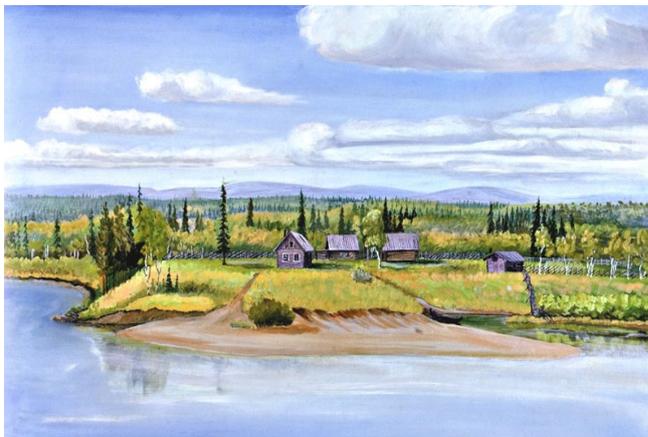

Рис. 6. Финский хутор Куклино на реке Туломе (картина написана отцом информанта 19). Источник: http://community.livejournal.com/russkij_sever/886136

В 1930 г. было создано два колхоза в Нотозерском сельсовете: оленеводческий и рыболовецкий. В оленеводческий колхоз вошли четыре брата отца информанта 8: Эдвард, Вильям, Ханнес и Вьяне¹²³ (рис. 7).

Рис. 7. Отец информанта 8 в первом ряду справа, 1930-е гг.

¹²¹ ГАМО в г. Мурманске. Ф. 162. Оп. 1. Д. 348. Л. 10–11; Д. 372. Л. 48.

¹²² Локко С. П. Финны на Мурмане. С. 332–333.

¹²³ Lokko S. Murmannin Suomalaiset. Murmansk, Kultuuri Fondi, 1993. P. 53.

Согласно архивным данным на 1 января 1932 г. были организованы финские колхозы «Юркин» (животноводческий и рыболовный), «Ионский» (озерное рыболовство), «Ниванкюля» (рыболовный и животноводческий), «Тулома» (животноводческий)¹²⁴. Дед (отец отца) информанта 25 был председателем колхоза «Риенто» («Прибрежный») в поселке Ваенга. Братья прабабушки информанта 23, дед и брат деда информанта 21 работали в рыболовецком колхозе «Похьян тяхти» («Северная звезда») села Белокаменка. Дед информанта 28 был рыбаком колхоза «Рая Каластая» в поселке Озерко (рис. 8), затем колхоза «Левгубский» Терского района.

Рис. 8. Финская молодежь поселка Озерко. Мать информанта 28 в первом ряду, начало 1930-х гг.

В 1931 г. в Ёне был создан рыболовецкий и оленеводческий колхоз¹²⁵. Первым председателем назначили финна, деда информанта 30 (рис. 9).

¹²⁴ ГАМО в г. Мурманске. Ф. 162. Оп. 1. Д. 372. Л. 52.

¹²⁵ Географический словарь Кольского полуострова. С. 32.

Рис. 9. Семья деда информанта 30 (отец стоит в первом ряду), 1930-е гг.

С 1933 г. началось выселение инонационалов¹²⁶ с Мурманского побережья в связи со строительством военно-морской базы Северного флота¹²⁷. По этой причине были переселены семьи информантов 25 и 28, колхозы, в которых они работали, были ликвидированы: *«Их всех посадили в бот и повезли на Терский берег, в Левгубу»*¹²⁸.

В 1936 г. в Полярном районе уже преобладало русское население, финны составляли лишь 20 %¹²⁹. Во второй половине 1930-х гг. в национальной политике произошел коренной поворот: *«был взят курс на свертывание политики коренизации, финский национальный район и национальные советы на Кольском полуострове были ликвидированы»*¹³⁰.

Судьбы финских семей из числа колонистов сложились особенно трагически. В 1930-е гг. почти «все они оказались «шпионами» или осуждались за нелегальный переход границы»¹³¹. Исключение составляют предки информантов 29 и 30 из Иона-Бабинского района. Их репрессии не коснулись. Дед и бабушка информанта 29 умерли еще до начала репрессий, а дед информанта 30, по всей видимости, активно сотрудничал с властью: *«А ведь не забрали из финнов только моего деда Пено Эрккиевича. Может его и спасло, что он был коммунистом и председателем колхоза?»* Дед свободно владел финским языком, во время войны совершал разведывательные рейды на финскую территорию, инвалид войны.

¹²⁶ Термин «инонационалы» используется в качестве обозначения этнически не родственного русским населения. Термин «инонационалы» использовался в политическом лексиконе в СССР в 1920–1940-х гг.

¹²⁷ Киселев А. А. Финны на Мурмане // Полярная правда. 1989. № 57. 11 марта.

¹²⁸ ПМА 2015 г. Информант 28.

¹²⁹ Орехова Е. А. Газета «Полярный коллективист» как источник по истории колоний Западного Мурманского берега второй половины 1930-х гг. С. 90.

¹³⁰ Мусаев В. И. Финская и норвежская колонизация Мурманского берега... С. 126.

¹³¹ Дашинский С. Н. Не делать из истории политику. С. 218.

1.2. Ингерманландские спецпереселенцы

С конца 1920-х гг. происходит приток на Кольский полуостров еще одной финской группы — ингерманландцев. Ингерманландские финны — самая крупная финноязычная группа России¹³². Она отличается локальной спецификой разговорного языка, культуры и быта (особое наречие или говор, особенности материальной и духовной культуры и т. д.), имеет самоназвание и идентифицирует себя и с финнами, и с ингерманландцами (*inkeri*). В советской этнографии такие группы было принято называть субэтническими¹³³.

До 1930-х гг. финны-ингерманландцы занимали второе место по численности среди сельского населения Ленинградской области, а Куйвозовский (ныне Всеволожский) район имел статус национального финского района¹³⁴.

В конце 1920-х гг. был взят курс на ускоренное промышленное освоение Севера, однако край столкнулся с дефицитом собственной рабочей силы. Данная проблема была решена при помощи использования труда раскулаченных и переселенных крестьян. Освоение Хибин являлось частью программы индустриализации страны. В 1927 г. на XV съезде ВКП(б) было принято решение о коллективизации. И уже с января 1928 г. начинается массовое заселение Кольского Севера путем спецпереселений. Решение о направлении на спецпоселение принималось местными органами исполнительной власти и по существу представляло собой вид административной репрессии¹³⁵. По мнению специалистов-историков, в частности В. И. Мусаева, «репрессии периода коллективизации имели социальный, а не национальный характер. Однако в Финляндии события в Ингерманландии воспринимались именно как целенаправленное притеснение ингерманландцев и нарушение условий Тартуского мира»¹³⁶.

В Ингерманландии колхозы возникли в основном в 1931 г., и летом того же года была осуществлена в несколько очередей принудительная высылка раскулаченных¹³⁷. «На Кольский полуостров среди прочих раскулаченных было выслано 2500 ингерманландцев». В Кировском и Мончегорском районах было расселено 1448 раскулаченных финнов¹³⁸. Раскулачили и выслали в район Хибин членов семей информантов 2, 3 (рис. 10), 4, 11, 13, 14 (рис. 11), 16. Труд спецпереселенцев использовался при строительстве «различных промышленных

¹³² Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба. С. 25.

¹³³ Тавадов Г. Т. Этнология. М.: Проект, 2002. С. 102.

¹³⁴ Кирьянен А. И. Ингерманландские финны и финский язык в Петербурге и Ленинградской области — современное положение // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 16.

¹³⁵ Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х — середине 1950-х гг. С. 31.

¹³⁶ Мусаев В. И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (к. XIX — н. XX вв.).

¹³⁷ Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории: исследования и воспоминания. С. 165.

¹³⁸ Шашков В. Я. Репрессии против финнов и других спецпереселенцев. С. 47; Он же. Великое выселение.

объектов и разработке полезных ископаемых в наиболее труднодоступных районах и регионах с особо тяжелыми условиями для жизни людей»¹³⁹.

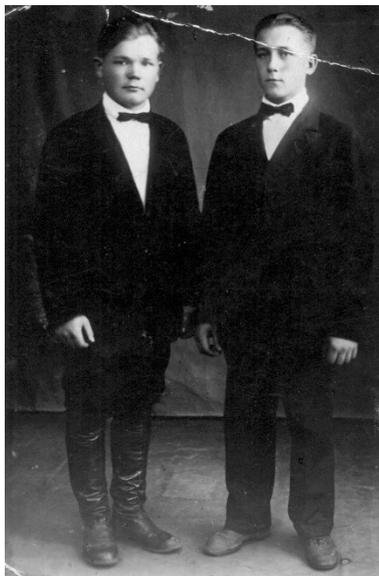

Рис. 10. Отец информанта 3 (слева), Ленинградская обл., 1929 г.

Рис. 11. Мать информанта 13 (в первом ряду слева) и бабушка информанта 14 (в первом ряду справа), Ленинградская обл., 1929 г.

¹³⁹ Шабает Ю. П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского сообщества // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 41.

Спецпереселенцами и вольнонаемными 1 января 1930 г. был основан Хибиногорск (Кировск). С этого времени в районе начинается рост населения. Около 90 % населения прибыло за годы первых трех предвоенных пятилеток¹⁴⁰. Кроме того, в районе в годы первой пятилетки еще широко использовался труд заключенных. Так, дорогу от разъезда Белый (ныне город Апатиты) до горы Кукисвумчорр и железную дорогу от Хибиногорска к Гремихе строили заключенные¹⁴¹. Сейчас этой железной дороги не существует.

Термины, которые использовались в разные периоды осуществления политики спецпереселений, варьировались: до 1934 г. раскулаченные и высланные крестьяне именовались спецпереселенцами, в 1934 — марте 1944 гг. — трудпоселенцами, в 1944–1948 гг. — спецпереселенцами, с 1949 г. — спецпоселенцами¹⁴².

Социальный состав спецпереселенцев был неоднороден. В докладе Кировского ГК ВКП(б) за 1934 г. сообщалось, что наиболее многочисленная группа спецпереселенцев состояла из «контрреволюционной части кулачества», а наибольшую активность в контрреволюционной работе проявляли «кулацкие элементы» из числа финнов и украинцев¹⁴³. На 1 января 1935 г. в Кировске и его окрестностях среди спецпереселенцев были представители 32 национальностей, из них финнов — 6,3 %¹⁴⁴. Согласно статистическим данным за 1939 г., финское население Мурманской области достигло 4317 человек (1,5 %)¹⁴⁵.

Представители семей, которые подверглись раскулачиванию, часто задавались вопросом: за что? Судя по устным и опубликованным текстам воспоминаний, «самый распространенный ответ, который он (спецпереселенец. — Е. Б.) находит для себя, — за трудолюбие»¹⁴⁶. Встречались и другие объяснения: «Из зависти. Им нужен был дом наш. У отца был домик пятистенка»¹⁴⁷; «Рядом начали строить еще один дом, так как семья была большая. В доме еще жила одна женщина и мальчик-инвалид, которых из жалости приютили. Их, видимо, при раскулачивании посчитали за батраков»¹⁴⁸.

¹⁴⁰ ГАМО в г. Мурманске. Ф. Р-162. Оп. 1. Д. 231. Л. 37; Д. 372. Л. 15; Добров В. В. Население Кольского Севера. С. 26.

¹⁴¹ Киселев А. А. Заключенные на Севере // Полярная правда. 1989. № 17–18. 21–22 янв.; Он же. Гулаг на Мурмане: история тюрем, лагерей, колоний // Советский Мурман. 1992. № 194–212. 6–30 окт.; Тимофеев В. Г. История одной семьи. Апатиты: Апатит-Медиа, 2004. С. 27; Тарараксин С. Судеб сгоревших очертанье. Мурманск: Север, 2006. С. 10; Дылев И. Лагерь в глухой тундре // Полярная правда. 1989. № 250. 2 нояб.

¹⁴² Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии... С. 3.

¹⁴³ Шашков В. Я. Спецпереселенцы // Мурман, Хибины до и после... С.27.

¹⁴⁴ Берлин В. Хибинское эхо ГУЛАГа // Культурологический альманах АСТЭС. Мурманск: АСТЭС, 2008. Вып. 5. С. 29; Шашков В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане. С. 58.

¹⁴⁵ Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 63.

¹⁴⁶ Змеева О. В., Разумова И. А. Спецпереселенцы Хибиногорска: динамика идентичностей // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 8.

¹⁴⁷ ПМА 2013 г. Информант 20.

¹⁴⁸ ПМА 2010 г. Информант 3.

Однако среди семей информантов были и такие, которые по принятым тогда нормам (наличие крупного хозяйства и, в первую очередь, использование наемного труда) являлись кулацкими. К ним относилась, в частности, семья отца информанта 11 (рис. 12). В 1930 г. семью раскулачили, а в 1931 г. выслали из Красногвардейского (Гатчинского) района Ленинградской области в Апатиты, где вся семья работала в совхозе «Индустрия» (по данным архива ОАО «Апатит»).

Копия

АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

**ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
В г. ВЫБОРГЕ**

188900, г. Выборг, Ленинградской обл.,
ул. Штурма, 1.

Тел. 2-28-71, тел./факс 2-23-46 191123 С-Пб., Литейный пр., 4
ИЦ ГУВД

На № 35/14-11-с-2529 от 07.02.2000
19.03.2000 № 513-Я

АРХИВНАЯ СПРАВКА

В неполных документах архивного фонда Исполкома Гатчинского (Красногвардейского) райсовета Ленинградской области, в документах о решении и восстановлении избирательных прав граждан района, в личном деле [] Марии Ивановны, имеются следующие сведения:

1. В составе семьи [] проживавшей в селе Малое Одрово Вохоновского с/совета:

[] Иван Семенович, 1878 г.р., глава
Екатерина Матвеевна, 1880 г.р. (так в документе), жена
Мария Самуйловна, 1848 г.р., мать
Мария Ивановна, 1910 г.р., дочь
Айна Ивановна, 1914 г.р., дочь
Иван Иванович, 1916 г.р., сын
Андрей Иванович, 1921 г.р., сын

2. Об имущественном положении семьи [] согласно выписки из протокола номер 123 заседания Президиума Красногвардейского райисполкома от 24 марта 1934 г. экономика хозяйства до революции: 1 лошадь, 3 коровы, 10 овец, 2 свиньи, земли 8 га, дом с надворными постройками. Занимался скупкой и перепродажей целыми возами молока. После революции имел до момента выселения: 1 лошадь, 10 овец, 4 коровы, 1 свинью, дом с надворными постройками, земли 8 га, также занимался скупкой и перепродажей молока. В момент выселения в хозяйстве имелось: 1 лошадь, 5 коровы, 5 овец, 1 свинья, 8 га земли, два дома - один отделанный, а другой не отделанный, двор 1, хлев 1, сарай 1, баня 1, рига 1, гумно 1, верабац 1, веялка 1, телега на железном ходу, пружинная борона, 1 плуг.

Согласно справки номер 139 Вохоновского с/совета Красногвардейского района от 5 августа 1934 г., хозяйство [] Ивана Семеновича в 1930 г. было раскулачено, [] И.С. со всем семейством выслан в Хитины (кем и когда принуказано).

Другими сведениями архив не располагает.

Основание: ФР-655 оп.3 д.520 л.136; д.477 л.1

Директор архива Пантелеев В.Ф.
Зав.отделом Красноцветова С.Е.
исп.Чупрова

Выб. т. 3. 1568 Т. 6000

Рис. 12. Справка о составе и имущественном положении семьи информанта 11

Условия проживания первых спецпереселенцев были экстремальными. Перенаселение, недоедание, отсутствие элементарных жилищно-бытовых условий привели к возникновению эпидемий¹⁴⁹.

Осень 1930 — зима 1931 гг. имели самые высокие показатели смертности. По сведениям очевидцев, погибло более половины прибывших спецпереселенцев. Отмечены случаи вымерзания целыми шалманами. В эти первые годы умерли оба дяди информанта 2. Спецпереселенец обязан был отдавать 25 % из своего заработка на строительство Хибиногорска и треста «Апатит» (до распоряжения Ягоды от 7 августа 1932 г., уменьшившего эти поборы до 15 %)¹⁵⁰.

В настоящее время спецпереселенец — это «маркер социального происхождения, который идентифицируется на основе семейной истории»¹⁵¹.

Информанты так вспоминали те годы: *«Привезли их в “чисто поле”. Поставили палатку и жили в ней... Позже жили в бараках, которые строили сами. Жизнь семьи осложнялась еще и незнанием русского языка. Прадед не смог пережить всех тягот жизни и умер в тридцать третьем году, не прожив в ссылке и трех лет. Он похоронен на старом кладбище в Апатитах»*¹⁵² (рис. 13); *«Жили мы в стахановском доме. Построили двухэтажный дом в Старых Апатитах, это до войны ещё, и, как мои родители были стахановцы по труду, дали комнату. В этой комнате нас было много-много человек. Папа с мамой регулярно ходили в комендатуру на отметку»*¹⁵³.

Рис. 13. Мать информанта 14 с дядей в поселке Тик-Губа (Старые Апатиты), 1938 г.

¹⁴⁹ Куруч О. Е. Быт и повседневная жизнь первых строителей г. Хибиногорска // Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: Апатит-Медиа, 2012. С. 55.

¹⁵⁰ Ковалевский В. К. Цена Хибиногорска // Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: Апатит-Медиа, 2012. С. 36–37, 48.

¹⁵¹ Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев. С. 26.

¹⁵² ПМА 2010 г. Информант 14.

¹⁵³ ПМА 2010 г. Информант 3.

В марте 1935 г. было принято решение об очистке пограничной полосы от «кулацких и антисоветских элементов». Местами ссылок были, в основном, Южный Казахстан и Средняя Азия¹⁵⁴. В число таких раскулаченных попала семья информанта 20. В 1935 г. всю семью (отец, беременная мать, информант, ее четыре старших брата и старшая сестра) выслали в Узбекистан. Сестер матери успели предупредить, поэтому они остались на родине: *«Их пять сестер было. Только одна моя мама вышла замуж. Остальные старыми девами остались. Когда мама умерла в тридцать пятом, отец написал им, чтобы они помогли, забрали детей. Ему одному не поднять столько детей. Тетки получили разрешение на троих»* (рис. 14).

Рис. 14. Бабушка (в первом ряду справа) и тети информанта 20, 1920-е гг.

Согласно Постановлению Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» спецпереселенцы восстанавливались по истечении пяти лет с момента выселения во всех гражданских правах¹⁵⁵. У многих этот срок истекал в 1935 г. Однако Кировский район «остро нуждался в рабочей силе. В связи с этим Райкомендатурой апатитовых разработок было решено запретить выезд из района поселения трудпоселенцам. Самовольно оставившие место выселения трудпоселенцы привлекались к судебной ответственности»¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 17.

¹⁵⁵ Постановление Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 года // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик: сайт. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3743.htm (дата обращения: 06.06.2015).

¹⁵⁶ Кировск в документах и фактах. 1920–1945. Кировск, 2006. С. 185–186.

В годы войны трудпоселенцы, подавшие заявление о желании служить в Красной армии, могли направляться в распоряжение военкомата только при условии отсутствия на них компрометирующих материалов (рис. 15). «При этом на основании приказа НКВД СССР № 002303 от 22 октября 1942 г. члены семей (жены и дети) трудпоселенцев, призванных в Красную армию, подлежали снятию с учета спецпоселения». Но уже 26 февраля 1944 г. появилась директива НКВД СССР и Главупраформа (Главное управление формирований. — Е. Б.) Красной армии о том, что спецпоселенцы в Красную армию не призываются и на военном учете состоять не должны¹⁵⁷.

Рис. 15. Дядя информанта 3, место съёмки неизвестно, 1945 г.

Право служить в армии оставили только кадровым военным финской национальности¹⁵⁸. Служили в армии те финны, которые не являлись трудпоселенцами: информант 1, отцы информантов 2, 10, 19, 36, 30 (был разведчиком в партизанском отряде (рис. 16), братья бабушки информанта 23, брат информанта 6 (служил разведчиком в 101-м погранотряде, был награжден медалью «За боевые заслуги»¹⁵⁹). Информант 1 в 1942 г. был «изъят» из армии и отправлен в Челябинский ГУЛАГ по национальному признаку в связи с тем, что по Постановлению РККА № 1526 от 3 апреля 1942 г. и ГКО СССР № 2409 от 14 октября 1942 г. все военнослужащие финской национальности передавались для формирования рабочих колонн и батальонов¹⁶⁰. Эвакуация ряда предприятий на Урал, превращение его «в опорный для оборонной промышленности край потребовали скорейшей мобилизации трудовых ресурсов»¹⁶¹.

¹⁵⁷ Вавулинская Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии... С. 91.

¹⁵⁸ Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. С. 19.

¹⁵⁹ Береснев Н. П. Княжая Губа. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. С. 76.

¹⁶⁰ «По решению правительства Союза ССР ...». С. 356; Полян П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2001. С. 115–116.

¹⁶¹ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в. С. 18.

Рис. 16. Родители информанта 30, село Ёна

Через несколько месяцев после кончины Сталина спецпоселенцы обрели свободу. Система спецпоселений ликвидируется в середине 1950-х гг.¹⁶² Однако подавляющее большинство ингерманландских семей остались на севере (рис. 17). У многих ингерманландцев в Ленинградской области сохранились дома, но они им теперь не принадлежали: в них жили чужие люди.

Рис. 17. Бабушка информанта 14 (крайняя слева) на ферме совхоза «Индустрия», город Апатиты, 1950 г.

¹⁶² Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в. С. 12.

Ингерманландцев тянуло побывать в родных местах, и многие ездили туда как паломники. Так, родители информанта 11 в конце 1950-х гг. поехали в деревню отца: *«Папа хотел показать маме, где они жили. Дома целы, недостроенный дом достроили, но там живут чужие люди. Пришел папа в сельсовет, сказал: я такой-то, вот у нас тогда-то всё отобрали и тому подобное. А ему девица в сельсовете говорит: “Мало вам тогда сделали”, ну или что-то в таком духе: “Уезжайте отсюда, пока вас не привлекли за антисоветскую агитацию”. Еще раз мой папа получил по носу»*. Информант не отрицает, что семья отца была зажиточной: маслобойня, коровы, овцы, использовали труд четырех наемных работников. В ее рассказе скорее чувствуется обида на власть из-за отображенного богатства, разрушенного хозяйства и боль за несправедливое отношение к отцу.

Таким образом, благодаря процессу раскулачивания власти решали несколько задач, способствующих укреплению социально-политической системы: ликвидация наиболее многочисленного социального слоя — крестьянства — и его экономической самостоятельности, экспроприация имущества зажиточных крестьян, уничтожение потенциальной оппозиции в лице всех недовольных советской властью на селе, мобилизация необходимой рабочей силы на стройки первых пятилеток, освоение хозяйственно значимых территорий¹⁶³.

1.3. Миграции финнов из Южной Финляндии

В октябре 1917 г. в результате победы на выборах в Финляндии к власти пришли социалисты. В январе 1918 г. в Хельсинки было создано правительство — Совет народных уполномоченных — революционное правительство «Красной Финляндии», сформированное из числа представителей радикального левого крыла финской Социал-демократической партии¹⁶⁴, просуществовавшее с 28 января до 25 апреля 1918 г. Правительство «Красной Финляндии» контролировало юг Финляндии и отряды Красной гвардии.

Членом этого правительства являлся прадед (отец деда) информанта 12 (рис. 18): *«Прадед был членом Парламента, уполномоченным Демократического комитета»*¹⁶⁵. С конца марта 1918 г. прадед был одним из руководителей Департамента внутренних дел¹⁶⁶.

В ходе Гражданской войны в Финляндии в 1918 г. белофинны одержали победу над красными финнами. 8 апреля 1918 г. Совет народных уполномоченных перебрался из Хельсинки в Выборг, откуда его члены позднее были вынуждены бежать в Петроград¹⁶⁷. Одной из причин поражения красных

¹⁶³ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в. С. 14.

¹⁶⁴ Ерофеев К. Красные финны // Советская Россия. 14 декабря 2017 г. URL: <http://sovross.ru> (дата обращения: 21.11.2018).

¹⁶⁵ ПМА 2011 г. Информант 12.

¹⁶⁶ Портал организации «Инкери». URL: <http://www.inkeri.ru> (дата обращения: 29.03.2016).

¹⁶⁷ Расила В. История Финляндии. С. 185; Такала И. Р. Финны советской Карелии и их вклад... С. 107–108.

Рис. 18. Прадед информанта 12, член правительства «Красной Финляндии».
Источник: [http:// www. inkeri.ru](http://www.inkeri.ru)

было то, что в «слабой тогда партии финского рабочего класса не было единства, и она не имела четко выработанной тактики»¹⁶⁸. Кроме того, финляндские рабочие не имели военной практики, так как не проходили военной службы¹⁶⁹. После подавления революции члены подразделения шюцкор (добровольная организация по обороне Финляндии, возникшая в 1917 г.¹⁷⁰) проводят расправу над красными финнами: многие были заключены в тюрьмы и концлагеря, многие казнены. «Более десяти тысяч «красных» финнов бежали из Финляндии в Советскую Россию, где они приняли самое активное участие в защите и становлении нового социалистического строя»¹⁷¹.

Для красных финнов Россия стала новой родиной. Многие из них влились в ряды Красной армии. В частности, был сформирован лыжный батальон красных финнов под руководством Т. Антикайнена, в котором сражался отец информанта 7: *«Отец мой был в гражданскую войну в отряде Тойво Антикайнена. Член партии»*. Отец информанта весной 1918 г. бежал вместе с другими красными финнами в Россию, окончил Международную школу красных командиров в Петрограде, был активным участником Гражданской войны и борьбы с белофинской интервенцией в Карелии. Именно выпускники этой школы «составили костяк командных кадров»¹⁷². 75 % учащихся школы составляли

¹⁶⁸ Петров И. М. Красные финны. Петрозаводск: Карелия, 1973. 240 с.

¹⁶⁹ Ровио Г. К годовщине финляндской рабочей революции. С. 1.

¹⁷⁰ Расила В. История Финляндии. С. 235.

¹⁷¹ Акбулатова Г., Данков М. Крик из глубины // Лицей: интернет-журнал. URL: <https://gazeta-licey.ru/public/history/72503-krik-iz-glubinyi> (дата обращения: 15.01.2019).

¹⁷² Веригин С. Г., Лайдинен Э. П. Финны в воинских формированиях Советской России (1918–1940 годы) // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 58.

финны¹⁷³. За боевые заслуги отец информанта был награжден именными часами от «ЦИК Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов»¹⁷⁴.

Согласно мнению советских историков, красные финны оказали неоценимую помощь в борьбе с белофиннами и на территории Мурманского региона¹⁷⁵. Из них было сформировано воинское подразделение, в задачу которого входила охрана Мурманской железной дороги от белофиннов, вторгшихся на территорию России¹⁷⁶, из них же состоял отряд «Мурманский легион», с мая 1918 г. расположенный в Княжой Губе¹⁷⁷.

Часть красных финнов была направлена на Кольский полуостров, где с их помощью создавались национальные животноводческие и рыболовецкие коммуны и артели¹⁷⁸. Финнов привлекали и на обслуживание Мурманской железной дороги. Среди рабочих железной дороги работал до ареста в 1938 г. старшим путевым обходчиком десятой дистанции пути в поселке Шонгуй прадед информанта¹⁷⁹ (рис. 19).

Рис 19. Прадед информанта 17 работал старшим путевым обходчиком десятой дистанции пути в поселке Шонгуй. Год и место съемки неизвестны

¹⁷³ Сойни Е. Г. Российские финны в публицистике Ивана и Бориса Солоневичей // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 129.

¹⁷⁴ Петров И. М. Красные финны. Петрозаводск: Карелия, 1973. 240 с.

¹⁷⁵ Киселев А. А. Климов Ю. Н. Мурман в дни революции и гражданской войны. С. 141–142; Холодковский В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция. С. 336.

¹⁷⁶ Расила В. История Финляндии. С. 194.

¹⁷⁷ Дубровская Е. Ю. Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 255.

¹⁷⁸ Шлыгина Н. В. Финны. С. 371.

¹⁷⁹ Электронная Книга Памяти. Список граждан, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных // Возвращенные имена: сайт. URL: <http://visz.nlr.ru> (дата обращения: 29.04.2012).

В колонизации земель вдоль железной дороги было заинтересовано правление дороги. 10 мая 1923 г. было принято Постановление «О предоставлении льгот переселенцам на Мурман», однако значительного притока населения в край не последовало¹⁸⁰.

Со второй половины 1930-х гг. происходит перелом. Октябрьский пленум обкома ВКП(б) 1935 г. положил начало борьбе «с финским буржуазным национализмом»¹⁸¹. Против финнов начинаются репрессии. Финны были отстранены от руководящих должностей, их стали исключать из партии, запретили разговаривать на родном языке, начались аресты. Как считает И. Р. Такала, достаточным основанием для подозрения и обвинения была уже сама финская фамилия. Финнам «были предъявлены обвинения в шпионаже и антисоветской деятельности»¹⁸². На Кольском полуострове была «раскрыта» «Финская контрреволюционная националистическая шпионско-повстанческая организация»¹⁸³. Подробнее тема политических репрессий освещена во второй главе.

Когда началась Великая Отечественная война, семья информанта 22 была эвакуирована из Петрозаводска в Вологодскую область, а семья информанта 33 — в Чувашию (эти семьи с финно-карельскими корнями позиционировали себя как карельские). По свидетельству информанта 17, во время войны семья оставалась в поселке Кильдинстрой: «*Семья сразу же переехала из Шонгуя после того, как прадеда забрали*». Семья информанта 12 в 1942 г. была выслана в административном порядке из Ленинграда по национальному признаку, а семья информанта 7 (мать, информант и ее сестры) в Коми АССР.

До Второй мировой войны на территории Мурманской области из числа опрошенных потомков данной локальной группы проживала только семья информанта 17. Остальные семьи мигрировали в послевоенное время. Информанты 12 и 22 переехали по трудовому распределению после окончания учебных заведений, семьи информантов 7 и 33 оказались на Крайнем Севере в поисках лучшей жизни.

1.4. Миграционные траектории американских финнов

Помимо колонистов, ингерманландцев и красных финнов на Кольском Севере оказались американские финны. С самого начала 1920-х гг. в Советскую Россию началась миграция финнов из США и Канады. Американские финны переезжали по идеологическим основаниям, привлеченные образом справедливого социалистического общества. Массовый характер миграция финнов из Северной Америки приобрела в начале 1930-х гг. Этому

¹⁸⁰ ГАМО в г. Мурманске, Ф. 162. Оп. 1. Д. 322. Л. 29–31; К пятилетнему плану Колонизационного Отдела Мурманской железной дороги // Вестник Карело-Мурманского края. 1926. № 17. С. 3.

¹⁸¹ Веригин С. Г. Формирование и боевые действия Финской народной армии в Советско-Финляндской (зимней) войне 1939–1940 годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 10 (104). С. 7–18.

¹⁸² Такала И. Р. Североамериканские финны в довоенной Карелии. С. 49–50.

¹⁸³ Савилова С. «Хотелось бы всех поименно назвать». С. 140.

обстоятельству способствовало то, что в 1929 г. в Америке началась Великая депрессия¹⁸⁴.

В это время среди американских финнов проводится агитация с целью привлечения иностранной рабочей силы для работы в экономике Карело-Финской трудовой коммуны, которая была образована в составе РСФСР 8 июня 1920 г., а 25 июля 1923 г. преобразована в Карельскую АССР¹⁸⁵. К переселенцам из Америки относятся отцы информантов 6, 18, 26 и 36.

Образование автономии подтолкнуло финнов к переезду из Америки в РСФСР. В их числе оказался и отец информанта 6 (рис. 20). Он прибыл из Америки в 1922 г. «*легальным путем по призыву*»¹⁸⁶ и поселился в селе Княжая Губа (до 28 мая 1938 г. Кандалакшский район относился к Карельской АССР, а после образования Мурманской области вошел в ее состав (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1938 г.)¹⁸⁷. В 1922 г. американские финны организовали в Княжой Губе рыболовецкую артель (преобразованную позже в колхоз). Они стали пионерами колхозного строительства в Кандалакшском районе¹⁸⁸.

В 1932 г. в Княжую Губу приехала сестра отца информанта 6 с двумя сыновьями, но им не понравилось, и они вернулись обратно в США.

Дедушка и бабушка информанта 26 жили в США, в районе Кливленда. Дед работал лесорубом. В 1931 г. семья мигрировала из Америки в Карелию: «*Надеялись построить здесь светлое будущее, коммунизм. Такие идеалистические мечты*»¹⁸⁹. Есть сведения, что дедушка и бабушка мигрировали из Америки вместе с малолетним сыном, отцом информанта, а его старшая сестра

¹⁸⁴ Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. С. 67; Юсупова Л. Н. Этническая ситуация в Карелии в XX — начале XXI в.: итоги и перспективы её изучения // Молодежь Карелии в пространстве этнического самоопределения и межэтнической коммуникации. Петрозаводск: КГПУ, 2007. С. 18; Линдстрём В. Канадские финны и десять лет Великой депрессии // Устная история в Карелии. Североамериканские финны в Советской Карелии 30-х годов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. Вып. II. С. 18; Такала И. Р. Финны Советской Карелии и их вклад в развитие республики. С. 109; Она же. Североамериканские финны в довоенной Карелии. С. 38, 49–50; Она же. Финны в Карелии и в России... С. 7.

¹⁸⁵ Соколовский С. В. Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 62.

¹⁸⁶ ПМА 2009 г. Информант 6.

¹⁸⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1938 г. // Формирование региона. Архивный ракурс: сборник документов (к 80-летию Мурманской области) / сост. Д. А. Ермолаев и др. Мурманск: Гос. арх. Мурман. обл. Мурманск: РУСМА, 2018. С. 26; Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.). С. 80; Добров В. В. Население Кольского Севера. С. 25.

¹⁸⁸ Такала И. Р. Североамериканские финны... С. 33; Береснев Н. П. Княжая Губа. С. 59–61; Суни Л. В., Яловицына С. В., Такала И. Р. Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове. С. 526.

¹⁸⁹ ПМА 2015 г. Информант 26.

Рис. 20. Отец информанта 6, 1888 г. рождения

осталась в США¹⁹⁰. Известно лишь то, что родителей отца арестовали в 1938 г., когда они пытались нелегально переплыть на лодке через границу¹⁹¹, поэтому отец информанта в дошкольном возрасте оказался в детском доме города Кирова.

Дедушка и бабушка информанта 18 мигрировали из Финляндии в Америку в поисках работы. Дед информанта был моряком: *«Он не на одном корабле, а по контракту на разных. То есть приплыл в порт, получил свою зарплату по контракту, потом другой»*. Уже в Америке дед познакомился с бабушкой информанта (тоже финка), и они поженились (рис. 21). Отец информанта родился в Нью-Йорке, в Бруклине, в 1927 г. Как и многие американские финны, семья мигрировала из Америки в РСФСР по вербовке в 1931 г. Сначала они оказались в Нижнем Новгороде. Потом семья переехала в Казань, где дедушка работал в группе американских специалистов на авиастрое (рис. 22), затем его направили на строительство в Комсомольск-на-Амуре. В 1936 г. переехали в Карелию.

¹⁹⁰ Севандер М. Скитальцы: о судьбах американских финнов в Карелии. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. С. 133.

¹⁹¹ Электронная Книга Памяти. Поминальные списки Карелии, 1937–1938: уничтоженная Карелия. Большой террор. Петрозаводск, 2002. URL: <http://weand.ru> (дата обращения: 18.01.2015); Севандер М. Скитальцы: о судьбах американских финнов. С. 133.

Рис. 21. Свадебная фотография дедушки и бабушки информанта 18.
Нью-Йорк, 1926 г.

Рис. 22. Группа американских специалистов, работающих на авиастроение в Казани
(дед в первом ряду третий слева), 1932 г.

Во второй половине 1930-х гг. наступает переломный момент для многих американских финнов, когда приходит осознание, что социалистический рай на земле — утопия. Семья информанта 18 стала собирать документы, необходимые для переезда в Финляндию (позже во время обыска документы забрали).

В 1937 г. была потеряна связь с родственниками в Америке, а с родственниками в Финляндии переписывались до 1945 г. Деду удалось избежать репрессий, так как он находился в больнице, когда за ним приходили. У деда было больное сердце, в 1945 г. он умер.

Отец информанта 36 (рис. 23) мигрировал из Финляндии в Америку к старшей сестре, которая уехала туда ранее, в 1912 г. Их родители остались в Финляндии. Отец оказался в Карелии по вербовке: *«Мой папа приехал сюда из Канады. Они в Карелии жили неплохо. Ну, они трудяги были, работали. Им зарплату хорошую платили. Тогда там были такие спецмагазины, где продавали только американским финнам товары. Маме люди сказали: «Вот идите к этому финну, и он вам эти туфли купит». Вот так они и познакомились с моим отцом».*

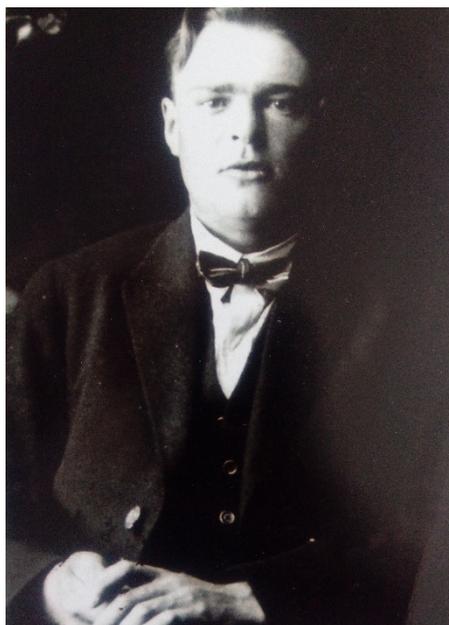

Рис. 23. Отец информанта 36, копия фотографии прислана информанту из Финляндии

Во время Великой Отечественной войны отец был танковым пулеметчиком, пропал без вести. Семья находилась в эвакуации в Горьковской области.

В 1920–1930-е гг. шесть тысяч финнов переехало в Советскую Россию из Америки. Многие из них были коммунистами, которые хотели построить новый, справедливый мир. Однако мечте не суждено было осуществиться. Несмотря на то что объективных причин для реэмиграции у американских финнов было более чем достаточно, большинство из них все же остались в СССР. Некоторые сохраняли верность социалистической идеологии, другим просто некуда было ехать. Кроме того, в 1930-х гг. выезд из СССР был уже сильно затруднен. В конечном счете многие адаптировались, обзавелись своими семьями, сделав выбор в близком этническом окружении (например, отцы информантов 6 и 18 женились на карелках, а отец информанта 36 — на карелофинке).

1.5. Депортация по национальному признаку

Депортации (насильственные миграции) — это одна из разновидностей политических репрессий. Они являются также своеобразной формой учета и принуждения государством его не индивидуальных, а групповых политических противников¹⁹². Превентивные депортации — это наказание за «принадлежность к национальности, с зарубежными соплеменниками которой ведется или может вестись война»¹⁹³, поэтому российские финны в годы Второй мировой войны подверглись депортации превентивного характера.

Депортации по национальному признаку предшествовала так называемая Зимняя война между СССР и Финляндией. В 1939 г. Советское правительство предлагало Финляндии взамен Карельского перешейка значительно большую территорию в Восточной Карелии. Такое решение было вызвано желанием обезопасить Ленинград. Правительство Финляндии ответило на это отказом. После этого началась Зимняя война¹⁹⁴. По официальной версии ее цель — «помочь борющемуся народу Финляндии»¹⁹⁵. После окончания Зимней войны правительство Финляндии продолжило сотрудничество с фашистской Германией, разрабатывались операции по захвату Кольского полуострова, однако председатель комиссии по иностранным делам парламента Финляндии В. Войонмаа в мае 1941 г. отмечал, что «большая часть финского народа будет против войны», поскольку Германия использовала Финляндию в качестве военного плацдарма против СССР¹⁹⁶. Зимняя война для финских семей стала одним из важнейших событий в отечественной истории XX в., отношение к ней эмоционально, поскольку основано на личном (семейном) восприятии и опыте.

26 июня 1940 г. вышел приказ НКВД СССР № 00761 о переселении семей инонационалов из города Мурманска и Мурманской области в Карелию¹⁹⁷. Депортация преследовала цель «очищения приграничной территории от инонационалов как питательной среды для шпионажа и иностранной разведки»¹⁹⁸. По организациям рассылались письма с грифом «секретно» с просьбой предоставить списки сотрудников, которые по национальному признаку подлежали депортации в Карелию (рис. 24).

¹⁹² Полян П. М. Не по своей воле. С. 11–12.

¹⁹³ Там же. С. 30.

¹⁹⁴ Барышников В. Н. СССР и Финляндия: к вопросу об обстоятельствах и времени принятия решения о начале «Зимней войны» // Вестник СПбГУ. 2016. Вып. 2. История. С. 19; Советско-финская война (Зимняя война) 1939–1940 годов // Центральный архив ФСБ России // История России: сайт. URL: <http://istoriarusi.ru> (дата обращения: 12.07.2017).

¹⁹⁵ Никулина Т., Киселева О. Противостояние СССР и Финляндии в годы Второй мировой войны: взгляд гражданского населения Карелии // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 265.

¹⁹⁶ Voionmaa V. Kuriiripostia. Helsinki: Tammi, 1971. P. 23, 40; Мурманская область в годы Великой Отечественной войны: сб. документов и мат-лов. Мурманск: Кн. изд-во, 1978. С. 4.

¹⁹⁷ Секретный приказ наркома внутренних дел СССР № 00761 «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей» от 23 июня 1940 г. // «По решению правительства Союза ССР...». С. 170; Киселев А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера. С. 74.

¹⁹⁸ Киселев А. А. ГУЛАГ на Мурмане. История тюрем, лагерей, колоний.

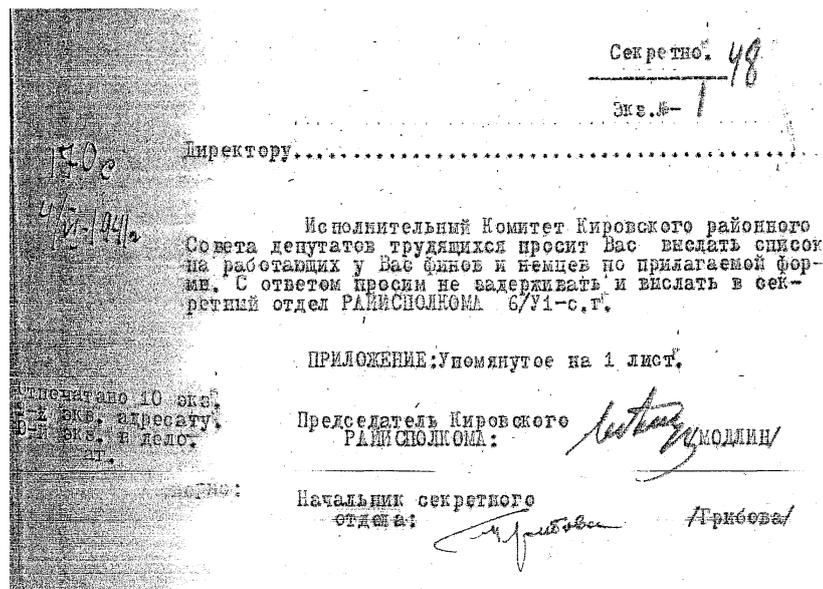

Рис. 24. Распоряжение Кировского райисполкома. Источник: ГАМО в г. Кировске. Д. 47. Л. 48, 61

Первоначально, согласно данным архива города Кировска, не подлежали выселению члены ВЛКСМ и ВКП(б). Однако впоследствии данное исключение не принималось во внимание. В Карело-Финскую ССР и Алтайский край выселили 8617 чел. Подлежащим выселению было дано десять дней для реализации имущества¹⁹⁹. Переселенцам разрешено было брать с собой одежду, посуду, постельные принадлежности, мелкий хозяйственный инструмент, деньги, ценности. Общий вес не должен был превышать 1 000 кг на семью²⁰⁰. Интернирование происходило в несколько этапов. Финнов выселяли подальше от границы как «неблагонадежных»²⁰¹. В списки подлежащих депортации из Мурманской области в Карелию попали представители семей информантов 3, 4²⁰², 8, 11²⁰³, 14, 16²⁰⁴, 19, 21, 23, 25, 28, 30, 34²⁰⁵. Информант 3, свидетель тех событий, вспоминала: «Мы жили в Старых Апатитах. Вдруг нам скомандовали заселяться в вагон номер такой-то, был обыкновенный товарняк. Мы ехали несколько суток. И привезли нас в Медгору. Потом выгрузили нас к озеру. Опять команда — погрузились на бот. И всего-то отвезли до Тельпозеро. Деревня Шуньга. В Карелии я пошла в первый класс». Несмотря на то что разрыв во времени между описываемыми событиями и интервью составляет семьдесят лет, информант отчетливо помнит тот период.

¹⁹⁹ «По решению правительства...». С. 358–359.

²⁰⁰ Савилова С. А. «Хотелось бы всех поименно назвать». С. 143.

²⁰¹ Суни Л. В., Яловицина С. В., Такала И. Р. Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове. С. 527.

²⁰² Книга Памяти. С. 137; Хибинский мартиролог // Котлован. С. 9.

²⁰³ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-71. Оп. 2. Д. 61. Л. 25.

²⁰⁴ ГАМО в г. Кировске. Ф. Р-71. Оп. 2. Д. 50. Л. 84.

²⁰⁵ Книга Памяти финнам.

Избежали выселения женщины-финки, которые вышли замуж не за финнов, например, старшая сестра отца (от первого брака) информанта 19, мать информанта 28, мать информанта 13 (рис. 25): *«Мама вышла замуж, так прикрылась русской фамилией»*. Данное высказывание очень точно отражает ситуацию того времени. Замужество с русскими являлось одной из форм адаптации к сложившимся социально-политическим условиям.

Рис. 25. Родители информанта 13, 1936 г.

В 1941–1942 гг. в связи с военными действиями на территории КФССР финские семьи были эвакуированы подальше от границы, в тыловые области СССР, преимущественно в Архангельскую область и Коми АССР.

Раскол населения по этническому основанию крайне болезненно воспринимался инонационалами. Эмфатические интонации высказываний у многих информантов свидетельствуют, что само это понятие воспринималось как унижающее.

Особая, остро обозначенная тема воспоминаний — эвакуация в Архангельскую область. Она связана с приобретением травматического опыта военного времени. Рассказы об эвакуации отличаются высокой степенью детализации и повышенной эмоциональностью: *«Вскоре началась Отечественная война. И нас опять выгоняют эвакуироваться. Погрузили нас на баржу и плыли мы, плыли. Очень долго мы плыли. Какой-то буксирчик нас тащил. И приплыли мы в Архангельск. Когда в Архангельске вышли, было темно»*.

И вот так стояли штабелями высоко от земли, я не знала, что это было, и спросила у папы: “Что это такое?” Он говорит: “Это там умершие” (гробы штабелями. — Е. Б.). А когда мы плыли, эта баржа была настолько глубокая, по моему, два яруса людей. И в самом низу были самые немощные. Там умирали эти люди за ночь, потому что никто никому не помогал. Чтобы что-то нам давали, я не помню. У кого что было, то и ели. У нас была картошка. А внутреннюю часть баржи как-то подтапливали для тепла. Мы эту картошку разрезали и на эту железку. И она пеклась. Как только темнота начиналась, нас загоняли в трюм»²⁰⁶. Память сохранила мельчайшие детали детских впечатлений: и долгую тяжелую дорогу (которую не все смогли вынести), и вшей, и как сбрасывали трупы в воду по ночам, и ломтики запекшейся картошки на трубах баржи, и гробы штабелями на берегу. Такие детализированные воспоминания, по мнению М. Фриша, являются «данью пережитым страданиям»²⁰⁷.

В воспоминаниях присутствуют рассказы, когда старшие члены семьи жертвовали собой ради спасения младших²⁰⁸: *«После Карелии нас (двух дедушек, мать, два старших брата и информанта. — Е. Б.) выслали в Архангельскую область. По дороге в Архангельскую область оба деда умерли от голода. От голода наши деды бежали из Финляндии и все-таки от голода умерли здесь, в России»²⁰⁹. Мать в 1943 г. утонула (рис. 26). После гибели матери детей отдали в детский дом в Архангельской области. Где находился отец во время ВОВ, информанту неизвестно: «У нас дома никогда об этом не говорили» (типичная ситуация).*

Рис. 26. Мать, братья и информант 25, 1940 г.

²⁰⁶ ПМА 2010 г. Информант 3.

²⁰⁷ Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена». С. 64.

²⁰⁸ Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев. С. 22.

²⁰⁹ ПМА 2014 г. Информант 25.

По утверждениям всех информантов, которые находились в эвакуации в Архангельской области, более всего запомнился страшный голод. О том, какой голод был во время войны в Архангельской области, говорит трагический случай, рассказанный свидетелем: «Неизвестная бабка забрала обманым путем чужого ребенка из садика и съела, а еще раньше съела шестипудового сторожа. Каннибалистку посадили в тюрьму и расстреляли»²¹⁰. Семья информанта 3 похоронила там бабушку, мать, сестру и брата: «Бабушка (мать отца. — Е. Б.) умерла в сорок втором году, когда мы уже в Плесецком районе в эвакуации (рис. 27). Мама умерла от туберкулёза. Анита умерла совсем маленькой вот в этом Глубоковском лесопункте, вскоре как приехали. Арвид умер у папы на руках. Папа на лесоповале работал, чтобы, ну, мы голодные были. И он голодный был. У него ноги вот такие были, опухшие». Семья информанта 14 похоронила там младшего брата матеЯри.

Рис. 27. Бабушка информанта 3

Информанты по-разному ведут повествование в зависимости от возраста, каждый из них по-своему помнит общее семейное прошлое: чем старше человек, тем эмоциональнее рассказ, что отметил еще М. Хальбвакс²¹¹. В нашем случае имеют значение период взросления, на который пришлось известные события, и этнический состав семьи.

Информанту 3 к началу войны было девять лет, она говорит беспристрастно, саркастически замечает: «Мы — фашисты!» Ненавидит Ленина, Сталина и всех коммунистов: «Реабилитировали папу, я буду плохо выражаться, тогда, когда сдох Сталин». У информанта 13 отец — русский, она родилась после войны и не испытала в детстве таких тягот, как ее старшая кузина, поэтому оценочность высказываний у нее менее выражена. Их племянница, информант 14, тоже не проявляет озлобленности на советскую власть.

Сестру матери информанта 28 вместе с детьми вывезли в Коми. «По дороге у нее дети все умерли. И она там умерла». Других сестер матери также выслали из Левгубы на основании национальной принадлежности. Дальнейшая их судьба неизвестна.

²¹⁰ Тимофеев В. Г. История одной семьи. С. 68.

²¹¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. С. 185.

Умирили семьями. В Котласе погибла от голода и болезней вся первая семья отца информанта 8 (рис. 28). В данной ситуации семьи старались использовать все возможности для выживания. Депортированные продемонстрировали в экстремальной ситуации высокие адаптационные способности. Немалую роль здесь сыграл именно семейный фактор: в условиях властного принуждения семьи мобилизовали все свои внутренние ресурсы, чтобы сохранить детей, себя, близких²¹². Как пишет Т. К. Щеглова, изучавшая практики самосохранения сельского населения Сибири в годы Великой Отечественной войны: «Занимались собирательством грибов, дикоросов, ягод. В еду шло всё, что росло, летало и бегало»²¹³. Подобные практики самосохранения относятся и к семьям наших информантов.

Рис. 28. Первая семья отца информанта 8, 1930-е гг. Жена Виста (саами).
Дочери Этла и Алина, сын Аугусти. Жили в поселке Кильдинстрой.
Все умерли во время войны от голода и туберкулёза в Котласе

²¹² Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности. С. 21.

²¹³ Щеглова Т. К. Культура жизнеобеспечения сельского населения Сибири в устной истории в экстремальных условиях XX столетия: адаптационные практики культуры на примере Великой Отечественной войны: из опыта работы // Материалы XI Конгресса антропологов и этнологов России / отв. ред. В. А. Тишков, А. В. Головинёв. М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 326.

Семья информанта 4 была выслана в поселок Харитоново Сольвычегодского района Архангельской области. Информант также рассказывала о голоде в Архангельской области: «*Сестра старшая туберкулезом заболела, так голод был, жрать нечего было. Что ели — грибы. Я с детства за этими грибами ходила. Они мне до того надоели! Ягоды, грибы. Помню щавель ели, крапиву, траву всякую*». В Архангельской области в 1942 г. умерли от голода и туберкулёза ее мать и старший брат. Семью информанта 19 из Заонежского района КФСР депортировали в Тарзинский лесопункт Архангельской области. Бабушка информанта 21 также оказалась в эвакуации в Архангельской области.

Семью информанта 7 депортировали из Карелии в Коми АССР. Семью информанта 12 в 1942 г. выслали в административном порядке из Ленинграда по национальному признаку, отец оказался в детском доме за Уралом. Семью информанта 20 депортировали в Ямало-Ненецкий автономный округ. Вот как вспоминает информант путь в эвакуацию: «*Во Вторую мировую войну нас эвакуировали в Тюменскую область. Сначала до Ладоги довели. А Ладогу сильно бомбили перед баржей. Одна тетя в дороге умерла, в Свердловске. Не хоронили. Прямо штабелями складывали. Заворачивали, обшивали тряпками и складывали штабелями. Остальные три тетки с детьми доехали на поезде до Омска. Там нас погрузили на баржи, чтобы отвезти до Нового Порты. В Новом Порту, как только причалили, умерла самая старшая тетка. А Елена умерла осенью сорок первого*». Как сообщают О. И. Конькова и В. А. Кокко, «23–28 марта 1942 года из кольца ленинградской блокады через Ладожское озеро было вывезено в Сибирь около 30 тысяч финнов»²¹⁴.

Не депортировали по национальному признаку из Мурманской области семьи 6 и 30. По всей видимости, это связано с тем, что брат информанта 6 и дед информанта 30 воевали в партизанских отрядах (начиная с Зимней войны).

В начале Великой Отечественной войны появились трудармейцы²¹⁵. В их числе оказались финны как представители враждебных национальностей. Трудовая мобилизация по национальному признаку возникла из-за дефицита рабочей силы в военное время²¹⁶. Из армии были изъяты все финны (кроме кадровых военных), которые передавались для формирования рабочих колонн и батальонов²¹⁷.

«Еще 16 ноября 1939 года начался призыв в РККА финнов со знанием финского языка, хотя совсем недавно (18 июня 1938 года) “инонационалы” из-за шпиономании были уволены из армии приказом № 001355 наркома внутренних дел Ежова»²¹⁸. В числе таких финнов были призваны в ряды РККА отцы информантов 2 и 10.

²¹⁴ Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. С. 19.

²¹⁵ Шабаетов Ю. П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского сообщества. С. 41.

²¹⁶ Сулов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце... С. 12–15.

²¹⁷ Сакса К. Легенды и мифы Ингерманландии. СПб.: Инкери, 2009. С. 97; «По решению правительства Союза ССР...». С. 356; Бердинских В. А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 354.

²¹⁸ Федоров В. Мурман глазами НКВД (1938–1942) // Всегда в строю. Мурманск: Дроздов-на-Мурмане, 2014. С. 165.

В 1942 г. оказались в Челябинском ГУЛАГе на строительстве металлургического комбината информант 1²¹⁹, отец информанта 19²²⁰, отец информанта 11 (рис. 29).

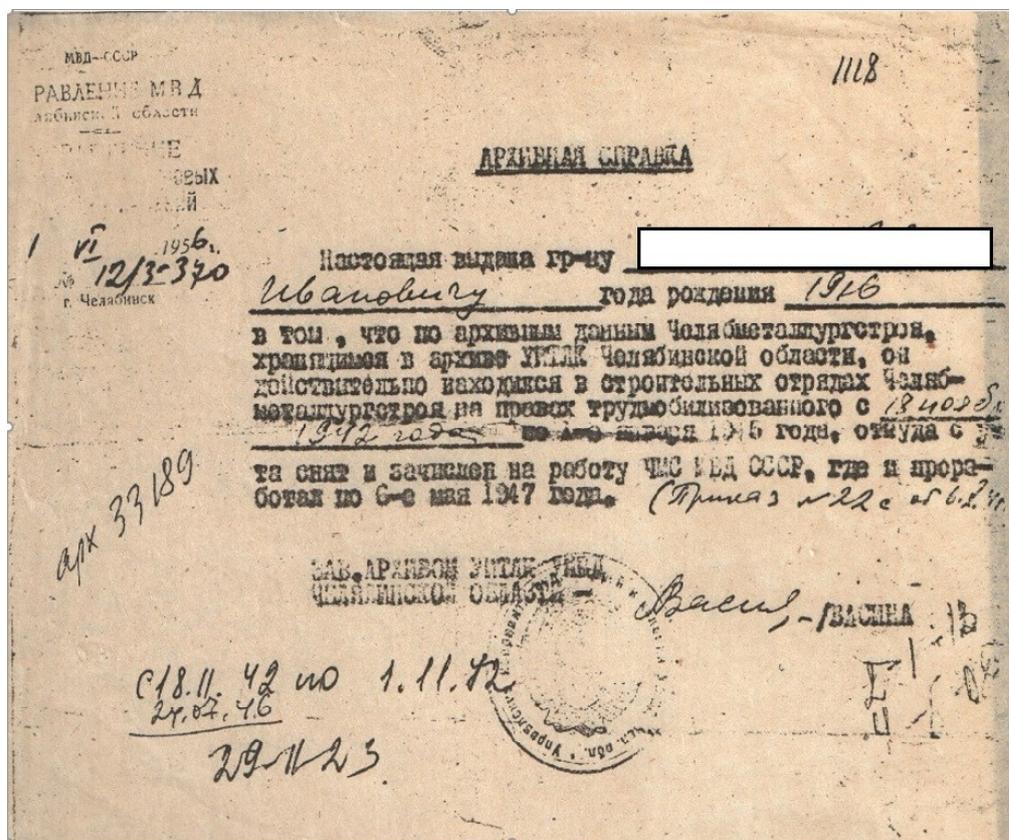

Рис. 29. Архивная справка из СА информанта 11.

Дед (отец матери-финки) информанта 22 оказался в трудовой армии в Воркуте и «сразу там умер»²²¹. Это не удивительно, так как трудармейцы голодали. Им было установлено питание и трудовое использование по тем же нормам, как и для заключенных ГУЛАГа²²².

Отец информанта 24 находился в лагере НКВД Буржельдорлага, а с января 1943 г. — на спецпоселении как лицо финской национальности в поселке Умальта Верхне-Буреинского района Хабаровского края (рис. 30).

²¹⁹ Кто есть кто в культуре Мурманской области: Заслуженные работники культуры РСФСР и РФ. С. 188.

²²⁰ Миланов А. Финский росток на российской почве // Мурманский вестник. 1994. № 221. 9 нояб. С. 9.

²²¹ ПМА 2014. Информант 22.

²²² Бердинских В. А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России. С. 348.

Рис. 30. Справка из СА информанта 24

К особому виду депортации по национальному признаку можно отнести вывоз российских финнов с оккупированной территории. Между Германией и финляндским правительством было достигнуто соглашение об отправке ингерманландцев в Финляндию, так как Финляндия остро нуждалась в рабочей силе²²³. Первоначально немцы вывозили финнов в лагерь Клооге в Эстонии, а уже затем отправляли в Финляндию. По свидетельству информантов, условия в лагере были намного хуже, чем в Финляндии. После прохождения финских карантинных лагерей эвакуированных ингерманландцев «распределяли на заводы, фабрики, фермы»²²⁴. В эту группу депортированных вошли представители семей информантов 2, 5 (рис. 31), 10 и 32.

Согласно статье 10 мирного договора от 19 июня 1944 г. руководство Финляндии было обязано вернуть обратно переселенных ингерманландцев, поскольку они оставались гражданами Советского Союза (договор между Финляндией и СССР о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи был подписан 6 апреля 1948 г.)²²⁵. Именно в обязанности отца информанта 2 (рис. 32) входила организация репатриации советских финнов из Финляндии (в данном случае возвращение на родину гражданских лиц, оказавшихся за пределами своей страны в результате войны). «Те, кому это возвращение не сулило ничего

²²³ Мусаев В. И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии; Невалайнен П. Ингерманландцы в Финляндии в XX веке. С. 34; Рябинина О. К. Роль и место диаспор в политической системе современной Финляндии: дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.

²²⁴ Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. С. 21–22; Гильди Л. А. Расстрелы, ссылки, мученья. С. 121.

²²⁵ Йентофт М. Оставшиеся без родины: история кольских норвежцев. С. 208; Сакса К. Легенды и мифы Ингерманландии. С. 98; Невалайнен П. Ингерманландцы в Финляндии в XX веке. С. 36; Суоми Ю. На пути к советско-финскому договору 1948 года // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 24.

хорошего, бежали с семьями в Швецию, где оказалось в общей сложности до 5 тысяч ингерманландцев»²²⁶. «Деда во время войны забрали на фронт, прошел всю войну, а семью во время оккупации Ленинградской области немцы отправили в товарных вагонах в лагерь в Эстонию, затем в Финляндию. В Финляндии умер прадед. Сыновей расстрелянного брата деда тоже вывезли в Финляндию, в конце войны они оказались в Швеции. После войны семья отца вернулась на родину. Из-за того, что они во время войны находились в Финляндии, над ними нависла угроза выселения из Ленинградской области. Чтобы их не выселили, семья летом скрывалась в лесу, а осенью перебрались к знакомым на хутор в Эстонию»²²⁷. Пребывание во время войны на территории Финляндии или Германии значительно осложнило жизнь репатриантам: «В сорок первом году младшие братья-близнецы отца рыли оборонительные окопы вокруг Ленинграда. В результате наступления немецких войск оказались на оккупированной территории. Потом их вывезли в Финляндию. После войны братья попали в разные лагеря на десять лет»²²⁸. Семья информанта 5 оказалась разбросанной: «С первых дней Отечественной войны деревню оккупировали немцы. В мае сорок второго мой отец, Хельми и Лиля были увезены в Германию, в Магдебург. Работали на сахарном заводе. Дедушка, бабушка и Люли были в лагере в Торковичах. Это Ленинградская область. Там в сорок третьем дедушка и скончался. А бабушка и Люли были увезены в Финляндию. В мае сорок пятого семье обещали, что их отвезут домой в Ленинградскую область, а увезли в закрытых вагонах в Калининскую, в бедный колхоз».

Рис. 31. Мать информанта 5, депортированная из Ленинградской обл. в Финляндию. Снимок сделан в Финляндии в 1944 г.

Рис. 32. Отец информанта 2, 1943 г. Занимался репатриацией советских финнов из Финляндии обратно в СССР

²²⁶ Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. С. 24.

²²⁷ ПМА 2015. Информант 32.

²²⁸ ПМА 2009 г. Информант 10.

В послевоенные годы в соответствии с распоряжением Совета министров СССР от 7 мая 1947 г. было запрещено проживание в Ленинградской области финнам-ингерманландцам, высланным во время войны и репатриированным из Финляндии. Вскоре вышел приказ МВД СССР № 00544 от 21 мая 1947 г., согласно которому им запрещалось проживание в режимных местностях первой категории, запретных зонах и пограничной полосе СССР²²⁹.

Многие из финнов-ингерманландцев выбрали Эстонию в качестве нового места поселения. Причин данного выбора было несколько: во-первых, сравнительно благоприятная экономическая обстановка; во-вторых, территориальная близость к Ленинградской области; в-третьих, этническое и религиозное родство с эстонцами; в-четвертых, надежда на более благосклонное отношение со стороны местного населения, чем в России²³⁰. К таким переселенцам относятся семьи информантов 12 и 32, родственники информантов 2 и 10. Но далеко не всем ингерманландцам разрешили проживать в Эстонии. В конце 1947 г. заместитель Председателя Совета министров РСФСР А. Гриценко направил министру МВД СССР С. Н. Круглову секретное письмо: «Семьи ингерманландцев под различными предлогами стремились выехать из областей выселения к местам прежнего своего жительства в ЛО. Удаленные из ЛО ингерманландцы направляются не в места их расселения, а переезжают в Эстонскую ССР и там беспрепятственно прописываются. Прошу сделать распоряжение органам милиции Эстонской ССР о выполнении ими Распоряжения № 5211 от 7 мая 1947 г.»²³¹ Информант 5 рассказывала: *«Из Калининской области они сбежали в Эстонию. Там мои родители поженились. В Эстонии тоже не разрешили жить: “Уезжайте куда угодно, кроме промышленных центров”. Забрали все документы и отправили в совхоз Митрофановский Челябинской области. Там я и родилась. Нигде не прописывали. Всё знали и гнали. Меня так в чемодане и возили по Сибири».*

Другие семьи были эвакуированы из прифронтовых территорий добровольно, например, из Ленинградской области семью матери информанта 31 во время войны эвакуировали в Кировскую область, а семью информанта 2 из Ленинграда в Чувашию. После окончания войны семья информанта 2 вернулась из эвакуации в Ленинград. Они имели на это право, так как у отца были правительственные награды²³². Из Карелии семью информанта 22 (отец — карел) эвакуировали в Вологодскую область: *«Я там в первый класс пошел в сорок втором году»*, а семью информанта 36 (позиционировали себя как карелы) отправили в Горьковскую область.

В послевоенное время миграции носили преимущественно добровольный характер. Во-первых, мотивами добровольной миграции являются экономические и социально-бытовые причины: ехали или к лучшей жизни, или от плохих условий, в том числе куда глаза глядят. Самая распространенная формулировка причины добровольной миграции — поиски лучшей жизни. Данный вид миграции, согласно сведениям, полученным из интервью, затронул

²²⁹ Гильди Л. А. Судьба «социально-опасного народа». С. 33.

²³⁰ Мусаев В. И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике...

²³¹ «По решению правительства Союза ССР...». С. 389–390.

²³² Там же. С. 389.

более половины семей, причем переезды по этому основанию относятся к разным историческим периодам, т. е. мотив универсален. По данной причине мигрировали из Финляндии в Америку, затем в СССР семьи информантов 6, 18, 26 и 36, информант 7 из Карелии на Колыму, затем в Мурманскую область, семьи информантов 8, 9, 19, 21, 23, 25, 28 из Улеборской губернии Финляндии на побережье Баренцева моря, семья 20 из Ленинградской области в Мурманскую, семьи 21, 33, 36 из Карелии в Апатиты, семья 23 из Петрозаводска в Апатиты. Члены семьи информанта 16 по этой же причине мигрировали дважды. В 1982 г. из Карелии в Узбекистан: *«Мамин брат женился на немке и уехал к ней в Узбекистан. Потом позвали моих родителей: тепло, солнце»*. В 2005 г. информант 16, а затем и ее брат переехали из Карелии в Кировск в поисках работы.

Иногда основанием переезда могло стать вступление в брак или развод.

Во-вторых, существовала трудовая миграция. В советский период распространенным явлением был переезд на новое место жительства по трудовому распределению после окончания учебного заведения. Однако миграцию по распределению вряд ли можно считать добровольной, по существу, она носила вынужденный характер.

В-третьих, миграция планировалась как временный выезд. Так, знакомая семья военнослужащего попросила мать информанта 15 приехать к ним на время в Мурманскую область и помочь ухаживать за маленьким ребенком, а вышло так, что осталась *«на всю жизнь»*. Когда началась война, девушка не смогла вернуться в Ленинград. Она пришла в *«какую-то контору»*, чтобы выяснить, что делать дальше, и начальник (карел) отправил ее в Аллуайвстрой (поселок в Ловозерских тундрах, который строили заключенные, он имел стратегическое значение, ныне не существует²³³). По словам информанта, начальник сказал, чтобы она там *«сидела и не высывалась»*. Таким образом, он пожалел девушку-финку, фактически «спрятал» ее от репрессий. Случай может быть интерпретирован как проявление солидарности представителей близкородственных народов, во всяком случае, рассказчица выделила данное обстоятельство.

В-четвертых, романтизм увлекал к перемене мест. Так утверждали информанты 2 и 5. Нет причин не доверять информантам, поскольку в то время север привлекал молодежь своей экзотичностью, кроме того, молодые промышленные города Заполярья активно развивались, что открывало новые перспективы как в работе, так и в бытовом устройстве.

Редкий пример переезда из Финляндии в постсоветскую Россию представляет собой случай информанта 27. Во время Советско-Финской войны бабушку с детьми эвакуировали в общину Пелло (Pello) на границе со Швецией. Деда во время войны тяжело ранили, он стал инвалидом, поэтому в боевых действиях в 1941–1944 гг. не принимал участия. В 1944 г. семья находилась в Лохтайя (Lohtaja) в эвакуации. Причина переезда в Мурманск — *«нашел в Мурманске хорошую работу»*. Информанту удалось открыть свою фирму, кроме того, он востребован как переводчик.

В целом миграции семей с финскими корнями были достаточно интенсивны и большей частью вызваны политикой государства. Миграции имели как добровольный, так и насильственный или вынужденный характер.

²³³ Минкин А. А. Топонимы Мурмана. Мурманск, 1976. С. 82; Киселев А. А. Гулаг на Мурмане. История тюрем, лагерей, колоний.

Представители семей в настоящее время рассеяны по всему миру, в том числе живут в США, Швеции и Израиле, но в основном сосредоточены в Финляндии, Карелии, Эстонии, Мурманской и Ленинградской областях, т. е. на территориях исконного проживания прибалтийско-финских народов.

Многие финские семьи осели в Карелии в послевоенное время. В Карелии финнов «привлекало: 1) близость к родным местам; 2) возможность общения здесь между собой на родном языке; 3) сравнительно хорошие условия переселения, возможность получения постоянной работы»²³⁴.

Финнов стали привлекать в качестве рабочих лесозаготовительной промышленности после принятия Постановления Совета министров СССР «О мероприятиях по восстановлению и развитию лесозаготовок в Карело-Финской ССР» в 1948 г.²³⁵ В 1949 г. союзное правительство, принимая постановление о развитии лесной промышленности в КФСР, включило в него секретный пункт о разрешении республиканскому правительству вербовки (в порядке организованного набора) в лесную промышленность «финнов, рассеянных по стране»²³⁶. На этом основании оказались в КФСР семьи информантов 5, 21, 23, 31 (рис. 33). На фотографии (рис. 34) запечатлены представители семьи информанта 5. Первый ряд: третий слева — дядя Суло (брат матери); второй ряд: в центре — дядя Алле (брат матери); третий ряд: первый слева — отец. На плечах надеты небольшие подушки, чтобы сбереечь плечи от бревен. Все члены бригады в возрасте от 23 до 27 лет.

Рис. 33. Направление на переселение семьи информанта 5

²³⁴ Муллонен И. А. Адаптация ингерманландских финнов к новым условиям жизни в Карелии во второй половине XX века // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 86.

²³⁵ «По решению правительства Союза ССР...». С. 357; Финны // Материалы по истории, этнографии и традиционной культуре коренных народов Карелии // Центр народного творчества и культурных инициатив: сайт. URL: <http://www.etnocenter.ru/metod/materialy-po-istorii-etnografii-i-tradicionnoj-kul-ture-korenyh-narodov/karelii/finn> (дата обращения: 10.06.2012).

²³⁶ Муллонен И. А. Адаптация ингерманландских финнов к новым условиям жизни в Карелии... С. 87.

Рис. 34. Кондопожский леспромхоз, бригада финских грузчиков (родственники информанта 5), приблизительно 1950 г.

В перестроечный период у потомков финских семей отчетливо проявилось тяготение к этнической родине. Многие из родственников уже переселились в Финляндию. Толчком к эмиграции послужило выступление президента М. Койвисто, предложившего в апреле 1990 г. распространить право репатриации на ингерманландских финнов²³⁷. Переехавшие из России и из других республик бывшего Советского Союза сейчас составляют одну из самых значительных групп иммигрантов в Финляндии. Этот процесс продолжается и в настоящее время.

Результаты переписей населения позволили проследить динамику численности финского населения в регионе как в количественном, так и в процентном отношении (табл., диаграмма на рис. 35). Как видно из приведенных данных, численность финского населения неуклонно сокращается (впрочем, как и всего населения области).

²³⁷ Хамалайнен Э. URL: <http://www.kolumbus.fi/edvard.hamalainen/docs/pesn.htm> (дата обращения: 12.05.2012).

Изменение численности финского населения Мурманской области

Год									
1897 ¹	1920 ²	1926 ³	1939 ⁴	1959 ⁵	1970 ⁶	1979 ⁷	1989 ⁸	2002 ⁹	2010 ¹⁰
Численность									
1276	1427	1697	4317	1197	751	710	590	429	273

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Архангельская губерния.

² Золотарев Д. А. На Западно-Мурманском побережье летом 1928 г. С. 5.

³ Шлыгина Н. В. Финны. С. 371.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 63.

⁵ Добров В. В. Население Кольского Севера. С. 48.

⁶ Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV: Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: Статистика, 1973.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1979 года // ДЕМОСКОП Weekly: сайт. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly> (дата обращения: 11.04.2013).

⁸ Население СССР, 1987: статистический сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1988.

⁹ Национальный состав и владение языками, гражданство. С. 53. // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4, кн. 1.

¹⁰ Национальный состав Мурманской области по данным переписи 2010 г. С. 63.

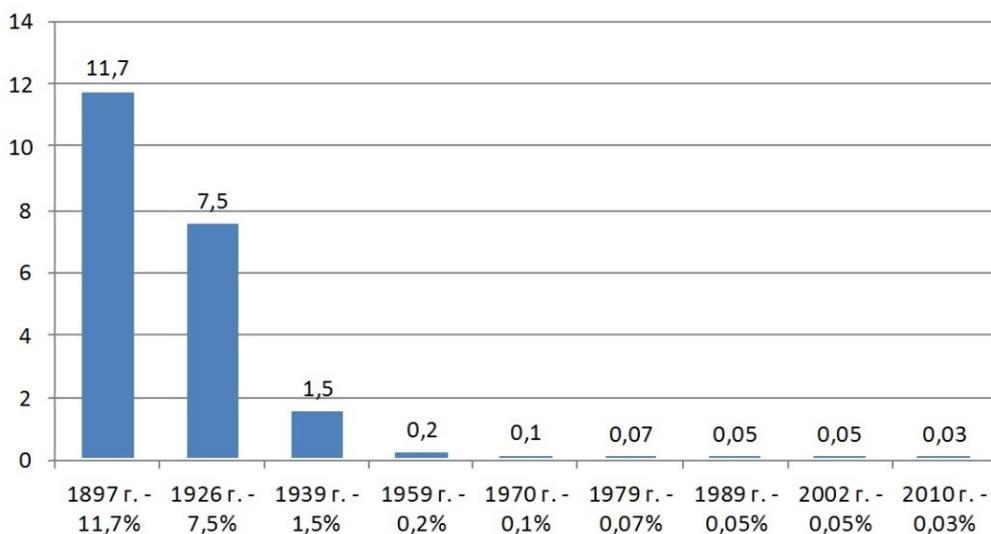

Рис. 35. Динамика численности финского населения по отношению ко всему населению Мурманской области, %

По данным переписи 2010 г. в России проживало 20 267 финнов. Самые многочисленные финские сообщества в таких регионах, как: Карелия — 8577, Ленинградская область — 4366, Санкт-Петербург — 2559, Москва — 388,

Мурманская область — 273, Псковская область — 212, Омская область — 202, Новгородская область — 194, Кемеровская область — 166 человек. Сокращение численности финского населения отмечено и специалистами Института этнологии и антропологии РАН²³⁸.

Независимо от причин все переселения воспринимаются информантами как «конец прежней» и «начало новой жизни», т. е. являются рубежными событиями истории семьи. Сегодня Европейский Север РФ находится в сложном социально-экономическом положении. С 1990 г. наблюдается массовый отток населения из регионов, расположенных на северных территориях. Мурманская область потеряла более трети населения. Фактически идет процесс деколонизации Европейского Севера. Как подчеркивают Ю. П. Шабаев, А. П. Садохин, А. Ю. Кузнецова и Н. В. Шилов, «началось опустынивание ранее освоенных территорий»²³⁹. Потомки финских семей, уезжая из России в Финляндию, имеют на это собственные аргументы, связанные с травматичным опытом жизни их предков.

²³⁸ Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 79.

²³⁹ Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма / Ю. П. Шабаев и др. // Мониторинг общественного мнения. 2017. № 6 (142). С. 142–143.

Глава 2

СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ

Семейная память — это вид социальной памяти, содержание которой связано не только с событиями семейной жизни и личностями семейно-родственного сообщества, но с конкретным опытом «проживания» истории, ее осмыслением и оценками. Она формируется и транслируется членами сообщества в разных формах: устных, письменных, вещественных, поведенческих²⁴⁰. Память в форме воспоминаний участников событий является одной из категорий источников, используемых для исследования прошлого. Коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвует в одних и тех же исторических событиях и разделяют общее мнение²⁴¹. Память — связующее звено между прошлым и настоящим. То, что семье необходимо и считается подлежащим запоминанию, родственники сохраняют в памяти или в виде «вещественных доказательств», а то, что не нужно, они забывают. Эти процессы происходят постоянно, и пока существует сама общность, одна из сфер ее деятельности — коммеморация, или различные способы укрепления и передачи памяти о прошлом, репрезентация ее в тех или иных формах²⁴². Коммеморация в семьях осуществляется как стихийно, под влиянием социально-бытовых и индивидуально-психологических потребностей, так и целенаправленно — если они осмысливаются как сохранение памяти для потомков. В некоторых семьях сохранению документов придается большое значение, часто оно становится одной из основных повседневных практик кого-либо из членов семьи²⁴³. Одним из важнейших способов является формирование семейных архивов. Через семейное архивирование, запись семейных историй, их публикации в печатных изданиях и в Интернете происходит социализация семейной памяти²⁴⁴. Её глубина и уровень знаний об истории семьи во многом определяются объемом и составом семейного архива, который обычно включает, наряду с документами и фотографиями, письма, генеалогические схемы с пояснительными текстами, дневники и мемуары отдельных родственников. Для семей с финскими корнями все это характерно. Во всех обследованных нами семьях и устно, и документально формируется и существует фонд памяти.

²⁴⁰ Разумова И. А., Сулейманова О. А. Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 71; Разумова И. А. Роль семьи в процессе адаптации человека на севере // Живущие на севере: образы и реальность: сб. науч. ст. / науч. ред. П. В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 148.

²⁴¹ Мегилл А. История и память: за и против // Философия за рубежом. 2005. № 2 (39). С. 150–152.

²⁴² Megill A. History, memory, identity // History of the human sciences. 1998. Vol. 11 (3). P. 37–62.

²⁴³ Разумова И. А. Культурная политика современной российской семьи. С. 81–82.

²⁴⁴ Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев. С. 26.

2.1. Политические репрессии

На период с конца 1920-х гг., включая 1940-е гг., приходятся основные события семейной истории. Он обозначается информантами как «годы раскулачивания», «репрессии», «война» и, как для большинства российских семей, выделяется по исключительному влиянию на семейные судьбы²⁴⁵. Именно на эти годы делается акцент при изложении семейной истории. Однако существует проблема: именно об этом периоде потомкам многих финских семей мало что известно, поэтому происходившее реконструируется на основе отрывочных знаний. Для старшего поколения финнов политика умалчивания была типична, чтобы обеспечить младшим беспрепятственную социализацию и не подвергать семью опасности²⁴⁶. Вместе с тем репрессии 1930-х гг. сохраняются в памяти многих информантов из финских семей. Некоторые из них были участниками и свидетелями тех событий.

Начиная с 1917 г. большевики стали практиковать государственное насилие против разных социальных и этнических групп, стремясь уничтожить «вредоносные элементы». И. Р. Такала указывает, что «к концу 1920-х годов эта политика насилия, носившая ранее в значительной мере реактивный характер, трансформировалась в превентивные репрессии»²⁴⁷. Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. санкционировал начало «Большого террора» в СССР. Однако еще в марте 1936 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов», согласно которому политэмигранты оказались одними из главных «агентов разведывательных и полицейских органов капиталистических государств»²⁴⁸. Многие финны были обвинены в «причастности к диверсионно-террористическим и контрреволюционным организациям, работавшим по заданию финского генштаба с целью отторжения северо-западных территорий России и присоединения их к Финляндии»²⁴⁹. О желании присоединить Кольский полуостров к Финляндии говорили в окружении Маннергейма начиная с 1918 г.²⁵⁰ Как и по всей стране, на Кольском полуострове были «раскрыты» контрреволюционные организации: Финская контрреволюционная националистическая шпионско-повстанческая организация, Саамская националистическая повстанческая диверсионно-вредительская организация и другие²⁵¹. Как считает О. В. Миколук, «в репрессиях, направленных против финского населения СССР, косвенно виноваты финские спецслужбы, которые в 1920–1930-е гг. регулярно нелегально переправляли своих агентов через границу для сбора сведений о частях Красной

²⁴⁵ Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. С. 304.

²⁴⁶ Разумова И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев. С. 25.

²⁴⁷ Такала И. Р. Большой террор в Карелии. С. 144.

²⁴⁸ Там же. С. 201.

²⁴⁹ Шлыгина Н. В. Финны. С. 372.

²⁵⁰ Киселев А. А. Барон Маннергейм в истории Северной Европы первой половины XX века // Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 6. История и право. С. 8.

²⁵¹ Савилова С. «Хотелось бы всех поименно назвать». С. 140.

армии в Карелии и на Мурмане»²⁵². Однако К. Г. Маннергейм по поводу обвинения финнов в шпионаже заявил, что «бюджет Финляндии не смог бы обеспечить средствами такую массу агентуры»²⁵³. Норвежский исследователь М. Йентофт пишет: «Нет сомнений в том, что Финляндия вела разведывательную работу как в районе Петсамо, так и в русской части полуострова Рыбачий. Как и в том, что Советский Союз занимался тем же самым, но в противоположном направлении. Однако практически нет подтверждения тому, что там существовала созданная финнами шпионская организация. Тем более что все, кто был тогда арестован и осужден, на сегодняшний день оправданы, что, собственно, указывает на отсутствие доказательств по обвинениям против них»²⁵⁴. Все репрессированные члены семей наших информантов были впоследствии реабилитированы.

Как указывают Ю. П. Шабаев, А. П. Садохин, А. Ю. Кузнецова и Н. В. Шилов: «Панфинские идеи, культивировавшиеся в Карелии (и в Коми), стали поводом для репрессий против местных политиков и интеллигенции в годы “Большого террора”. Многие значимые фигуры из состава политической элиты и национальной интеллигенции пали жертвой дела СОФИН (“Союз освобождения финских народностей”) уже на первом этапе сталинских репрессий — в 1932 году»²⁵⁵. Отношения между Финляндией и СССР ухудшались. В 1935 г. было принято Постановление о мероприятиях по усилению охраны границы с Финляндией²⁵⁶. С 1936 г. слово «финн» в СССР стало ассоциироваться с понятием «враг народа»²⁵⁷. Финнам были предъявлены обвинения в шпионаже и антисоветской деятельности, что в тот исторический период особой трудности не представляло, судебных процессов как таковых не было, достаточно было осудить тройке НКВД. Для того чтобы оказаться в «черном списке», надо было просто иметь финскую фамилию.

Финнов обвиняли в связи с заграницей. Некоторые вели переписку с родственниками, проживающими в Финляндии и США²⁵⁸. Семьи информантов 6 и 18 вели переписку с родственниками из США и Финляндии, что и стало поводом для обвинения их в наличии связей с заграницей и, следовательно, в шпионаже и причастности к диверсионно-террористическим и

²⁵² Миколок О. В. Политические репрессии на Мурмане в 30-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2003.

²⁵³ Киселев А. А. Барон Маннергейм в истории Северной Европы первой половины XX века. С. 10.

²⁵⁴ Йентофт М. Оставшиеся без родины: история Кольских норвежцев. С. 96.

²⁵⁵ Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма. С. 137.

²⁵⁶ Федоров П. В. Центр и Северная окраина Российского государства в XVI–XX вв.: динамика стратегических связей (на материалах Кольского Заполярья). С. 263.

²⁵⁷ Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. С. 17.

²⁵⁸ Иштонкова В. В. Как погасили «ЛУЧ». Последние годы коммуны «SÄDE» // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 80.

контрреволюционным организациям (статьи 58-6 — шпионаж, 58-10, 58-11 — контрреволюционные преступления²⁵⁹).

Отца информанта б расстреляли, реабилитировали в 1959 г.²⁶⁰ (рис. 36). Известно, что он выступал на колхозных собраниях с критикой руководства. По всей видимости, критика была обоснованной. Подтверждение находим в опубликованном в 1933 г. докладе, посвященном ловле сельди в Кандалакшском районе, где говорится: «Невыполнение плана объясняется кроме применяемых там пассивных методов лова, также и плохой организацией труда»²⁶¹.

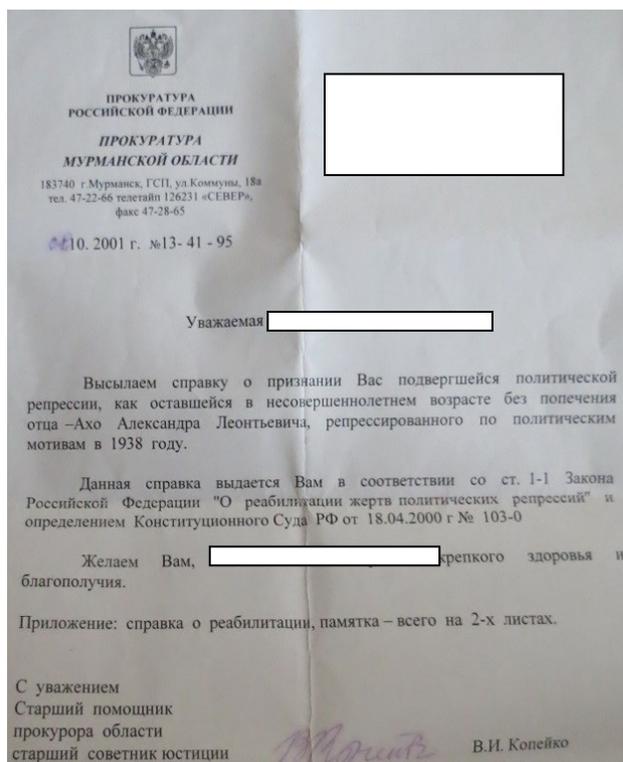

Рис. 36. Справка, подтверждающая, что отец информанта б был репрессирован по политическим мотивам

Деда и отца информанта 18 несколько раз спасало то, что их предупреждали о возможном аресте, и они успевали спрятаться. Связь с родственниками за границей перестали поддерживать из-за опасений навлечь на себя неприятности, и без того семья «вызывала интерес» у органов власти. Когда дед умер в 1945 г., «люди даже боялись прийти помочь организовать похороны. Один только мужчина приехал, тоже финн, у него лошадь была,

²⁵⁹ Уголовный кодекс РСФСР. М.: Государственное издательство «Советское законодательство», 1933. С. 21–25.

²⁶⁰ Книга Памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР. С. 29; Книга Памяти жертв политических репрессий. С. 28.

²⁶¹ Косов М. Ф. Статистико-экономический анализ берегового промысла Карелии в Белом море // Карело-Мурманский край. 1933. № 1–2. С. 66.

загрузили, и вот он помог похоронить»²⁶². Дед, бабушка и отец информанта 26 приехали в Карелию из Кливленда. Дед работал на бумагоделательном комбинате в поселке Кондопога. В 1938 г. их арестовали при попытке нелегально покинуть СССР. Они были осуждены особой тройкой НКВД КАССР на срок пять лет²⁶³. Судя по всему, дед и бабушка в лагере погибли.

Помимо американских финнов от политических репрессий 1930-х гг. пострадали члены семей 7, 8, 9, 12, 17, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 32, 33, 35, 36. В основном это представители семей, чьи корни связаны с Финляндией. Две семьи (24 и 32) — ингерманландские, но они имели связь с границей.

Дед информанта 24 работал в газете «Нева» в Петрограде до 1917 г. Революцию он не принял и уехал в Финляндию, оставив жену с детьми и свою мать: *«А в двадцать пятом он вернулся, и его под белы ручки и в тюрьму. И просидел там лет восемь. И вышел оттуда совершенно больным и вскоре умер»* (рис. 37). Бабушку информанта, учительницу, трижды арестовывали: в 1928, 1930 и 1937 гг. Последний арест закончился расстрелом²⁶⁴.

Рис. 37. Дед, бабушка, отец и старшая сестра отца информанта 24. Гатчинский уезд, 1925 г.

²⁶² ПМА 2011 г. Информант 18.

²⁶³ Электронная Книга Памяти. URL: <http://weand.ru> (дата обращения: 18.01.2015); Севандер М. Скитальцы: о судьбах американских финнов в Карелии. С. 133.

²⁶⁴ Электронная Книга Памяти. Ленинградский мартиролог // Возвращенные имена: сайт. URL: <http://visz.nlr.ru> (дата обращения: 04.06.2014).

Брата деда информанта 32 арестовали в 1937 г., особой тройкой НКВД ЛО приговорен по ст. 58-10 УК РСФСР к ВМН²⁶⁵.

Отец информанта 10 сумел избежать репрессий, вовремя оценив обстановку после ареста начальника конструкторского бюро, в котором работал: *«После окончания университета отец стал работать в Ленинградском филиале экспериментального института инженером-конструктором. Их группа конструировала тяжелые самолёты. Но в тридцать шестом году над КБ нависла угроза: был арестован начальник КБ, подразделение было расформировано. Отец, опасаясь репрессий, завербовался на Мурманскую железную дорогу»*. В данном случае миграция на Крайний Север представляет форму эскапизма, в биографии она играет положительную роль как средство спасения от репрессий, самосохранения.

Члены семей 7 и 12 были профессиональными военными, в конце 1930-х гг. их обвинили в контрреволюционном заговоре²⁶⁶. В 1938 г. прадед (отец деда) информанта 12 был арестован на пять лет (рис. 38). В 1939 г. он умер в тюремной больнице. Дед в 1932 г. был военным летчиком — бортмехаником (рис. 39). Отца информанта 7 арестовали в 1937 г. на глазах дочери: *«Я видела, как их всех раздели, разули. Босиком в клуб затаскивали. Я уже понимала. Я всё помню. Помню, как отца вместе с другими мужчинами раздетыми, он в одних кальсонах был и в рубашке нижней, вели в клуб. Он мне издала рукой помахал»*. Отец был осужден особой тройкой НКВД КАССР от 20 ноября 1937 г. по статье 58-2-7-11 УК РСФСР и расстрелян через неделю в окрестностях Петрозаводска²⁶⁷. Несмотря на то что отца расстреляли, информант каких-либо резких высказываний против советской власти себе не позволяет, а Сталина оправдывает: *«Сразу говорили, что это не Сталин, он подневольный был, им кто-то руководил. Умные, грамотные люди, они сразу поняли. Все, кто работали в экспедиции, я уже большая была, понимала, замужем, они сказали, это не Сталин. А вот те, кто бежали за границу, вот те умные были люди все. Вот»*²⁶⁸. Подобное оправдание правителя — «не он виноват в наших бедах, а его окружение» — характерный для народного отношения к власти стереотип. Поколение детей репрессированных красных финнов (как и всех детей коммунистов, пострадавших от советской власти) оказывается здесь в особой психологической ситуации. Кто-то однозначно считает себя вправе обвинять власть в убийстве отцов, для других это означало бы предать память родителей, которые верно служили коммунистической идее. Безусловно, и те и другие заслуживают понимания.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Книга Памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР. С. 249, 16.

²⁶⁷ Там же. С. 249.

²⁶⁸ ПМА 2010 г. Информант 7.

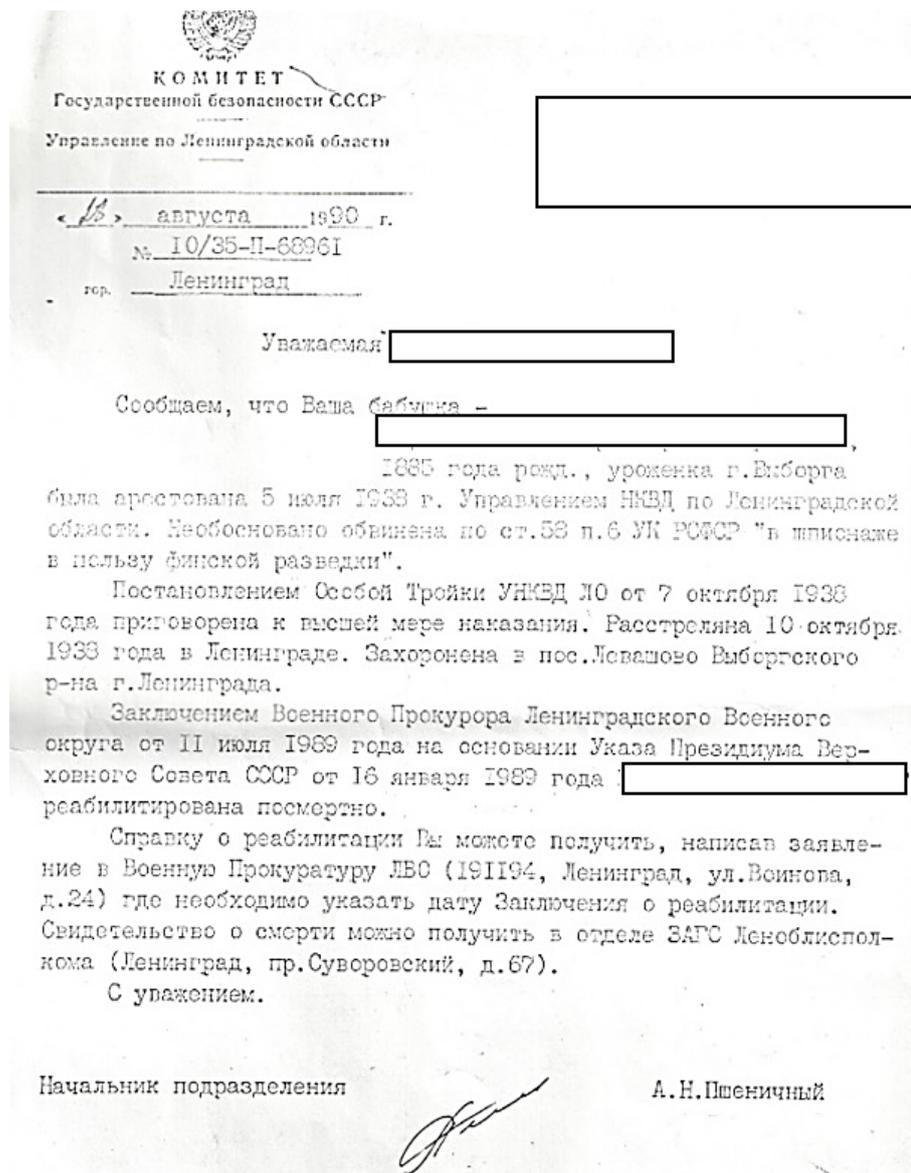

Рис. 40. Справка о расстреле бабушки информанта 36

Судьба большинства финских колонистов также сложилась трагически. Например, подверглись репрессиям отец информанта 8 и его четыре брата (рис. 7). Из пяти братьев двое получили ВМН, остальные были осуждены на 5–10 лет лагерей²⁷⁰. В 1947 г. после отбытия срока в Горьковской области отец информанта приехал в поселок Зашеек Мурманской области к товарищу, так как возвращаться в поселок Кильдинстрой было не к кому, поскольку вся первая семья погибла в эвакуации (рис. 28).

²⁷⁰ Книга Памяти жертв политических репрессий (20–50-е гг.). С. 350.

Дед информанта 21, кандидат в члены ВКП(б) в 1932–1937 гг., работал заведующим районо (дед и его брат окончили Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Мархлевского). Опасаясь ареста, дед ушел с должности и устроился рыбаком в колхоз “Pohjoinen tähti” («Северная звезда») в селе Белокаменка Полярного района. Старший брат деда, который работал инструктором Полярного райкома ВКП(б), так же как и брат, перед арестом устроился рыбаком в этот колхоз. Но это их не спасло. Дед был осужден по статье 58-6-10-11 УК РСФСР, а его брат по статье 58-6-7-11²⁷¹. Братьев приговорили к ВМН. Оба были расстреляны в один день, реабилитированы в 1957 г. (рис. 41).

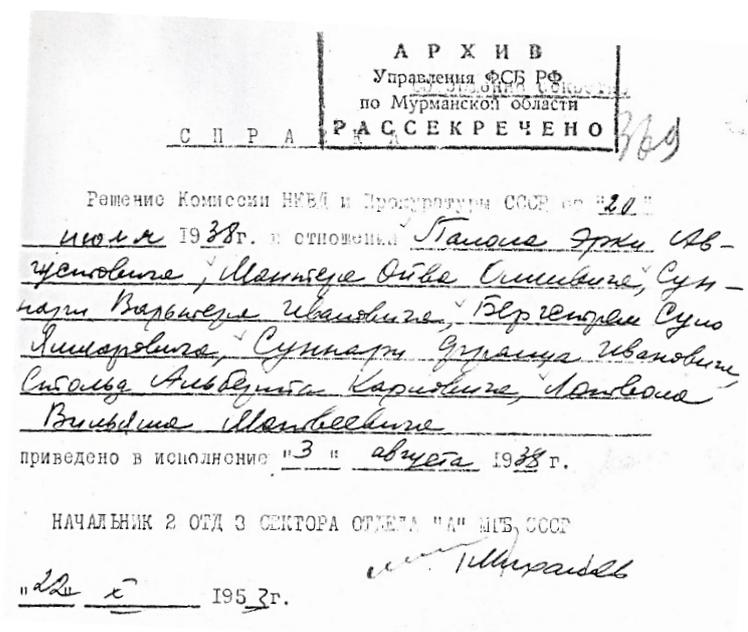

Рис. 41. Справка о расстреле деда информанта 21 и брата деда

В том же рыболовецком колхозе работали братья прабабушки информанта 23. Они были арестованы по статье 58-7-10 УК²⁷². Отец бабушки арестован в 1938 г. за шпионскую деятельность. Через десять месяцев его отпустили за недостаточностью улик.

Дед (отец отца) информанта 25 был председателем колхоза «Риенто» («Прибрежный») в поселке Ваенга (ныне ЗАТО Североморск). Осужден в 1932 г. по статье 58-7-10 УК тройкой ОГПУ Ленинградского военного округа на пять лет ИТЛ²⁷³.

Дед информанта 28 работал в колхозе «Рая Каластая», рыбак. В 1934 г. был арестован в первый раз вместе с женой (дали три года ссылки) по статье 58²⁷⁴.

²⁷¹ Книга Памяти. Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова. С. 312.

²⁷² Там же. С. 141.

²⁷³ Книга Памяти жертв политических репрессий (20–50-е гг.). С. 294.

²⁷⁴ Там же. С. 172.

В связи со строительством военно-морских баз в районе становища Озерко семью вывезли на Терское побережье, в поселок Левгуба. В декабре 1937 г. деда вновь арестовали. Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР его приговорили по статье 58-6-10-11 УК РСФСР к ВМН, в 1938 г. расстреляли в Ленинграде²⁷⁵.

Также особой тройкой НКВД приговорен по статье 58-6 УК РСФСР к ВМН дед информанта ⁹²⁷⁶. Судьба семьи сложилась трагически. После расстрела деда его вдова и дети изменили финскую фамилию на материнскую карельскую. В 1941 г. их выслали из Княжой Губы в лесхоз в центральную часть Мурманской области, а дом, который собственноручно построил дед, сожгли. Страх перед репрессиями сохранился у матери информанта на всю жизнь. Она до конца своей жизни скрывала свое происхождение и не разрешала дочери говорить о своих финских корнях.

Дед информанта 19 в годы Гражданской войны прибыл из Финляндии нелегально²⁷⁷. Факт нелегального перехода границы впоследствии негативно сказался на судьбе деда. В 1938 г. его арестовали. Приговорен тройкой НКВД по статье 58-6 УК к ВМН. Реабилитирован в 1988 г. Мурманским областным судом²⁷⁸.

Информант 6, читая справку о реабилитации своего отца, сказала с горечью: *«Они все были необоснованно репрессированы»*. Дети из семей репрессированных, лично пережившие арест своих отцов (информанты 6 и 7), очень эмоционально вспоминают прошлое. Обе с большой теплотой отзывались о своих родителях. И не только о расстрелянных отцах, но и о матерях, сохранивших верность своим мужьям и прививших детям светлую память о них.

В период репрессий 1937–1938 гг. политическое руководство государства на первый план выдвигало задачу предупреждения появления оппозиции. Конечно, спецконтингент выполнял и другую значимую функцию — производственную (использование дешевой рабочей силы)²⁷⁹. Опираясь на полученные сведения, историкам удалось установить, что политическим репрессиям подверглись, прежде всего, мужчины из числа политэмигрантов и перебежчиков²⁸⁰. Поскольку Мурманская область граничит с Финляндией, то, естественно, в регионе в составе инационалов преобладали финны, многие из которых имели родственные связи с границей.

2.2. Семейные архивы и эго-документы

Семейная историко-культурная память, в первую очередь, включает знания и представления о семейной истории. Согласно теории культурной памяти, чтобы стать историей, память общности должна иметь «твердую опору» в виде мемориальных свидетельств прошлого²⁸¹. Такими свидетельствами

²⁷⁵ Гильди Л. А. Народ изгой в России. СПб., 2006. С. 31.

²⁷⁶ Книга Памяти жертв политических репрессий (20–50-е гг.).

²⁷⁷ Локко С. П. Финны на Мурмане. С. 336.

²⁷⁸ Электронная Книга Памяти // Возвращенные имена: сайт. URL: <http://vizz.nl.ru/person> (дата обращения: 29.04.2012).

²⁷⁹ Суслов А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в. С. 17–18.

²⁸⁰ Такала И. Р. Большой террор в Карелии. С. 202.

²⁸¹ Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. С. 21; Ассман Я. Культурная память. С. 19–21.

прошлого являются семейные архивы. Собираение документов, фотографий каждой отдельной семьей способствует превращению памяти в историю. Семейные архивы являются источниками личного происхождения, многие из них интересны в фактологическом отношении, поскольку история отдельно взятой семьи или родственной группы тесно переплетается с макроисторией. Кроме того, благодаря семейным архивам, если к ним периодически обращаются, происходит семейно-родственная, этническая, локальная (включающая родину предков) идентификация индивида. В частности, И. А. Разумова обращает внимание на то, что «глубина памяти и объем знаний об истории семьи находятся в прямой зависимости от наличия семейного архива», а формирование «письменной традиции способствует самоидентификации семьи»²⁸². Значимость писем как исторического источника, благодаря которым «можно почерпнуть сведения о рядовых людях», подчеркивает П. А. Лебедев²⁸³.

Семейные архивы, к которым удалось получить доступ, различны как по составу, так и по объему. Основной массив составляет фонд документов. Прежде всего, это биографические документы. Наибольший интерес представляют документы первой половины XX в. В 1920-х гг. в документах впервые появляется графа «национальность»²⁸⁴. Понятие «национальность» в советский период означало этническую принадлежность. Иногда паспортистки указывали национальность по собственной инициативе. Так, члены семьи информанта 2 не единожды подвергались бумажно-бюрократической «ассимиляции»: у матери до замужества в документах финская фамилия была переделана на русскую (мать пояснила, что «её заставили так написать»). Старшей сестре «паспортистка предложила указать национальность в паспорте “русская”». Примером вынужденной этнической идентификации может служить случай информанта 13: «Нас у родителей пятеро детей. И все записаны были в паспорте на разных национальностях: кто русский, кто финн, а я украинка. Когда паспортистка у меня спросила про национальность, я ответила, что я русская. Она на меня такой взгляд кинула! “Какая ты русская, ты украинка!”. Хотя папа у меня русский из Ставрополя».

К биографическим документам относятся и дореволюционные метрические свидетельства, а также свидетельства из ЗАГСа советского периода. В семьях информантов есть лишь повторные свидетельства о рождении (или справки из архивов), в которых указано место регистрации — лютеранский приход (рис. 42). В семье информанта 18 сохранилось свидетельство о рождении отца, выданное в 1927 г. в Нью-Йорке (рис. 43).

²⁸² Разумова И. А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М.: МОНФ, 2001. № 129. Серия «Научные доклады». С. 95, 97.

²⁸³ Лебедев П. А. Письма семейных архивов как исторический источник (на примере переписки семьи Абрамовых) // Материалы конференции «Семейные архивы и семейная память в жизни современного общества», 2007 // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/familisarchives/konf> (дата обращения: 24.01.2018).

²⁸⁴ Байбурун А. К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО
О РОЖДЕНИИ**

РОДИТЕЛИ:

Отец: [Redacted] (фамилия, имя, отчество) **Риккард**

Мать: [Redacted] (фамилия, имя, отчество) **София**

национальность: **шведская**

Место регистрации: **лютеранский приход** (наименование и местонахождение бюро ЗАГС)

Дата выдачи: **8 сентября 60** 19... г.

М. П. [Redacted] СВ № 014431

Заведующий Бюро записей актов гражданского состояния [Redacted]

Где родилась (дочь) **Нина-Эвита Риккардовна** (фамилия, имя, отчество)

родилась (дочь) **26/IX - 1916 года** (числом и цифрами год, месяц и число)

двадцать шестого сентября тысяча девятисот шестнадцатого года

Место рождения ребенка: город, селение **Озеро Толуриного**

район **Суражский** области/край, республика **РСФСР**

о чем в книге записей актов гражданского состояния о рождении 1917 года **Нобелия** месяца

числа произведена соответствующая запись

№ **79**

Рис. 42. Повторное свидетельство о рождении матери информанта 28, в котором указано место регистрации — лютеранский приход

**DEPARTMENT OF HEALTH
CITY OF NEW YORK.**

BUREAU OF RECORDS

THIS IS TO ANNOUNCE THAT A

Certificate of Birth

is on file in the Department of Health, bearing the name of

Charles Elmer Watson

born at **124 13-115 Ave. L. QUEENS** Father's name **Kalle**

on **FEB 27 1927** Mother's name **Anna**

James H. Glavin Mayor **Wm. H. Dieffenbach** Registrar **Louis Harris M.D.** Commissioner of Health

No. **2412**

25-2385-34-B, Form 65-21

Рис. 43. Свидетельство о рождении отца информанта 18. Нью-Йорк, 1927 г.

При изучении документов из семейных архивов иногда приходится сталкиваться с проблемами прочтения документов. Так, в свидетельстве о рождении бабушки информанта 23, выданного повторно, оказалась неправильно указана дата рождения — 29/II — 1923 г., тогда как 1923 год не был високосным (рис. 44). Скорее всего, бабушка родилась в 1924 г.

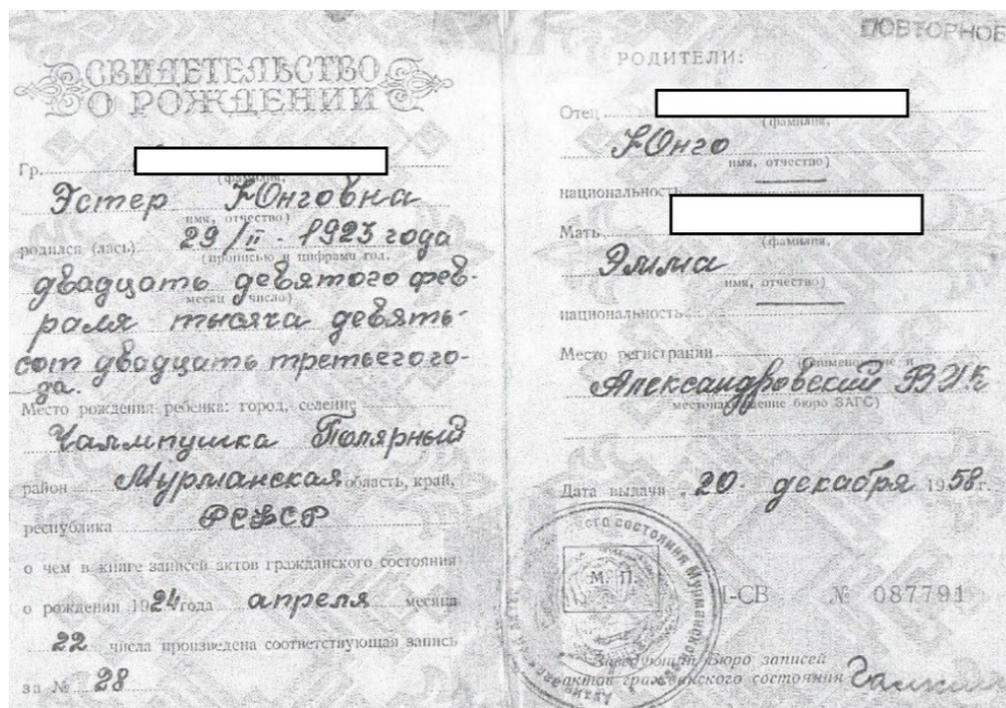

Рис. 44. Свидетельство о рождении бабушки информанта 23

В документах часто встречаются грамматические ошибки. Например, в оригинале свидетельства о рождении матери информанта 17 национальность ее матери указана как «лоуроветланка» (правильно «луораветланка», т. е. чукча²⁸⁵).

Также к биографическим относятся документы, связанные с трудовой деятельностью: трудовые книжки, анкетный лист, трудовой договор по переселению ингерманландской семьи из Сибири на работу в леспромхоз КФСР. К этой же группе можно отнести грамоты.

Состав документов свидетельствует о том, какие факты и обстоятельства семейной истории являются значимыми для потомков. Например, информант 2 хранит пропуск матери на право входа в авиагарнизон, выданный в 1941 г. (рис. 45), и дореволюционный документ — пропуск деда, лесника императорской охоты, выданный начальником дворцовой полиции (рис. 46). Все эти документы помогают установить, время и места работы, жительства, социальный статус родственника.

²⁸⁵ Чукчи // Энциклопедический словарь. М.: Большая советская энциклопедия, 1955. Т. 3. С. 618.

Рис. 45. Пропуск матери информанта 2, Ленинградская область, 1941 г.

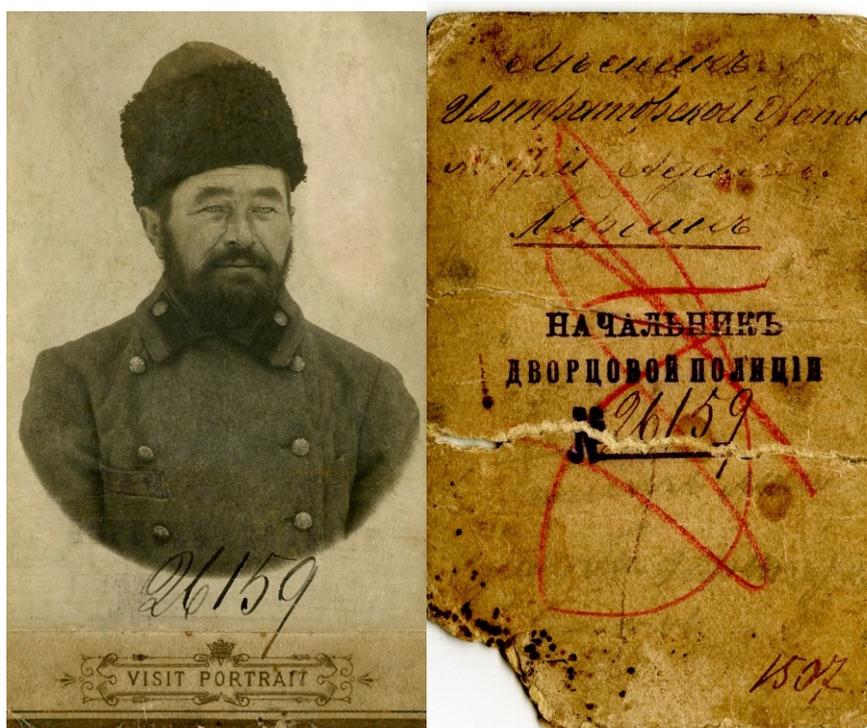

Рис. 46. Пропуск деда информанта 2

Для семей, подвергшихся репрессиям в сталинское время, особо значимыми документами являются справки о реабилитации родственников. Для семей с финской родословной, помимо всего прочего, они связаны с признанием совершенной государством несправедливости в отношении близкого человека и семьи в целом, а также с осознанием причастности к незаконно пострадавшему репрессированному народу. С такими документами, которые служат доказательством перенесенных страданий, обращаются с особенной бережливостью.

К этой же группе документов относятся копии протокола допроса (рис. 47), анкеты арестованных, выписки из приговора военного трибунала,

СЛЕЗЫ РАДОСТИ

Хотите, расскажу (кратце) карельскую сказку?

Правда, она грустная. Слушайте... Были-были муж да жена. И были у них три дочки. Выросли они красавицами, как ягодки на лесной поляночке. За что ни возьмутся, все-то у них в руках спорится, все ладится.

Муж да жена, на детей своих глядя, все никак не нарадуются. Муже дом для семьи срубил ладный. Жена шила, ввязала, готова приданое...

Завидно стало злой колдунье Сюонтар. Как-то пошел муж на охоту, и угодил в яму, подстроившую колдуньей. Натравила она псов своих на жертву.

А трех сестер Сюонтар так заколдовала, что когда они в лес пошли — заблудились и потеряли друг друга. Мать их и динми, и ночами выходила на опушку, окликала.

И недели проходили, и годы. Уже поседел волос женщины, уж голос ослаб, а все звала родных, все надеялась увидеть их. Умирая, лишь сказала:

— Не довелось мне больше увидеть провирушек моих. Их хоть друг с дружкой повстречались бы.

Так и умерла, не зная о том, что дочери все эти годы жили, ничто не ведали ни друг о друге, ни о том, где их мама, ни о том, где их отец...

Грустная сказка? Ну, а в жизни такое возможно? Не слышите возражать. Ведь и сказки-то подчас из самой жизни берутся.

На столе передо мной — полустлевшие листочки документа. Не все слова можно разобрать: «Предъявитель сего... тов. Лехмус...», «Советские инструкторские курсы командного состава Рабоче-Крестьянской Красной Армии...». Прикладывает друг к другу разорванные в местах сгибания ключки бумаги, и боишься, как бы они не рассыпались в прах.

Налюбопытнейшее свидетельство памяти. Памяти родственников — о безвременном ушедшем в небывтие. Впрочем, он не ушел, его отновопроявили. Кто? Те самые. Псы.

Сталин не явился даже тех, кто служил ему верой и правдой. Бумага со словами «Предъявитель сего... тов. Лехмус...» — это не справка, не корочки удостоверения. Это награда, оформленная в виде Почетной грамоты: «ввиду заслуг в тылу».

«РСФСР. Пролетарии всех стран — соединитесь!», по краям — кумач, внизу — оружие, обрамленное козьями пшеницы.

«Предъявитель сего» был в отряде Антияковца, член партии Ленина-Сталина, активный участник гражданской войны.

И еще на одном документе зафиксировано это имя: «Лехмус Михаил Петрович... реабилитирован... дело против него было сфальсифицировано». Но это уже не гражданская война, не 1937-й, а 1958 год. И уже ясно: человека нет в живых.

В промслучке времени, оверченном двумя документами, жена Михаила Петровича — Татьяна Васильевна — многократно пережила всю гамму человеческих чувств: счастье, боль, разлуку, сердечную тоску, надежду, горе.

Она тогда была в комсоставе. Там и познакомились — в Ленинграде. Счастлива была, когда иг-

рали свадьбу. Когда родила трех дочерей — Розу, Аню, Майю. Когда муж построил в Киваче дом-пятисстенку. Но жить в этом доме не пришлось. 6 ноября 1937 года в Лехте Михаила Петровича арестовали. С тех пор пошла долгая полоса неприятностей. Розу, как дочь «врага народа», не приняли в комсомол. Всех, кто учился в школе — выгнали. На работу никого не принимали.

Татьяна Васильевна подрабатывала дома — выполняла заказы по пошиву одежды. Перебивались, как могли.

Потом — война, разметавшая кого куда... Такая жизнь...

Ну, а в сказке как? Злая колдунья Сюонтар довольно потирала руки:

— Вот как я умую развешенных людей! Никогда им не сойтись! Никогда!

Но забыла Сюонтар о том, что нестерпимо человеческое племя. Вышли сестры замуж, появились у них дети. А дети новые тропинки протоптывают, а пути-дорожки нет-нет, да и пересекут! Обращаются к жизни. У Анны Михайловны — сын и дочка, у Майи Михайловны — пятеро детей.

Поддерживают своих матерей дети, не обрываются родственные связи.

А у Розы Михайловны — семеро детей! Неужели хоть кто-то не выйдет на заветную тропочку? Вышла — дочь Анна, петрозаводчанка. Спросила она старожилу Райгубы Екаторину Абрамовну Вайнин:

— Не знаете ли кого по фамилии Лехмус?

— Как же, знаю, — ответила Е. А. Вайнин, — живет в Гирвасе Мля, бывшая Лехмус, а теперь Еремеева.

Сестра Анны — Валентина подготовила маму, Розу Михайловну, к волнующему известию.

...И вот недавно (шестидесять лет войны!) три сестры встретились. Съехались в Пудож к Розе Михайловне Анна Михайловна

из Апатит и Майя Михайловна из Гирваса. Были слезы радости, слезы печали.

Много рассказывали друг другу, как каждая жила в разлуке, кто чем сейчас занят. Роза Михайловна Таланова — мастер по благоустройству. Ее труд отмечен орденом «Знак Почета». Майя Михайловна Еремеева работает в лесной промышленности, Анна Михайловна Орешкова — в геологоразведке.

С любовью и гордостью отзываются о своих детях. Никогда больше не терять родственных связей — общая мысль.

После встречи в Пудож Анна Михайловна, Майя Михайловна и Роза Михайловна навестили брата Юрия Михайловича, живущего в окрестностях. Были у них еще два брата — Эдуард и Каря. Их сейчас нет в живых...

Но жизнь, увы, не может состоять из одних лишь встреч. Гости разъехались. И начались (а точнее, конечно, продолжались) трудные будни семей Лехмусов, Талановых, Еремеевых, Орешковых. Трудные, как у всех нас. Грустные, потому что время не самое легкое. Но о буднях мы сегодня говорить не будем. Чтобы не затенять праздник трех сестер и брата.

В. НАЗАРОВ

НА СНИМКАХ: Майя Михайловна, Роза Михайловна с внучкой Надеждой, семиклассницей Пудожской средней школы и Анна Михайловна. Рядом с Анной Михайловной — дочь Розы Михайловны Анна и дочь Майи Михайловны Галина (вверху).

Фото Лехмуса Михаила, названного так в честь деду.

ОТ РЕДАКЦИИ: Те, кто потерял родственников (хоть недавно, хоть много лет назад), могут сделать объявление в «Новости для всех». Опубликуем бесплатно. Просим читателей также сообщать нам о встречах, аналогичных описанной выше.

Рис. 48. Вырезка из газеты из СА информанта 7. На снимке — информант 7 (крайняя справа) с сестрами. В статье рассказывается о сестрах, которые потеряли друг друга во время войны. Встретились они через 40 лет

Комплектование семейного архива имеет как символическое, так и практическое значение. Материалы архивов используются членами семьи в случаях необходимости: для поиска родственников, подтверждения этнического происхождения, восстановления забытой информации и т. п. Вместе с тем к этим документам все чаще обращаются представители общественных

институтов: историки, краеведы и культурно-просветительские учреждения. Таким образом, семейный «культурный продукт» социализируется, расширяет сферу применения, становится общественным достоянием²⁸⁶.

Одной из проблем, с которыми приходилось сталкиваться в процессе собирания материала, была доступность информации. Это связано с тем, что на знания об истории семьи значительный период времени накладывалось табу: «Я про папиных родственников ничего не знаю. Отец на эту тему не говорил никогда»²⁸⁷; «Папа молчаливый был. Время такое было, не пикни»²⁸⁸; «Дед про свою семью никогда не рассказывал»²⁸⁹; «Всё, что отец пережил, он хранил в себе. Нельзя было ничего говорить»²⁹⁰; «Бабушка после войны пыталась наладить связь с родственниками в Финляндии, но пришли из милиции, стали спрашивать, и она перестала больше писать. Такие времена были, что люди боялись»²⁹¹; «Я никогда никому ничего не говорила. Вы сами понимаете, какие времена были. А мама смогла и себя, и детей от репрессий уберечь»²⁹². У некоторых информантов старшего поколения боязнь сохранилась по сей день. Особенно это касается семей, непосредственно подвергшихся репрессиям. Некоторые из них отличаются подозрительностью и очень тяжело идут на контакт: «А зачем Вам это?»²⁹³; «Мама предпочитала на эту тему не говорить. Сегодня дружба между народами, а завтра запишут в шпионы. Отца никогда не вспоминали. А когда мама тяжело заболела, думала, что не выживет, она записала, откуда мой отец родом. Я, зная мамин характер, этот адрес выучила наизусть. И правильно сделала, потому что как только она поправилась, она востребовала у меня эту бумажку и уничтожила»²⁹⁴. Несколько информантов, к счастью, таких оказалось мало, отказались показывать свои архивы. Опасения людей можно объяснить и понять. Недоверие к любой власти — распространенное российское явление, в первую очередь такое отношение могло утвердиться в семьях, которые от нее пострадали. В каждом человеке, задающем вопросы, особенно на семейные темы, усматривается потенциальная опасность. Младшему поколению старшее передавало свой страх если не через семейные рассказы, чего многие избегали во спасение детей, то через поведение. Тем большей благодарности заслуживают люди, которые с готовностью шли на контакт с собирателем, рассказывали о прошлом и показывали семейные документы.

В ходе работы приходилось сталкиваться не только с проблемой доступности архивов, но и с проблемой их сохранности. Финские семьи вынуждены были часто переезжать, в том числе в критических обстоятельствах, поэтому вполне естественно, что документы, фотографии, семейные реликвии утрачивались. Особенность депортаций и спецпереселений состояла в том, что

²⁸⁶ Разумова И. А. Культурная политика современной российской семьи... С. 81–82.

²⁸⁷ ПМА 2010 г. Информант 7.

²⁸⁸ ПМА 2010 г. Информант 11.

²⁸⁹ ПМА 2011 г. Информант 16.

²⁹⁰ ПМА 2013 г. Информант 19.

²⁹¹ ПМА 2011 г. Информант 18.

²⁹² ПМА 2018 г. Информант 36.

²⁹³ ПМА 2014 г. Информант 22.

²⁹⁴ ПМА 2018 г. Информант 36.

«сборы чаще всего проходили хаотично и в экстренном порядке»²⁹⁵. С собой разрешалось брать только самое необходимое. Даже если семьи не относились к спецпереселенцам и могли перевозить все, что хотели (как, например, американские финны), то все равно с собой все имущество не заберешь: *«Бабушка рассказывала, что, когда они с Америки приехали, у них большой сундук был с одеждой. И фотографии в этом же сундуке были. Пришлось его оставить на вокзале в Комсомольске-на-Амуре. Не смогли увезти»*²⁹⁶. Несмотря на этот факт, в семье сохранился значительный архив.

Конечно, не лучшим образом на сохранность семейных ценностей, к которым в большинстве семей относились фотографии, сказались события и перемещения военных лет: *«Во время эвакуации мамину младшую сестру оставили на вокзале с чемоданами, а она уснула, и у нее все эти узлы из-под головы вытащили со всеми фотографиями»*²⁹⁷. К сожалению, некоторые практичные потомки не представляют себе ценности принадлежащих им старых документов и фотографий: *«Я бабушкин дом продал вместе со всем. Сундук старинный на чердаке хранился. Там старые бабушкины фотографии были, документы какие-то. Ну, мне это ни к чему»*²⁹⁸. В подобном отношении к семейным местам памяти, вероятно, есть доля ответственности и старшего поколения. Если семья хочет сохраниться, то дети должны приучаться к тому, что старые документы и фотографии надо хранить, что «нельзя их выбрасывать вместе со старой обувью»²⁹⁹. К счастью, есть люди и семьи, которые не меньше этнографа заинтересованы в изучении истории семьи, культуры (своей и предков). К таким относятся информанты 2, 6, 14, 35. Информант 36 заметила: *«Моя старшая сестра научила меня все документы беречь, все бумажки»*. Различные до противоположности позиции информантов по отношению к прошлому доказывают, что многое зависит от культурной политики семьи и личной мотивации самого человека.

Помимо обращения в государственные архивы семейная культурная деятельность по сохранению собственного культурного наследия (коммеморативные практики) проявляется во взаимодействии с организациями, выполняющими задачи, связанные с поисками родственников. Примером тому являются обращения информантов в программу «Жди меня», причем с разным результатом: *«Я много фотографий и документов отправила в передачу “Жди меня”. Мы знаем, что за границей есть родственники, но связь с ними давно утеряна, хотелось бы найти. Но мне не ответили. Я всё отправила в “Жди меня” и даже копию не сняла»*³⁰⁰; *«У меня даже фотографии отца не было. Я написала в “Жди меня”. И через два года мне пришло письмо от финнов»*³⁰¹. Семьи также сотрудничают с обществом «Мемориал».

²⁹⁵ Сулейманова О. А. «Узелочек личных вещей» (из быта спецпереселенцев) // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 2 (21), вып. 5. Гуманитарные исследования. С. 60.

²⁹⁶ ПМА 2011 г. Информант 18.

²⁹⁷ ПМА 2018 г. Информант 36.

²⁹⁸ ПМА 2014 г. Информант 23.

²⁹⁹ Чудакова М. Беседы об архивах. М.: Молодая гвардия, 1975. 224 с.

³⁰⁰ ПМА 2011 г. Информант 18.

³⁰¹ ПМА 2018 г. Информант 36.

Материалы семейных архивов включают эго-документы. К ним относятся письменные мемуары, которые создаются «исключительно для фиксации памяти о прошлом»³⁰². Речь идет о таких документах, которые создаются в семье большей частью для себя и прямых потомков, что не исключает намерений когда-либо сделать их общественным достоянием. Некоторые мемуары, представляющие персональное жизнеописание отдельных родственников, были опубликованы. К таким относятся воспоминания прадеда информанта 33 о борьбе с белогвардейцами в Ухтинском районе Карелии, изданные в журнале «Карело-Мурманский край» в 1927 г. Из источников, освещающих советский период, наиболее полными и информативными следует признать мемуары отца информанта 19. Описанные им эпизоды повседневной жизни финских колонистов, бытовые детали и драматические события ценны тем, что являются свидетельствами непосредственного участника событий. К этой же категории можно отнести опубликованную в газете «Рыбный Мурман» статью племянника информанта 8. В основу публикации легли воспоминания его матери. Обратим внимание на то, что и статья племянника информанта 8, и воспоминания отца информанта 19 изданы в начале 1990-х гг. Вообще, 1990-е гг. отмечены всплеском публикаций, посвященных репрессиям сталинского времени. Как известно, в 1991 г. был принят Закон «О реабилитации репрессированных народов», а в 1993 г. — Постановление «О реабилитации российских финнов». Данное обстоятельство, несомненно, послужило толчком к изданию этих и подобных воспоминаний. Помимо написания и публикации мемуаров, существуют другие способы фиксации семейной истории. Примером этого может служить стенгазета «История моей семьи», созданная семьей информанта 14 к конкурсу общества «Мемориал» «Человек в истории. Россия, XX век»³⁰³. Основу стенгазеты составляет рассказ-хроника, построенный на воспоминаниях старшего поколения. Идея рассказа (и его задача), которая признается в качестве главной семейной черты, — «жажда справедливости». Такие сочинения, написанные с мемориальными целями, имеют литературные свойства. Разнообразные биографические эго-документы отражают отношение авторов к тем или иным событиям, историческому периоду.

Важной составляющей частью семейных архивов являются также эпистолярные материалы. Например, у информанта 5 хранится письмо, в котором ее мачеха записала со слов мужа историю их семьи. В семье информанта 2 сохранились письма отца с фронта, а в семье информанта 18 — поздравительные открытки из Америки от кузин отца (рис. 49).

Частная переписка, как указывает П. А. Лебедев, ценна тем, что в ней отражаются не только семейные события, отношения, но и детали исторической эпохи, и в семьях, хранящих письма, это осознается.

³⁰² Козлов В. П. Документальная память в архивоведческом, археографическом и источниковедческом знании // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 425.

³⁰³ ПМА 2010 г. Информант 14.

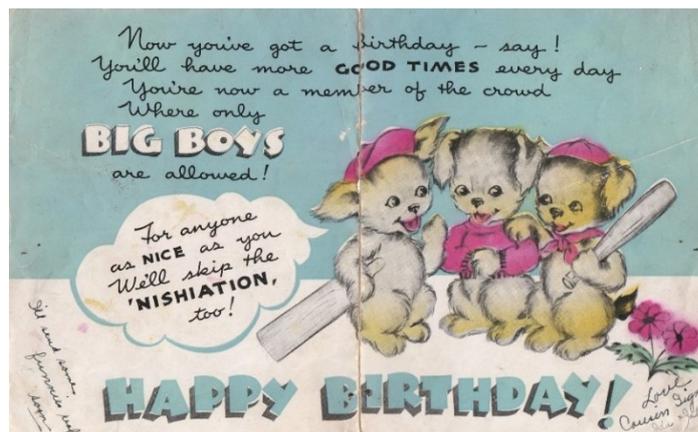

Рис. 49. Поздравительная открытка из СА информанта 18

Мемориальную функцию выполняют и разного рода надписи на фотографиях: «Есть фотография, где написано на обратной стороне на финском языке “на память любимой сестричке Эвите от сестры Сельи, Левгуба, август 1939 г.”»³⁰⁴. Другая фотография, присланная отцом информанта 2 с фронта своей жене, содержит очень трогательную и в то же время характерную для того времени надпись: «Дни отечественной войны с немецким зверьем. Жене — милой Нюре, любящий супруг» (рис. 32, 50). При расшифровке надписей приходилось сталкиваться с проблемой транскрибирования, так как со временем чернила растекались. Еще одна проблема — отсутствие атрибуции. Встречаются дореволюционные фотографии, на которых неизвестно кто запечатлен, когда и где был сделан снимок.

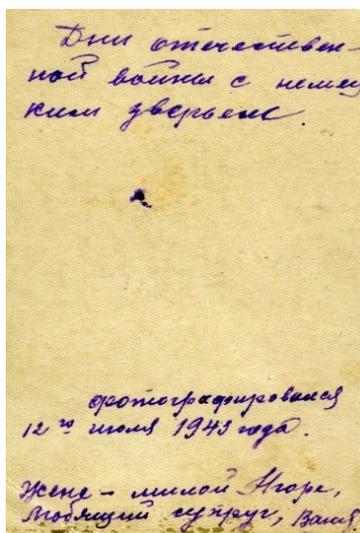

Рис. 50. Обратная сторона фотографии отца информанта 2

³⁰⁴ ПМА 2015 г. Информант 28.

К продуктам семейного творчества, хранящимся в домашних архивах, относятся также генеалогические схемы, изобразительные материалы и стихи. Так, в семье информанта 35 хранится стихотворение, посвященное ее матери информантом 6. Информант 6 и мать информанта 35 — подруги, вместе пережили арест своих отцов, это их сблизило.

Изобразительные материалы представлены работами информанта 1 (рис. 51) и отца информанта 19 (оба профессиональные художники). С точки зрения этнографа особенно интересны работы отца информанта 19, созданные им по памяти и изображающие быт финских колонистов Мурманского довоенного периода (рис. 6, 52–54).

Рис. 51. Картина, написанная информантом 1, хранящаяся в доме художника (фото — Е. Б.).

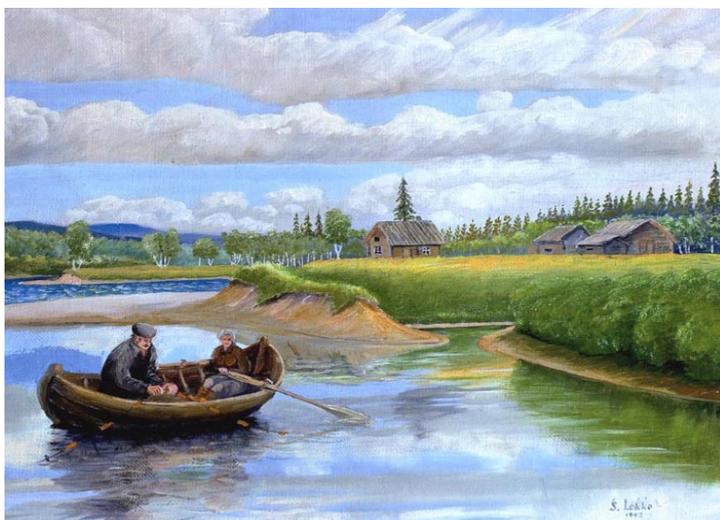

Рис. 52. Финский хутор на реке Туломе (картина написана отцом информанта 19). Источник: http://community.livejournal.com/russkij_sever/886136

Рис. 53. Строительство хижины и выпечка хлеба (картина написана отцом информанта 19). Источник: http://community.livejournal.com/russkij_sever/886136

Рис. 54. Внутреннее убранство дома (картина написана отцом информанта 19).
Источник: http://community.livejournal.com/russkij_sever/886136

Неотъемлемой частью многих семейных архивов являются генеалогические схемы, наглядно отображающие историю рода. Такие схемы есть в архивах семей информантов 14, 23, 30, 34, 36. Восстановление истории рода осуществляется на документальной и устной основе. При составлении генеалогического древа существенную помощь оказывают мемуары, метрические книги и письма. Обычно глубина памяти о предках не распространяется далее

Значение семейных архивов заключается в том, что они дополняют и уточняют данные, полученные благодаря рассказам информантов и сведениям других источников. С позиции историка, наиболее ценными в информационном плане (и редкими) являются материалы дореволюционного времени. С точки зрения интересов родственной группы, они важны для формирования и поддержания памяти об отдельных представителях семьи и об истории рода в целом, они «удревняют» эту историю, повышая ее общественный, культурный статус. Официальные документы, хранящиеся в архивах, могут выполнять разные функции, например, служить источником для семейных исторических реконструкций, подтверждать социальное происхождение, этническую идентификацию. В каких-то ситуациях они выступают в качестве юридических документов. Например, справка о реабилитации — исторический документ, но также она может понадобиться для подтверждения льгот. Таким образом, семейный архив многофункционален и в практическом, и в символическом отношениях.

2.3. Семейные фотографии

Значительную часть семейных архивов составляют фотографии. Особое место среди них занимают свадебные и фото семьи в полном составе. Старые снимки являются самыми распространенными реликвиями. Они передают атмосферу времени, в них отражена повседневная жизнь ушедшей эпохи. Фотографии используются антропологами и в качестве инструмента для исследования материального мира, в котором жили предки информантов³⁰⁵. Они также могут служить источником ценной генеалогической информации. Фотографии наглядно отражают жизнь людей в разных ее проявлениях, воспроизводят облик предков, способны документировать реальность и транслировать информацию, содержащуюся в них, передавать память о событиях из поколения в поколение³⁰⁶.

С конца XIX в. фотографии хранились в семейных фотоальбомах, которые стали выполнять функцию визуального семейного архива, превращаясь, таким образом, в семейную историю³⁰⁷. Фотографии дореволюционного периода хранятся в семейных архивах информантов 2, 14, 20, 24, 35, 36.

Эти визуальные материалы — весьма информативный источник в отношении социальной и культурной идентификации. Например, одежда запечатленных на снимках людей соответствует их социальному статусу. Одежда почти в любом обществе выполняет функцию знака, отличающего индивида одного класса от другого. Даже такие детали образа мужчин, как борода и усы, служили маркерами принадлежности к определенным профессиональным и сословным группам. Например, на дореволюционной фотографии у деда

³⁰⁵ Twine F. Visual ethnography and racial theory: Family photographs as archives of interracial intimacies // *Ethnic and Racial Studies*. 2006. Vol. 29, No. 3. P. 491.

³⁰⁶ Лермонтова Е. Фотография в музейной экспозиции // *Вестник СПбГУКИ*. 2016. № 2 (27). С. 99.

³⁰⁷ Smith Sh. Baby's Picture is Always Treasured: Eugenics and The Reproduction of Whiteness in the Family Photograph Album // *American Archives: Gender, Race and Class in Visual Culture*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999. P. 118.

информанта 24 аккуратная бородка «клинышком», что выдавало в нем интеллигента — журналиста (рис. 56). Крестьяне, как правило, имели окладистую бороду.

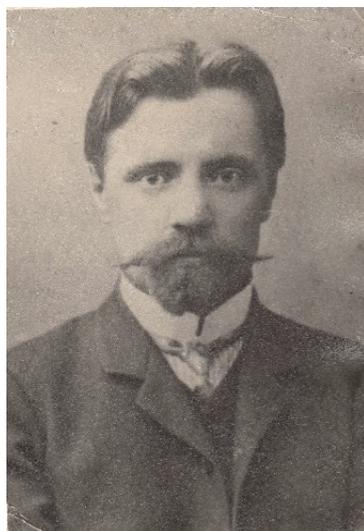

Рис. 56. Дед информанта 24 до 1917 г. работал журналистом газеты «Нева» в Петрограде

Фотография отражала мир семьи. Пространственное расположение фигур на снимке позволяет уловить основные типы отношений в семье. Доминирующие члены семьи (бабушки, свекрови) располагаются в центре, а подчиненные (дети, внуки) — вокруг³⁰⁸ (рис. 57).

Рис. 57. Семья информанта 2

³⁰⁸ Андриенко В. П. Интерпретация семейных фотографий второй половины XIX — начала XX вв. // Прошлое и настоящее этнологических исследований: сб. науч. ст., посвящен. 300-летию М. В. Ломоносова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 171, 178.

Особая тема — фотографии детей. Представленные здесь три детских снимка демонстрируют еще одну примету времени, а именно плохое качество любительских фотографий (рис. 58–60). Несмотря на это, они вполне отражают детский мир.

Рис. 58. Рождество 1912 г., Выборг. Крайняя слева — мать информанта 36

Рис. 59. Отец информанта 18, Нью-Йорк, 1927 г.

Рис. 60. Отец информанта 18, Нью-Йорк, 1929 г.

Приблизительно до трехлетнего возраста гендерных различий в одежде не наблюдалось: маленьких мальчиков одевали в платья, как девочек (рис. 59). Распространено было фотографирование детей с символами детского мира. Встречаются снимки детей с собакой (рис. 28). Часто дети сфотографированы с игрушками: мальчики с машиной (рис. 60) или с лошадкой (рис. 28), а девочки часто держат на руках кукол (рис. 61). Эти фотографии особенно трогательны.

Следует признать, что постановочная фотография — это приукрашенная действительность: люди стремятся выглядеть нарядно и представительно, показать свои лучшие качества. Значение их бесценно, так как они позволяют приблизиться к пониманию культурных традиций ушедшей эпохи.

Фотография представляет также идеальный «образ дома». Один из стереотипов, особенно характерный для первой трети XX в., — семья в саду на фоне дома (рис. 62).

Рис. 61. Родственники информанта 18, США, 1920-е гг.

Рис. 62. Дедушка, бабушка, отец информанта 2 и его сестры, 1924 г.

Ключевая функция домашних фотоальбомов — хранение семейной памяти. Значение семейных фотоархивов состоит в том, что они дополняют данные нарративных интервью, сведения о культуре того или иного исторического периода, отражают повседневную реальность прошлого конкретной семьи³⁰⁹.

³⁰⁹ Васильева Е. В., Стрельникова А. В. Биографическая память городских семей: опыт анализа фотоальбомов // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2012. № 2 (82). С. 301–302; Сидоров А. И. История в стиле легио // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 463.

2.4. Семейные реликвии

Семейная реликвия — это вещь, имеющая особое значение для членов семьи, передающаяся на протяжении долгих лет от поколения к поколению. Быть реликвией — это особый символический статус вещи в семье и родственной общности, на что неоднократно обращали внимание исследователи³¹⁰.

Реликвия выполняет функцию связи между поколениями. Как индивидуальная, так и семейная биография воплощается в вещах. Семейная реликвия обеспечивает родственную преемственность, передаваясь по наследству. Почитание реликвий — одна из сторон культа предков. Реликвии являются предметом семейной гордости и охотно демонстрируются. Особую ценность имеют самые старые реликвии, так как они указывают на древность рода, хорошую семейную историческую память.

Практически любая вещь может выступать в качестве реликвии, если она связана с историей семьи или с кем-либо из предков персонально.

Распространенными реликвиями являются награды предков (рис. 63). Информант 14 подчеркнула, что ее бабушка из раскулаченной семьи, но при этом имеет правительственные награды за доблестный труд.

Рис. 63. Бабушкина награда (из семьи информанта 14)

³¹⁰ Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. С. 161–174; Сулейманова О. А. Памятная вещь в семейной культуре // Живая старина. 2013. № 4 (80). С. 36–39.

Как правило, в семьях российских финнов практически не сохранилось реликвий. Причина кроется в том, что семьи вынуждены были несколько раз переезжать. Финские переселенцы стремились, насколько это было возможно, сохранить при себе предметы, которые относили к семейным реликвиям. Однако вынужденные переселенцы практически не имели возможности взять не только памятные, но и просто необходимые вещи. Кроме того, следует учитывать, что большинство мигрантов относилось к крестьянам, которые почти не обладали особо ценными предметами, а громоздкие вещи, пусть даже памятные и необходимые в хозяйстве, не было возможности перевозить. Добровольные же переселенцы, как правило, не были обременены имуществом или считали, что едут на север ненадолго.

Распространенным видом реликвий являются орудия труда, связанные с домашним хозяйством и семейными ролями. Чаще всего среди предметов данной группы фигурирует швейная машинка, что подтверждает наблюдения других исследователей повседневности. В нашем случае швейная машинка бабушки Эвелины досталась старшей внучке (рис. 64).

Рис. 64. Швейная машинка бабушки из семьи информанта 34

К реликвиям относят также изделия из текстиля. Как правило, они считаются наследуемой ценностью у женщин. Обычно такие вещи наделены символическими значениями и используются в ритуальных ситуациях: *«Мне от мамы досталась косынка черная из вологодских кружев. Косынка еще довоенная, бабушкина. Вся уже рассыпается. Её на похороны надевали»* (рис. 65).

Рис. 65. Бабушкина косынка из семьи информанта 5

Среди предметов повседневного домашнего обихода есть такие, которые информанты также относят к реликвиям. Данный статус вещь может приобрести, когда она устаревает, перестает использоваться и осмысливается как историческое наследие.

Информант 35 сообщила: *«Люлька очень старинная. Бабушка своих детей в ней качала. Сейчас она хранится на чердаке в доме, который папа сам построил»* (рис. 66). Эта семья не была выселена в годы войны, поэтому им удалось сохранить что-то из старых вещей.

Рис. 66. Люлька из семьи информанта 35

Большинство вещей, которые используются в обыденной жизни, указывают на статус обладателя³¹¹. Из повседневных предметов, связанных с трапезой, столом, наиболее распространенными реликвиями являются серебряные ложки и подстаканники. К их обладателям — финским семьям, имеющим достаточно высокий социальный статус, относились семьи петербургских мастеровых высокого класса, в частности ювелиров. Согласно сведениям М. Энгмана, ювелирная фирма Фаберже предпочитала нанимать уроженцев Финляндии, так как они были «честными на 110 процентов», поэтому в фирме Фаберже более половины мастеров были финны³¹². В их числе и прадед информанта 12: *«Мой прадед был серебряных дел мастер. Он работал у Фаберже. У нас в семье передается по наследству серебряный подстаканник с ложечкой с личным клеймом мастера. Отец, перед тем как уехать в Финляндию, сказал мне: “Сохрани”. Потому что сохранили в блокаду и в остальное время»* (рис. 67).

³¹¹ Капкан М. В. Культура повседневности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 15.

³¹² Энгман М. Финляндцы в Петербурге. С. 232, 248–249.

Рис. 67. Серебряные подстаканник и ложечка из семьи информанта 12

Приведенный пример демонстрирует передачу реликвий по наследству, которая носит ритуальный характер. Этот символический акт осуществляется в определенное время и по известному поводу (перед смертью старших родственников, а также в знаменательные дни свадеб, совершеннолетия, рождения внуков). В данном случае — при расставании на длительный срок.

Считается, что реликвия охраняет дом от всяких невзгод, выполняет функцию оберега. Поэтому реликвии запрещено продавать. Реликвия может использоваться по прямому назначению, как, например, швейная машинка. Ее могут хранить подобно музейному экспонату.

Часть реликвий представляют религиозно-культовые предметы, свидетельствующие об этнической принадлежности семьи. К таким относятся церковные книги на финском языке. В семье информанта 20 в качестве семейной реликвии хранится сборник псалмов на финском языке, изданный в Сортавала, перешедший ей по наследству от незамужних и бездетных тетушек (рис. 68).

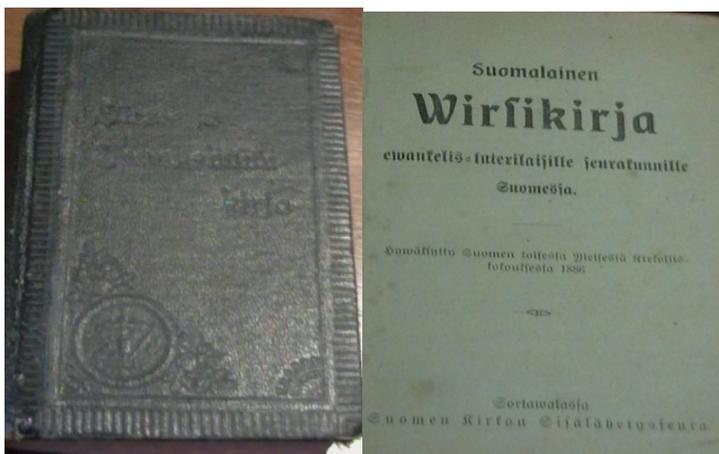

Рис. 68. Семейная реликвия информанта 20

Случается, что реликвии покидают дом. Иногда они передаются в музей. Так произошло с реликвией семьи информанта 15, которую ее мать передала в музей (рис. 69).

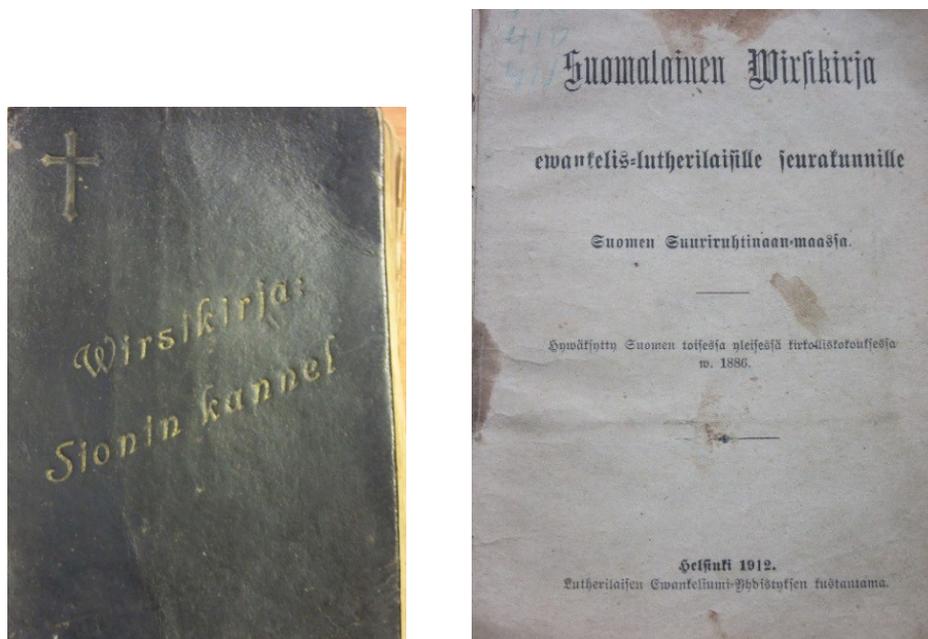

Рис. 69. Семейная реликвия информанта 15

Иногда хранители реликвий расстаются с ними добровольно, но бывает, что потомки потом сожалеют об этом: *«Был у нас сундук, привезенный дедом из Америки, самовар, подсвечник и другие старые вещи. Еще в семидесятые годы, я помню, что ездили по населенным пунктам из музеев области (во всяком случае, так они говорили населению) и собирали, у кого что есть. Мама и отдала из хороших побуждений, для людей»*³¹³. В голосе информанта чувствовалось сомнение в том, что эти люди были сотрудники музея. Далее она подробно рассказывает историю сундука: *«Я хорошо помню этот сундук. Он был необычный по здешним местам: зацелкивался и закрывался на ключ. Большой, темно-коричневый с черными кожаными ремнями, которые начинались с задней стенки сундука, протянуты были по крышке и застегивались на пряжки на передней стенке сундука. Из детства помню, что в сундуке лежали белые воротнички и манжеты для платьев, много. Мама рассказывала, что их привозил сюда для продажи дядя (муж родной сестры матери, тоже финн. — Е. Б.). Мы, дети, любили наряжаться в эти воротнички, пока родители были на работе. То, что сундук был из Америки, мы знали с детства, но нам было запрещено об этом рассказывать хоть кому-либо. И мы соблюдали»*. Информант явно жалеет об утрате сундука, который связывал ее с воспоминаниями о детстве и был окружен тайной.

³¹³ ПМА 2017 г. Информант 35.

Утрата реликвий происходит по разным причинам: «Отца туда-сюда мотали. Один нож охотничий был, да и тот потом отобрали»³¹⁴; «Золотые часы были в войну проедены в эвакуации. Остался только вот этот наградной лист»³¹⁵; «Ничего нет. Отца забрали в тридцать восьмом, а дом, который он построил, полностью сгорел. Папа очень много вещей из Америки привёз (как и другие американские финны. — Е. Б.). По тем временам он у нас зажиточным считался. Машинку «Зингер» ножную привез, инструменты всякие... Он ведь очень мастеровой был... Мама жила в доме с младшим братом. А когда брат умер, я предложила маме ко мне переехать. А в восемьдесят четвертом году племянники и жена брата по пьяни устроили пожар. И всё сгорело. И дом, и швейная машинка, и альбом со старыми семейными фотографиями. Особенно альбом жалко. Там и папины фотографии были. Машинка-то, ладно. А вот фотографии жалко»³¹⁶; «Книга была у нас дома “Они защищали Родину”. Вот там фотография нашего отца была. И когда отца забрали, и книгу эту забрали. Я эту книгу уже читать умела по-фински, мне восемь лет было (в действительности девять или десять лет, отца арестовали в 1937 г. — Е. Б.). И что я еще запомнила, у отца была сабля, подаренная Тойво Антикайненом»³¹⁷. Рассказывая о событиях, связанных с Гражданской войной, информанты, естественно, обращали внимание на воинские заслуги своих предков, подчеркивали их связь с известными людьми, тем самым повышая статус семьи и отдельных родственников. Учитывая те обстоятельства, в которых оказывались семьи информантов (репрессии конца 1930-х гг., Вторая мировая война и вызванные этими обстоятельствами бесконечные переезды), сохранить в семье реликвии было делом весьма проблематичным. Реликвии утрачивались, и в семье осталась лишь память о них. То, что реликвия сохранилась вопреки переездам, пожарам и лишениям военного времени, составляет предмет гордости и служит темой семейных рассказов.

Значение реликвии состоит в том, что она представляет собой «материализованную память о прошлом. Вещь передает информацию о своем создателе и поколениях обладателей, что создает особую ауру индивидуальных воспоминаний»³¹⁸. Особенную ценность представляют интервью, полученные у информантов самого старшего поколения, поскольку они являются непосредственными свидетелями довоенного и военного времени. Некоторые информанты были рады поделиться воспоминаниями: «Дети не очень-то любопытные у нас. Вот Вы бы не пришли, так и унесла бы с собой в могилу всё»³¹⁹. Другие, наоборот, крайне настороженно, с неохотой шли на контакт. Как считает О. П. Илюха, подобная осторожность и подозрительность объясняется психологической травмой, нанесенной финскому народу в период сталинских

³¹⁴ ПМА 2013 г. Информант 19.

³¹⁵ ПМА 2016 г. Информант 33.

³¹⁶ ПМА 2009/2019 гг. Информант 6.

³¹⁷ ПМА 2010 г. Информант 7.

³¹⁸ Капкан М. В. Культура повседневности. С. 53.

³¹⁹ ПМА 2010 г. Информант 7.

репрессий³²⁰. В то же время фактор возраста сказывался положительно, поскольку пожилые люди, пенсионеры, склонны к воспоминаниям, к рассказам о прошлом, которое для них становится даже более актуальным, чем настоящее, к трансляции личного опыта, который они стараются передать, оставить после себя. В результате интервьюирования лиц старшего поколения (например, информантов 1, 3, 6, 7) получался почти монолог, в минимальной степени подверженный вмешательству интервьюера.

Таким образом, история семьи представлена различными видами источников. В мемуарах отражены наиболее значимые для рода события: раскулачивание, адаптация на новом месте, аресты родных в 1930-х гг., депортация по национальному признаку, голод в эвакуации, тяжелая жизнь в лагере. Эти события тесно переплетаются с макроисторией, характеризуют социально-психологическую атмосферу сталинской эпохи. Воспоминания дополнены документальными свидетельствами.

В последнее время источники личного происхождения все чаще привлекают внимание исследователей. Во многом это связано с тем, что до последнего времени они находились в семейных архивах и не были доступны (правда, и сейчас не все информанты готовы раскрыть свои архивы). Наше исследование показало, что одним из самых репрезентативных и оберегаемых источников, представленных в семейных архивах российских финнов, являются справки о реабилитации родственников. Архивы содержат ценные эго-документы, которые дают возможность уточнить детали биографических траекторий и обстоятельств жизни финских семей, фотоматериалы, которые не только воспроизводят облик персонажей семейной истории, но и отражают традиции, окружающую среду прошедшего времени. В большинстве семей бережно хранятся, а иногда и включаются в домашнюю жизнь, реликвии, символизирующие связь поколений.

³²⁰ Илюха О. П. Повседневность советско-финляндского пограничья 1930-х годов в воспоминаниях о детстве // Труды КарНЦ РАН. Серия «Гуманитарные исследования». 2012. № 4, вып. 3. С. 126.

Глава 3

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ФИНСКИХ СЕМЬЯХ

3.1. Межэтнические браки и динамика этничности

Моноэтнические браки являются важным фактором стабильности этноса и воспроизводства его в социальном отношении путем передачи новому поколению языка, культуры, хозяйственно-бытовых традиций и т. д. Значение семьи в этнических процессах обусловлена тем, что она представляет собой микросферу этих процессов³²¹. В результате гетероэтнических браков (или межэтнических), как правило, наблюдается процесс естественной ассимиляции финнов. К процессам этнической ассимиляции в отечественной этнографии принято относить «процессы растворения небольших групп (или отдельных представителей) одного народа в среде другого; иначе говоря, полную или почти полную утрату такой группой исконных этнических свойств и столь же существенное усвоение новых»³²².

На Кольском Севере оказались представители многих этнических групп, однако здесь не выявлялись «какие-либо эндогамные объединения и соответствующие установки по этническому, религиозному или иным принципам»³²³. До 1930-х гг. финны практически не ассимилировались и предпочитали этнически эндогамные браки. На территориях смешанного расселения встречались браки между финнами и карелами. Так, этнографы, активно работавшие в регионе в 1920–1930-е гг., отмечали, что в Княжьей Губе, где преобладало карельское население, случались редкие смешанные браки с финнами, но с русскими карелы не вступали в брак³²⁴. По всей видимости, предпочиталось заключать брак с представителями близкородственных этнических общностей. Доля межэтнических браков финнов с карелами всегда была достаточно высока за счет этнокультурной и территориальной близости финнов и карелов. Иногда встречались браки с саамами, норвежскими колонистами и шведами (семьи 8, 19, 29, 34).

В. К. Алымов в свое время обратил внимание на межэтнические браки саамов в соответствии с их расселением: «На западе лопари смешивались с финнами, но не в такой значительной мере, как на востоке с русскими». При этом он отметил важный с точки зрения культурной ассимиляции аспект: «Скрещения лопарей, путем браков с соседними оседлыми народностями, далеко нередки, но эти скрещения почти всегда влекут за собой потерю племенных лопарских черт. Лопарка, вышедшая замуж за русского или за финна, перестает быть лопаркой». Очевидны культурно-статусные приоритеты: «Если лопки

³²¹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. С. 83.

³²² Этнические процессы в современном мире / под ред. Ю. В. Бромлея. М.: Наука, 1987. С. 15.

³²³ Разумова И. А. Этнокультурные аспекты функционирования семьи на Кольском Севере. С. 39.

³²⁴ Никольский В. В. Быт и промыслы населения Западного побережья Белого моря (Сороки — Кандалакша): по материалам исследования летом 1921 года. М., 1927. С. 98.

выходят замуж за финнов, то их дети считаются финнами»³²⁵. Об этом свидетельствуют и полученные полевые материалы (семьи 8 и 19).

По наблюдениям В. К. Алымова, представители народностей, ведущих оседлую жизнь, не шли в качестве супругов к лопарям в тундру, не меняли свой оседлый быт на тот, который для них казался низшим в сравнении с их бытом³²⁶.

Однако среди наших информантов встретился редкий случай, когда финка, бабушка информанта, вышла замуж за саама (рис. 70). Мотивы заключения этого брака информанту неизвестны.

Рис. 70. Вторая слева — бабушка (финка) информанта 34, вышедшая замуж за саама, поселок Ёна

По свидетельству Э. Г. Карху, в 1920-х гг. в ингерманландской деревне население также оставалось по-прежнему гомогенным, финским. Он же отметил, что характерной чертой ингерманландских семей было то, что женщины рожали много детей, но детская смертность была высокой³²⁷ (данная ситуация в сельских семьях не относится к этнически специфическим). Преобладание эндогамии в прошлом в среде ингерманландских финнов отмечает и А. Крюков³²⁸. Редкость межнациональных браков объясняется компактностью расселения ингерманландцев до начала процесса их депортации после раскулачивания. Таким образом, до 1930-х гг. сохранялась этническая эндогамия — «стабилизатор» и «защитный механизм» этнической культуры. Сохраняя этническую однородность семей, эндогамия тем самым обеспечивает поколенную преемственность характерной для общности культурной специфики.

³²⁵ Алымов В. К. Об ассимиляции лопарей. С. 9.

³²⁶ Он же. Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова. С. 99–100.

³²⁷ Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. С. 130.

³²⁸ Крюков А. Ингерманландские финны: проблема жизнеспособности этноса // LiveJournal: сайт. URL: <http://proingria.livejournal.com/8251.html> (дата обращения: 08.05.2012).

В послевоенное время в результате дисперсного расселения межэтнические браки стали преобладать, что «привело к ассимиляции» и быстрому сокращению численности финнов³²⁹.

Рост численности межнациональных браков в СССР трактовался как показатель развития дружественных межнациональных отношений. Фактически вступление в межнациональный брак служило способом адаптации к иноэтнической среде. Воздействие гетероэтнических браков на культурные процессы в семьях особенно ощутимо во втором поколении. У детей, воспитывающихся в этнически смешанных семьях, формируются черты интегрированной культуры³³⁰. В советский период дети, рожденные в таком браке, предпочитали выбирать нефинскую национальность. В пореформенный период ситуация изменилась, когда в российских паспортах была ликвидирована графа с определением этнической принадлежности. В последнее время наблюдается тенденция к панмиксии, когда этническая принадлежность супруга не имеет значения. Все наши информанты состоят в межэтнических браках.

По совокупности данных в настоящее время преобладают браки финно-восточнославянского типа в силу этнического состава среды расселения. Таким бракам сопутствует активное усвоение языка и культуры доминирующего народа. К этническим предпочтениям относятся карелы в силу культурно-языковой и территориальной близости. Браки данного типа являются более распространенными в поколении информантов старшего возраста и особенно их родителей (семьи 6, 7, 8, 9, 16, 18, 22, 23, 28, 31, 33, 35, 36). Кроме того, присутствуют браки финнов с саамами (семьи 8, 19, 29, 34), со шведами (семья 19), а также с норвежскими колонистами (семья 8). В младших поколениях наблюдается тенденция к вступлению в брак с представителями славянских и других неродственных народов. Общий вектор по поколениям вполне закономерен: от моно- к гетероэтнической брачности с расширением круга этнических общностей, к которым принадлежат партнеры.

Материал полностью подтверждает, что до начала 1930-х гг. браки в финских семьях были этнически эндогамными и социально гомогенными. В прародительском и большей частью родительском поколениях наших информантов супруги происходили, как правило, из одной социальной среды: *«Так было принято, что батрак женится на батрачке. А из других слоев жен не брали и замуж не выходили»*³³¹. Значимых социально-экономических различий между семьями не было, они находились приблизительно в одинаковых материальных условиях. Некоторое различие прослеживается в уровне образования супругов.

Все семь информантов, происходящие из моноэтнических семей, были рождены в браках, заключенных в довоенное время. Исключение составляют родители информанта 5, которые поженились в 1946 г. Остальные семьи —

³²⁹ Заднепровская А. Ю. Ингерманландские финны // Многонациональный Петербург: История. Религия. Народы / науч. ред. И. И. Шангина. СПб., 2002. С. 538.

³³⁰ Терентьева Л. Н. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР // Советская этнография. 1972. № 6. С. 50.

³³¹ ПМА 2014 г. Информант 25.

гетероэтнические. В настоящее время информанты до сорока лет (16, 17, 23) — это финны на 75 и менее процентов по происхождению.

Приведем несколько примеров динамики брачности и связанной с ней этнической идентификации в истории семейно-родственных общностей на фоне драматической истории финнов разных локальных групп.

Информант 21 из биэтнической семьи. Его отец — потомок финских колонистов из становища Сайда-Губа. Позже семья переехала в Белокаменку. У прадеда было два сына — дед информанта и его старший брат. Оба учились в Ленинградском отделении Коммунистического университета национальных меньшинств Запада, оба были женаты на финских колонистках. Позже бабушка информанта оказалась на лесоповале под Медвежьегорском, а ее сыновей отправили в детский дом. Младшему сыну в детском доме дали другую фамилию, а будущий отец информанта по дороге в детский дом сбежал, скитался, после войны разыскал свою мать в Северной Карелии, потом женился на русской (матери информанта).

Родители отца информанта 8 — финны из Улеборгской губернии Финляндии. Занимались охотой, рыбалкой, разведением коров, овец. В семье было пятеро сыновей. У старшего брата жена из норвежских колонистов. У самого младшего брата (1907 г. рождения) жена — саами. Их сын был женат на карелке. У отца информанта первая жена — саами. Первая жена отца и трое детей умерли в Архангельской области в эвакуации во время войны.

По линии матери информанта дед — карел, а бабушка — русская, родом из Олонца. У них родились сын и две дочери (одна из них — мать информанта, 1915 г. рождения). Сын во время срочной службы в РККА в 1938 г. был приговорен к ВМН³³². Первый муж матери — саам, рыбак-оленевода из поселка Зашеек, один оставшийся в живых из тринадцати детей, остальные умерли в младенчестве. Имел стадо оленей и считался зажиточным. Его расстреляли в 1937 г.³³³ Жене об этом не сообщили, что не было редкостью. Она в течение десяти лет надеялась, что муж жив, растила трех дочерей. Со вторым мужем (отцом информанта) они познакомились и поженились, после того как тот вернулся из заключения в 1947 г. и приехал к своему товарищу в Зашеек, потому что больше некуда, да и не к кому было ехать. Жили все вместе в двух маленьких домиках: в одном домике первая свекровь (саами) матери информанта, в другом — остальные: мать матери, родители, трое детей от первого брака матери и двое от второго.

У информанта оба мужа — русские. С первым она развелась, потому что влюбилась во второго. Сын от второго брака женат дважды, оба раза на русских. С первой женой развелся из-за того, что она стала выпивать, детей забрал к себе. Сейчас у него две дочери от первого брака, два ребенка второй жены и один общий ребенок.

Отец информанта 9 — карел. По материнской линии дед — финн (1889 г. рождения) родом из Улеборгской губернии, а бабушка — карелка. Судьба семьи сложилась трагически. Как и многих финнов, родившихся на территории Финляндии, деда в 1938 г. расстреляли³³⁴. После его вдова и дети изменили

³³² Книга Памяти жертв политических репрессий (20–50-е гг.). С. 317.

³³³ Там же. С. 34.

³³⁴ Там же. С. 176.

финскую фамилию на материнскую карельскую. В 1941 г. их выслали из Княжой Губы в лесхоз в центральную часть Мурманской области, а дом, который собственноручно построил дед, сожгли. Страх перед репрессиями сохранился у матери информанта на всю жизнь. Она до самой смерти скрывала свое происхождение и не разрешала дочери говорить о своих финских корнях.

Отец информанта 6 из американских финнов, мать — карелка. Родители отца родом из Южной Финляндии. У них было пятеро детей. Младшая сестра отца умерла молодой в Америке. В США отец рыбачил, потом по призыву уехал из Америки в Карелию. Женился в Княжой Губе. Во время беседы информант подчеркнула, что ее родители венчались, отношения между ними были очень хорошие. После ареста отца мать внушала детям, что его оговорили, что он был замечательным человеком. Рассказывая о семье, информант сравнивала свою мать с ее сестрой, женщины по-разному повели себя после ареста мужей. Прямо она не называла свою тетю предательницей, но отрицательное отношение высказывалось косвенно и чувствовалось по интонации. Так, рассуждая о верности своей матери памяти мужа, она заметила: *«Не так, как другие: и фамилии меняли, и отчество забывали. И вообще старались забыть, что они финны»*. Таким образом, верность жен мужьям (как и детей — памяти родителей) оказывается непосредственно связанной с верностью своему народу.

Родители информанта 2 — ингерманландцы (рис. 71, 72). Предки относились к крестьянскому сословию. Дед по отцовской линии был лесником Императорской охоты (рис. 46) и старался, чтобы его сын получил хорошее образование. В свою очередь, тот дал высшее образование всем своим детям. Пример показывает, что в семьях, как правило, транслируются поведенческие модели на основе определенной культурной установки³³⁵. В данном случае это была установка на социальное продвижение путем образования. Перед войной дед ушел из семьи и переехал в Новгородскую область. Дальнейшая его судьба неизвестна, как и причина развода (как предполагает информант, возможно, из-за того, что дедушка *«погуливал»*). Отец информанта перед революцией переехал из деревни в Петербург, чтобы учиться в гимназии, потом в вузе. В начале 1920-х гг. он познакомился со своей будущей женой, которая приехала в Ленинград из деревни в поисках работы, и *«отбил»* ее у первого мужа (от первого брака у матери детей не было).

В этой семье было восемь детей: четыре сына и четыре дочери. Информант — самая младшая: *«Меня родили на радостях, что закончилась война»*. Старший брат не был женат, третий брат разведен, другие братья женаты на русских, сестры замужем за русскими.

Семейно-брачные сюжеты биографий других родственников информанта 2 достаточно примечательны. История двоюродной племянницы демонстрирует модель современного эмансипированного женского поведения. Она, в частности, показывает, что под влиянием эмоционального выбора женщина может сменить и религиозную принадлежность, и национальность, и даже имя: *«Она, когда училась в Ленинграде, влюбилась в одного еврея. Но у них ничего не сложилось, и она уехала вместе с родителями в Финляндию, потом переехала в Израиль вслед за любимым. Приняла иудаизм, взяла еврейское имя. Выучила иврит. Считает себя еврейкой, хотя в советском паспорте была записана русской по отцу (мать — финка. — Е. Б.)»*. Однако выйти замуж за любимого человека женщине так и не

³³⁵ Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека. С. 122, 139.

удалось. Ее старший внебрачный сын, рожденный еще в Ленинграде от курда, под влиянием матери также стал ортодоксальным иудеем. Уже в Израиле племянница вышла замуж за другого еврея, который приехал из Москвы. Он, в отличие от своей жены, не хотел соблюдать все ритуальные иудейские правила. Несмотря на то что в семье родились близнецы, супруги расстались из-за разногласий на религиозной почве, а также по экономическим основаниям (он «сидел на шее у своей жены»). Племянница очень хорошо образована и успешна, знает несколько языков.

Рис. 71. Мать информанта 2, Ленинград, 1929 г.

Рис. 72. Отец информанта 2, 1942 г.

Совсем иной является драматическая история тети (сестры матери) информанта 2. Период жизни, когда матримониальные потребности особенно актуальны, у нее пришелся на время самых сильных социальных потрясений. Во время войны она была депортирована в Финляндию, где у нее появился зажиточный жених. Но после окончания войны муж сестры (отец информанта) насильно вывез ее обратно в СССР. Он должен был так поступить, поскольку служил комиссаром, в обязанности которого входило возвращать обратно в СССР граждан, вывезенных в Финляндию во время войны. Тетя стала жить в городе Тарту, замуж она не вышла. Так в силу служебного долга и политической лояльности (можно также предположить, что еще и из-за опасения иметь родственницу за границей) зять «*порушил ей жизнь*». Информант отметила, что в их семье «*все были однолюб*», по этой причине не у всех личная жизнь сложилась так, как мечталось в юности.

Исследование показало, что нормы, определяющие выбор потенциального супруга по характеристикам социального, образовательного и национального статуса, в семьях были и остаются весьма эластичными. Большинство брачных союзов были гомогенными по образовательному цензу партнеров, иногда супруг имел более высокий образовательный уровень, реже — жена (три случая). В одном случае жена занимала более высокую должность, чем муж, она продолжительное время работала председателем колхоза (информант 6).

В финских семьях, как и у многих других европейских народов, взаимоотношения супругов не отражаются в каких-либо специфических правилах семейного этикета. Информанты не настаивают на отличительных финских особенностях в характере внутрисемейных отношений и ограничиваются вполне традиционной характеристикой, ориентированной на усредненную патриархальную модель. Семьи были в основном многодетные. Единственными сыновьями у родителей являются информант 1, отец информанта 12 и он сам, отец информанта 18 и отец информанта 32.

После Великой Отечественной войны в результате «раскрестьянивания» финских семей происходит постепенное уменьшение среднего размера семьи. Если до войны в финских семьях рождалось 7–13 детей, в послевоенное время в среднем в семье было 3–4 ребенка, то к концу XX в. количество детей в семьях сократилось до 1–2. Такая тенденция характерна не только для финских семей.

Распределение внутрисемейных ролей, как правило, было традиционным: добытчиками были мужья, а жены занимались домашним хозяйством и воспитанием детей. В подавляющем большинстве случаев информанты утверждали, что семьи создавались по взаимной симпатии и любви, т. е. брак был мотивирован индивидуальным выбором и эмоциональными основаниями. Иногда мотивом заключения брака признается стремление избавиться от одиночества. Этот мотив считает главным у своих родителей информант 8: для обоих супругов это был повторный брак, оба ранее овдовели. Вместе с тем отмечено еще одно важное обстоятельство: второй муж матери, как и первый, был репрессирован, и сходство судеб послужило основанием знакомства и сближения супругов при вступлении в повторный брак.

Повторные браки не редкость у финнов. Чаще всего они заключались после смерти первого супруга. Разводы также были, хотя и не часто. Тема разводов традиционно нежелательна в семьях. Информанты стараются ее обойти. Они либо не знают о причинах разводов в семьях, либо стараются замалчивать

эту неприятную тему. «Это одна из особенностей семейной памяти, которая предпочитает “забвение” неприятных обстоятельств, а ему способствуют умолчание и нежелание рассказывать»³³⁶. В качестве одной из причин разводов указывается та, что финны подвергались неоднократным депортациям, и жены уставали переезжать с детьми с места на место: *«Папа написал маме, что он придет за ней и детьми, а если мама не согласится, то он тогда женится на другой. Видимо, маме надоело скитаться вместе с папой. И бабушка, можно сказать, пинком вытихнула дочь к мужу: “Разве можно детей родного отца лишать!”»*³³⁷

По мнению ряда социологов (которое разделяется не всеми), вынужденные миграции отрицательно влияют на семьи, так как следствием переездов являются не только бытовая неустроенность, экономический спад семьи, но и социально-психологическая дестабилизация³³⁸. Еще одна из причин разводов — неумеренное употребление спиртных напитков кем-либо из супругов. По косвенным упоминаниям можно также предполагать, что иногда причиной развода было несовпадение характеров супругов, в таких случаях отцы покидали семью, когда дети выросли. В большинстве случаев причины расторжения брака соответствуют общим тенденциям, не представляя этнической специфики. Тем не менее можно заметить, что для финских семей существенным оказывается воздействие внешних факторов на их судьбу. Из обследованных семей только в одном случае брак распался на национальной почве, и в распаде семьи обвиняется одна из русских родственниц: *«Она была намного младше своего мужа, по всей видимости, в ее собственной семье что-то не складывалось, вот она из зависти пыталась навредить другим. У нее был странный характер, она лезла во все семьи и наговаривала, что финны такие-сякие и все в таком роде. Ее сыновья бегали за моей мамой и дразнили: “Финка, финка!” А мама потом и думает: так ведь и они же финны, моя мама и их отец родные брат и сестра»*³³⁹.

Представители российских финских семей в силу разных обстоятельств оказались оторванными от исконных мест проживания. В такой ситуации возможны разные модели брачных стратегий. Модели развития семейных отношений, семейные традиции, существующие и передающиеся внутри этой системы, предлагают для большинства людей сделать свой собственный выбор³⁴⁰. Одна из брачных моделей воплощается в тенденции к усилению этнической эндогамии во имя сохранения своего народа, к большей или меньшей культурной изоляции. Другая, напротив, предполагает открытый способ взаимодействия с другими народами. Утверждению второго типа способствуют модернизированные брачные установки, в соответствии с которыми заключение брака — это дело индивидуального и в основном эмоционального выбора. Именно модели второго типа придерживались представители наших семейно-родственных общностей. В обследованных родственных группах встречаются брачные отношения потомков финских семей с американцами, евреями, курдами, татарами и представителями других этнических групп. В такой ситуации родовая причастность к финской культуре постепенно становится фактом социальной

³³⁶ Харевен Т. Время семьи и время промышленности. С. 173.

³³⁷ ПМА 2010 г. Информант 11.

³³⁸ Гаспарян Ю. А. Семья на пороге XXI века (социологические проблемы). С. 44.

³³⁹ ПМА 2010 г. Информант 14.

³⁴⁰ Томпсон П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека. С. 145.

памяти, элементом наследия, а в ряде случаев — инструментом социальной мобильности, так как служит обоснованием эмиграции.

Таким образом, материал подтверждает, что до начала раскулачивания и депортаций браки в финских семьях были этнически эндогамными. Затем в результате дисперсного расселения финнов браки становятся гетероэтническими. Вступление в такой брак служило способом адаптации финнов в иноэтническом окружении. В настоящее время наблюдается полное преобладание межэтнических браков, которое приводит к значительной ассимиляции финнов.

3.2. Сохранность и утрата финского языка

Язык, как правило, выступает одним из основных критериев этнической идентификации³⁴¹. На протяжении XX в. отношение к финскому языку менялось и во многом зависело от политики государства по отношению к финнам.

Хотя язык воспринимается значительной частью населения как важнейший идентификационный признак, многие исследователи (Ю. П. Шабает, Н. В. Шилов, В. Н. Денисенко и другие) считают, что это есть лишь «глубоко укоренившийся культурный стереотип»³⁴². Например, информант 8, высказываясь о своем сыне, который идентифицирует себя как финн, сказала: «Да какой он финн, он и языка-то не знает». Примечательно, что сама информант считает себя финкой и в советском паспорте была записана финкой, однако финского языка тоже не знает. Аналогично суждение информанта 1 о своей двоюродной сестре, у которой отец — финн, а мать — русская: «Она русская была. Она по-русски говорила». Таким образом, с позиции этих информантов главным критерием этнической идентификации является знание языка. Языковая идентификация составляет одну из важных проблем адаптации иммигрантов к социальной среде территории прибытия³⁴³. Социолингвистические исследования Н. Б. Вахтина, Е. В. Головки и П. Швайтцера продемонстрировали, что утрата языка далеко не всегда сопровождается утратой этнической идентичности, общности могут идентифицироваться по другим основаниям³⁴⁴. Н. Н. Чебоксаров считал основным идентификатором не язык, а совокупность иных культуроспецифических свойств³⁴⁵.

До середины XIX в. финский язык в Финляндии использовался исключительно низшими сословиями. На финском языке издавались только

³⁴¹ Кожанов А. А., Яловицына С. Э. Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 165; Анфертьев А. Н. Прологомены к изучению этнической истории. Памяти Р. Ф. Итса // Этнос и этнические процессы. М.: Восточная литература, 1993. С. 63.

³⁴² Шабает Ю. П., Шилов Н. В., Денисенко В. Н. Язык и этничность: дискуссия о языковой политике в регионах проживания финно-угров. С. 95.

³⁴³ Исканиус С. Языковая идентичность русскоязычной молодежи — иммигрантов в Финляндии // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. ст. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2002. Вып. 2. С. 314–326.

³⁴⁴ Вахтин Н. Б., Головки Е. В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. С. 76, 82, 213–214.

³⁴⁵ Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М.: Наука, 1985. С. 11.

церковные и хозяйственные книги³⁴⁶. Однако грамотность финских крестьян отмечали бытописатели конца XIX в.³⁴⁷ Российские политики конца XIX в. также обращали внимание на «высокий престиж образования», существовавший в Финляндии³⁴⁸. Большой вклад в распространении грамотности среди финского населения внесла лютеранская церковь. Для прохождения обряда конфирмации все молодые люди должны были быть грамотными, чтобы уметь читать молитвы. Кроме того, «после 1686 года к венчанию допускались только грамотные молодожены»³⁴⁹. Высокий процент грамотности среди финских колонистов отмечали чиновники и ученые, посещавшие Западный Мурман на рубеже веков. Поскольку дети колонистов не имели возможности посещать школу, грамоте их обучали матери³⁵⁰. Поэтому не удивительно, что, согласно данным статистической экспедиции 1899 г., все жители-лютеране старше шести лет были грамотны³⁵¹.

В 1920-х гг. провозглашалась политика культурного развития национальных меньшинств³⁵². В рамках политики «коренизации» в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в районах компактного проживания финнов были созданы национально-административные единицы. В Мурманском округе национальным финским районом был утвержден Александровский (Полярный) район³⁵³. Вся документация велась на финском языке, в местах компактного проживания финнов были созданы финские школы³⁵⁴. В соседней Карелии правительство, состоящее преимущественно из финнов, немало содействовало приданию

³⁴⁶ Карху Э. Г. Финско-русские литературные связи XIX–XX веков. С. 54–55.

³⁴⁷ Лескинен М. В. Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 181.

³⁴⁸ Витухновская М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX — начала XX веков // Многоликая Финляндия: образ Финляндии и финнов в России: сб. науч. ст. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 121.

³⁴⁹ Киуру Э. С., Суни Л. В. Очерк культуры российских финнов. С. 45; Заднепровская А. Ю. Ингерманландские финны. С. 531; Архимандрит Августин (Никитин). Карельские и финские переводы богослужебных книг (страницы истории) // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах. СПб.: АРТ_ЛЮКС, 2002. С. 253; Бардилова Ю. П. Финские церкви: история и современность. С. 22; Расила В. История Финляндии. С. 507.

³⁵⁰ Путеводитель по Северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая Земля. Печора) / составлен Д. Н. Островским. СПб.: Издание Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства, 1898. С. 103; Воленс Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство: материалы статистико-экономического исследования 1921–1922 гг. С. 14.

³⁵¹ Материалы по статистическому исследованию Мурмана: описание колоний на запад от Кольской губы до границ Норвегии. Т. II, вып. II. С. 23.

³⁵² Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. С. 13–14.

³⁵³ Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.). С. 102.

³⁵⁴ Киселев А. А. Гулаг на Мурмане: репрессии 30–50-х годов XX века. Мурманск: МГПУ, 2008. С. 80.

финскому языку статуса государственного, переводу школ в карельских населенных пунктах на финский язык³⁵⁵.

Когда в 1930-е гг. в Мурманском регионе появились семьи раскулаченных ингерманландцев, встал вопрос об открытии для детей из таких семей финской школы, поскольку дети, как правило, русского языка не знали. Поэтому в 1932 г. для них в Хибиногорске была открыта семилетняя школа с преподаванием на финском языке³⁵⁶. В 1934 г. школе был присвоен номер 1. Кадровый состав школы составляли большей частью этнические финны. «В конце 1935 года финские учителя, преподававшие русский язык, были сняты с работы за “незнание русского языка”»³⁵⁷. Дети ингерманландцев учились и в русской школе. Состав учащихся в классах был многонациональным. Однако по некоторым мемуарным свидетельствам «не было ни одного конфликта на этнической почве»³⁵⁸.

Школы с преподаванием на родном языке имелись и в других местах компактного проживания финнов, в том числе в Княжой Губе, Ёне, Пейво-Ярви, в становище Каккари³⁵⁹. Проблем с учебниками на финском языке не было, так как в 1923 г. в Петрограде открылось финское издательство “Kirja” («Книга»), а в 1929 г. — его отделение в Петрозаводске³⁶⁰. В 1938 г. издательство ликвидировали.

В 1937 г. были закрыты все финские школы на Кольском полуострове (как и в Карелии, и в Ленинградской области). С 1 января 1938 г. издание всех финноязычных газет и журналов прекратилось. Финнов стали увольнять из учебных заведений, учреждений культуры и науки³⁶¹. Ухудшение советско-финляндских отношений в конце 1930-х гг. привело к полному запрету финского языка (Приказ № 352 от 29 июня 1938 г. НКП АКССР)³⁶².

³⁵⁵ Акбулатова Г., Данков М. Крик из глубины // Интернет-журнал «Лицей». URL: <https://gazeta-licey.ru/public/history/72503-krik-iz-glubinyi> (дата обращения: 15.01.2019).

³⁵⁶ Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. С. 127, 163; Спецпереселенцы в Хибинах (книга воспоминаний). С. 222.

³⁵⁷ ГАМО в г. Кировске. Ф. 10. Оп. 1. Д. 3. Л. 6, 123; Казакова К. С. Становление и развитие системы школьного образования на Кольском Севере в 1930-е годы // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. Вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 116.

³⁵⁸ Чирвинский Н. П. Хибиногорск в моей памяти // Хибиногорск. Апатиты: Апатит-Медиа, 2012. С. 221.

³⁵⁹ ГАМО в г. Мурманске. Ф. 162, Оп. 1. Д. 348, Л. 10–11; Д. 372. Л. 53; Степаненко А. М. Расстрелянная семья // Исторические очерки о Кольских саамах. Мурманск, 2002. С. 14.

³⁶⁰ Гришкин И. П. К десятилетию АКССР // Карело-Мурманский край. 1933. № 5–6. С. 7; Союз писателей Карелии // Этнография и фольклор Олонецкой и Архангельской губерний: сайт. URL: <http://ethnomap.karelia.ru/> (дата обращения: 02.03.2016).

³⁶¹ Репрессивная политика в отношении финнов Советской Карелии 30-х годов. Хельсинки, 1994.

³⁶² Судьбы финно-угров и политика. Экспертная записка ИЭА РАН на запрос Комитета по международным делам Госдумы РФ // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 38.

Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г., основная часть «финского населения называла финский язык родным (среди мужчин — 97,5 %, среди женщин — 98 %)), 97,9 % финнов в возрасте от 9 до 49 лет были грамотными³⁶³. Для того времени это был довольно высокий процент грамотности. Со второй половины 1930-х гг. все финское население вынуждено было перейти на русский язык. Если ранее в Полярном национальном финском районе документация велась на финском языке, то с этого времени только на русском языке³⁶⁴. Говорить по-фински в общественных местах боялись: *«Не очень-то разрешалось. Даже в шестидесятых годах были здесь бабушки... И одна здороваётся сердито: “Нечего, давай по-русски говори”. Боялись, потому что прохожие идут, услышат. Нельзя»*³⁶⁵.

Следствием такой образовательной и языковой политики, а также непрестижности финского языка по сравнению с русским стало то, что «в послевоенный период наблюдался процесс массового перехода с родного языка на русский. Высоким являлся показатель двуязычия среди финнов»³⁶⁶. Несмотря на это, согласно данным переписи 2002 г., владели финским языком 40,8 % финнов и практически все финны владели русским³⁶⁷. В настоящее время из опрошенных нами тридцати шести информантов свободно владеют финским языком три информанта пожилого возраста из моноэтнических семей (1, 2, 25), из финно-карельских семей — два информанта (6, 22) и один информант (10) из финно-русской семьи. Отдельный случай — информант 27, который родился и вырос в Финляндии и свободно владеет как финским языком, так и русским. Все владеющие финским языком с детства общались с родителями по-фински (за исключением информанта 10). Кроме того, информанты 1 и 6 успели поучиться в финской школе: *«Четыре класса я проучился в финской школе. С мамой говорил по-фински. Она по-русски понимала всё, но говорить ей было тяжело»*³⁶⁸. Информант 1, несмотря на то что много лет прожил в русскоязычном окружении, родной язык не забыл и мог использовать его в профессиональной деятельности: *«Я несколько раз бывал в Финляндии, делал там выставки. Ездил один. Вполне управлялся»*.

Многие информанты старшего поколения до школы не владели русским языком, так как в семьях говорили только по-фински (информанты 3, 4, 5, 6, 20). Для финских детей, не владеющих русским языком, переход на обучение на незнакомом языке был весьма болезненным. Родители старались облегчить им языковую адаптацию. Информант 18 из финно-карельской семьи: *«Отец в совершенстве знал финский. А дома у нас говорили по-карельски. Я свободно говорю по-карельски и южных финнов понимаю. Я в школу пошла — русского языка не знала. Меня специально незадолго до школы отдали в садик, чтоб я хотя*

³⁶³ Заднепровская А. Ю. Ингерманландские финны. С. 530; Всесоюзная перепись населения 1939 года. С. 59, 80–83.

³⁶⁴ Киселев А. А. Финны на Мурмане // Полярная правда. 1989. № 57. 11 марта.

³⁶⁵ ПМА 2010 г. Информант 4.

³⁶⁶ Всесоюзная перепись населения 1970 года. С. 210.

³⁶⁷ Этнокультурное развитие национальных меньшинств на Северо-Западе России, в северных странах и странах Балтии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 157; Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. С. 24, 53.

³⁶⁸ ПМА 2011 г. Информант 1.

бы немного русский выучила». Дочь информанта также утверждает, что понимает южных финнов и совсем не понимает северных.

Информант 4 в детстве осталась круглой сиротой и не имела возможности общаться на родном языке. Тете не разрешили ее удочерить, так как детей спецпереселенцев запрещалось усыновлять³⁶⁹. Сейчас она совсем немного понимает по-фински: *«Я говорила по-фински до одиннадцати лет. Я помню, что когда попала в детский дом в Мончегорске, мне задавали вопросы, и я машинально отвечала по-фински. Потом до меня доходило: а что же я говорю? Потом переходила на русский. И всё. За пять лет я всё забыла»*. Такая же ситуация сложилась у отца информанта 26, который попал в детский дом в еще более раннем возрасте и родного языка не знал.

Информант 20 происходит из моноэтнической ингерманландской семьи. Она знала финский язык, но, лишившись общения с родственниками, его забыла: *«Сейчас очень мало слов знаю. Пока тетка жива была, я ездила к ней. Мы по-фински говорили. А как она умерла — всё. С кем тут говорить. Теперь забыла. Стала ездить к сестре. Мы с ней по-русски говорили»*. Таким образом, по мере утраты старших финноязычных родственников носитель языка превращается в «полуязычного» (так иногда обозначают данный феномен социолингвисты³⁷⁰).

Переход на неродной язык ретроспективно воспринимается как языковое насилие. Родители информанта 5 жили в ингерманландской деревне, учились в финской школе. До поступления в школу информант говорила только по-фински: *«Между собой общались по-фински, уклад был финский. Родители и русский язык знали, хоть и говорили с акцентом, но понимали. Когда я пошла в школу, я ни слова не знала по-русски. А за пятьдесят с чем-то лет переучили так, что я и язык забыла, и даже акцента нет. Хотя когда я бываю в Финляндии, то понимаю язык на бытовом уровне. В паспорте у меня всегда стояла национальность “финка”. Сейчас все стали русскими»*. Детское восприятие было другим, поскольку хорошее владение русским языком означало включение в коллектив сверстников, признание социальной полноценности.

Информант 3 происходит из моноэтнической ингерманландской семьи, в детстве она знала финский язык. Со временем, по собственному признанию, совсем его забыла: *«Когда умерла бабушка, папина мама, остальные не стали разговаривать. А мне так радостно было. Может, меня тогда дразнить не будут. Она плохо говорила по-русски, очень трудно ей давался русский язык»*.

Информант 7 происходит из финно-карельской семьи, в которой говорили по-фински. Она успела окончить два класса финской школы, причем закрытие школы было сопряжено с трагедией: *«Когда отца забрали, нас из школы выгнали. Мы утром пришли в школу, а нас в школу не пустили даже. Директор школы был финн. Его расстреляли около школы прямо при всех детях. Дети видели это всё. Вот»*. Живя всю жизнь в русскоязычном окружении, она перешла на русский язык: *«Если три-четыре дня, то я вспомню финский. Когда разговаривают финны, то я понимаю. Но мне трудно говорить»*. До сих пор она говорит по-русски с легким акцентом: *«Теперь по-человечески разговариваю... Но иногда*

³⁶⁹ Лобченко Л. Н. Север гулаговский: из истории спецпереселенцев северного края. С. 18.

³⁷⁰ Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX в.: очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 253.

“он” и “она” путаю». Интересна оговорка (возможно, ироничная) «по-человечески», т. е. по-русски, указывающая, что к ее родному языку можно относиться как к второсортному. Для другого информанта закрытие финской школы совпало по времени с арестом ее отца: *«Когда финские школы закрыли, пришлось заново идти в первый класс в русскую школу. До этого я не знала русского языка»*³⁷¹.

Информант 8 не знает финского языка, только отдельные слова: *«Нас финскому и не учили даже, потому как финнов притесняли хорошо. Поэтому отец и не хотел, чтобы мы знали, нас от этого оберегали»*. Аналогичную ситуацию в семье описывает информант 24. Она и ее брат финский язык не знают, поскольку отец боялся их учить. Сам отец (1913 г. рождения) свободно владел финским языком. Он окончил финскую школу, а его мать была учительницей. У информанта 16 финном был дедушка. Финского языка в семье никто не знает, поскольку по настоянию деда финская тема была под запретом.

Информант 19 из финно-русской семьи. Родители из-за репрессий не учили своих детей финскому языку: *«Я не знаю финский язык. Вот сын мой знает, он учил финский язык, ездил туда учиться»*. Мать информанта — русская, однако знает финский язык, потому что жила в финноязычном окружении и училась в финской школе, так как другой в населенном пункте не было. Племянник информанта рассказывал: *«Каких-то особых семейных интриг, связанных с национальностью, в нашем роду не прослеживается. Дедушка никогда не пытался скрыть свое происхождение. Единственное, в чем проявилась боязнь национальных репрессий в его семье, — это нежелание его жены обучить детей финскому языку. Примечательно, что она сама говорит по-фински довольно хорошо»*³⁷².

Противоположный случай — информант 11, которая финского языка не знает из-за собственного активного сопротивления: *«Папа меня хотел научить финскому языку. А я ни в какую не хотела. И так дразнили “Финка, финка!” Когда родителей не было дома, мальчишки залезали на забор и дразнили. А я их дразнила: “Недобитые фашисты!” — и дралась. Дразнили все по национальности»*³⁷³.

Информант 12 происходит из финно-русской семьи, родился в Эстонии и поэтому *«хорошо знал эстонский, финский не выучил, хотя они родственные»*. Данный случай — пример первостепенного значения языковой среды. Отец информанта финский язык знает, с 1993 г. живет в г. Хельсинки.

Языковой сдвиг произошел в семьях фактически на протяжении жизни одного поколения. У информанта 14 финка только бабушка: *«Когда семью сослали, из них никто не знал русского языка, поэтому работали уборщицами. Даже мама до трех лет говорила только по-фински»*. Информант от бабушки запомнила с детства лишь несколько фраз по-фински. Информант 15 финский язык не знает, хотя ее мать им владела свободно. Первые четыре класса она проучилась в финской школе в Изори, а потом окончила семилетку в поселке Колпино Ленинградской области. Информант 32 из финно-русской семьи. Его отец до школы знал только финский язык. Впоследствии, как сказала мать информанта (поморка), *«он русский язык потом знал лучше меня»*. Сам

³⁷¹ ПМА 2009 г. Информант 6.

³⁷² ПМА 2013 г. Информант, М., 1974 г. рождения.

³⁷³ ПМА 2010 г. Информант 11.

информант финского языка не знает. Информант 34 финский язык не знает, а ее мать из финно-саамской семьи *«разговаривала на финском»*. Информант 35 финским языком не владеет. Знала финский язык бабушка (карелка): *«Моя бабушка хорошо и почти всегда говорила на карельском языке, лишь изредка вставляя русские. Но говорила и на финском, но это было не принято»*.

Уровень владения языком у представителей поколений был настолько различным, что старшие этим пользовались, когда им надо было что-то скрыть не только от посторонних, но и от младших членов семьи. Информант 33 воспитывался бабушкой (карелофинкой, в советском паспорте так и было указано). По свидетельству информанта, *«бабушка хорошо владела языком, говорила чисто на финском. Она с прабабушкой (своей матерью. — Е. Б.) общалась чаще всего на финском. И это многих раздражало. Я помню, еще школьником был, прабабушка умерла в девяносто шестом, мы приходили, если им надо было что-то сказать за столом, чтоб никто не понял, они начинали говорить по-фински. Естественно, это никому не нравилось»*.

Информант 36 посещает курсы финского языка: *«Но язык, конечно, никогда не выучу. А вот мама (карелофинка. — Е. Б.) умела и на русском, и на финском. Даже мой отец (финн. — Е. Б.) говорил: “Ты лучше меня по-фински говоришь, литературным языком”*». Информантам, у которых матери русские, фактически не предоставлялось шансов освоить финский язык, так как в семьях говорили только по-русски. Это косвенно указывает на то, что культурное влияние матерей в семьях преобладает.

В национально-смешанных семьях, как правило, один из супругов переходит на другой язык, иногда используются оба языка. В обследованных гетероэтнических семьях общение происходит на русском языке и его использование является нормой. У всех опрошенных информантов супруги (если таковые имеются) не финны. Молодое поколение живет в отрыве от финской языковой среды при тесном взаимодействии с русскоязычным окружением. Вместе с тем в смешанных семьях знание детьми финского языка зависит от культурных установок и поведения родителя-финна, особенно матери, поскольку она в значительно большей степени общается с ребенком с самого раннего возраста³⁷⁴. Для сравнения: информант 22 из биэтнической семьи, мать — финка, информант 22 свободно владеет финским языком. Информант 15 также из биэтнической семьи, мать — финка, однако информант 15 финского языка не знает. Причины, по всей видимости, заключаются в том, что, во-первых, у информанта 22 отец — карел, а у информанта 15 — русский. Во-вторых, информант 22 жил в карелоязычном окружении, а информант 15 — в русскоязычном. Здесь, конечно, сказывается, что карелы (в первую очередь, северные) и финны близки в культурном отношении. В-третьих, у информанта 22 была бабушка-финка, которая также общалась с ним на финском языке. В-четвертых, у информанта 22 мама была учительницей, и здесь нельзя отрицать семейный культурно-образовательный фактор освоения языка.

³⁷⁴ Busyreva E. Cultural identity in families with “the Finnish origin”, living in a Russian speaking environment (according to material of Murmansk region) // Human and Societal Security in the Circumpolar Arctic. Vol. 1. Leiden: Brill Academic Publishers, 2018. P. 343.

Таким образом, происходит языковая ассимиляция, т. е. смена родного языка через двуязычие (языковой сдвиг). Двуязычие фиксирует противоречие: по этнической принадлежности родной язык — финский, а по общению — русский. Переход с одного языка на другой зависит от возраста и культурного статуса носителей. Старшее поколение в большей или меньшей степени сохраняло приверженность родному языку, а представители молодого поколения быстро его забывали. В результате типичной стала следующая ситуация: если родители дома часто говорят по-фински, дети понимают, но сами не говорят, а внуки по-фински уже даже не понимают³⁷⁵. Если в семье есть бабушка, говорящая по-фински, то внуки, скорее всего, будут знать язык, хотя и в разной степени (случаи информантов 2, 6, 22, 23).

Причин утраты знаний родного языка много, они обусловлены территориальными, политико-идеологическими, социально-экономическими, индивидуальными и другими факторами, к которым можно отнести дисперсное расселение, межэтнические браки, репрессии против финнов, боязнь говорить на родном языке, русскоязычное окружение, обучение в русской школе, воспитание в детском доме, низкий престиж финского языка, культурное давление общества и средств массовой информации. Как подчеркивает Ю. П. Шабает, к началу 1960-х гг. в РСФСР сформировался глобальный информационный рынок (кино, телевидение, радио, пресса), который был почти полностью русскоязычен³⁷⁶.

Поскольку финский язык не имел высокого статуса, многие хотели скрыть или по крайней мере не подчеркивать, что они финны. Не хотели, чтобы на них указывали как на «чужих». А для развития культуры необходимо, чтобы язык имел высокий статус³⁷⁷. Таким образом, языковой сдвиг происходил из-за негативного отношения к финскому языку, когда возникает сомнение в целесообразности сохранять ему верность. Был стимул учить русский язык, так как переход на него мотивировался государственным статусом русского языка, стремлением получить хорошее образование и, как следствие, реализовать возможность профессионального и карьерного роста.

Адаптация финнов в этнокультурной сфере осуществлялась путем принятия языка и социокультурных норм новой среды с последующей ассимиляцией. В советский период языковая политика была направлена на расшатывание традиционной культуры и забывание материнских языков в пользу государственного, чтобы, как писал Н. Б. Вахтин, «выплавить» новую историческую общность людей — советский народ³⁷⁸. Естественным было стремление слиться с титульным народом, выдать себя за представителя той национальности, которая занимала в иерархии более высокое место по сравнению

³⁷⁵ Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX в.: очерки языкового сдвига. С. 194–195.

³⁷⁶ Шабает Ю. П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского сообщества. С. 45.

³⁷⁷ Дробижина Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Издательство института социологии РАН, 2006. С. 21.

³⁷⁸ Вахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.; Париж: Издательство Европейского дома, 1993. С. 78–79.

с собственной этнической группой. Нежелание говорить по-фински являлось «определенным выражением процесса интеграции»³⁷⁹.

Вместе с тем в семьях, в которых были особенно сильны культурные традиции или родители имели высокий уровень образования, сохранялась установка на владение материнским языком. В моноэтнической семье информанта 2 все говорили по-фински. У родителей была библиотека на финском языке. Отец окончил исторический факультет Ленинградского педагогического института, в годы Зимней и Отечественной войн был комиссаром и переводчиком. Финскому языку информанта учила бабушка — хранительница финских традиций в семье. После смерти бабушки и родителей эту функцию взял на себя старший брат (1926 г. рождения). Интересно то, что с возрастом информант кардинально изменила свое отношение к родному языку в положительную сторону. Информанта 22 финскому языку учили мама, заслуженная учительница Карелии, и бабушка: *«Я финский язык впитал с молоком матери. И с бабушкой по-фински говорил»*. Кроме того, его отец, карел, знал финский язык, во время войны был переводчиком на Карельском фронте, в послевоенное время — известным карельским журналистом, редактором, переводчиком, работавшим с членами делегаций высшего государственного уровня. Самого информанта приглашали переводчиком в отдел культуры города Кировска, а также на различные международные мероприятия, так как во время собраний он мог свободно вести синхронный перевод³⁸⁰. Тем не менее дети информанта знают только русский и карельский языки, так как жена у него карелка, да и каникулы дети обычно проводили в поселке Калевала в карелоязычном окружении.

Постановление Верховного Совета РФ № 5291 «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г. сыграло существенную роль в том, что на рубеже XX–XXI вв. у российских финнов стал проявляться интерес к финской культуре и финскому языку. Появляются курсы по изучению финского языка, в том числе при Хибинском обществе российско-финляндской дружбы “Naapurit” («Соседи»). Некоторые информанты (2, 9, 10, 13, 15, 36) посещали эти курсы, а занятия вела двоюродная сестра информанта 8. В настоящее время занятия проводит член этого общества (не финка).

Информант 23 изучал финский язык в городе Йоэнсуу (Финляндия): *«Там университет и при нем были курсы. Ну и я так неплохо понимал. Но потом стал забывать без практики»*. Информант 10 благодаря собственному желанию хорошо знает финский язык. Она выучила язык, посещая курсы и занимаясь самостоятельно. Информант 28 из финно-ижорской семьи, владеет финским языком на бытовом уровне. Родители между собой говорили по-фински, кроме того, она также посещала курсы по изучению финского языка в городе Полярные Зори. Информант 13 из русско-финской семьи: *«Мама говорила на чистейшем финском языке. А я раньше ходила на курсы финского языка. Но, можно сказать, что языка я не знаю»*.

Изучение финского языка мотивируется личными побуждениями, важнейшие из среди которых — стремление восстановить утраченный семьей

³⁷⁹ Энгман М. Финляндцы в Петербурге. С. 303.

³⁸⁰ Казаков Л. Соседи — Naapurit (Общество дружбы двух народов). Апатиты: КНЦ РАН, 2013. С. 33.

культурный ресурс, а также возможность реализовать себя в деятельности, связанной с языком и международными коммуникациями (перспективу составляет выезд из страны). В настоящее время финский язык имеет достаточно высокий статус, по крайней мере в северо-западных регионах России, поскольку значительно расширяет такие возможности. Информант 25 происходит из моноэтнической семьи финских колонистов. Финский язык она знает благодаря личной заинтересованности: *«Я хотела финский язык изучать. Я пошла на курсы. Потом стала заниматься сама. Я сейчас занимаюсь переводами, когда к нам приезжают проповедники лютеранской церкви. Когда я начала учить финский язык, жена младшего брата мне говорила: «Ты никогда не выучишь финский язык». Она финский язык учила в Петрозаводске. А я ей говорю, что все равно добьюсь. И потом у меня не было проблем с произношением. Мачеха, она тоже финка была, с отцом между собой по-фински говорили, но я ничего не понимала. И младший брат, как и я, всё забыл. А старший брат понимал. Он и сейчас понимает»*. Информант 30 из финно-русской семьи: *«Я, конечно, язык только на бытовом уровне знаю, но учу»*. Информант 31 из карело-финской семьи. Она знает карельский язык, а ее сын немного знает финский: *«Он работает в туристической сфере, ездит в Финляндию по работе»*. Старший сын информанта 20 сейчас учит финский язык, поскольку собирается переехать на постоянное место жительства в Финляндию. Как считает невестка (жена младшего сына информанта), деверь хорошо говорит по-фински. В данном случае очевидна мотивация в изучении материнского языка и, соответственно, его инструментальная функция.

Результаты исследования приводят к выводу, что сохранность родного языка в семьях с финскими корнями в значительной степени зависит от субъективных факторов: личной заинтересованности отдельных представителей семей, личных и семейных культурных установок. Из четырнадцати информантов, которые в той или иной степени владеют финским языком, финнами себя считают десять (1, 2, 5, 6, 7, 18, 25, 27, 28, 30). С другой стороны, девять информантов, которые идентифицируют себя как финны, не знают (или забыли) финский язык (3, 4, 8, 12, 16, 20, 21, 31, 32). Для представителей семей с финскими корнями вряд ли финский язык можно назвать родным. Вероятно, им ближе понимание родного языка как материнского. Лишь незначительное число информантов владеет финским языком³⁸¹. Сказанное подтверждает, что язык и этническая самоидентификация далеко не всегда совпадают. Основной причиной, по которой люди перестают говорить на родном языке, является то, что они перестают испытывать в нем потребность. Вхождение русского языка во все сферы языкового взаимодействия привело к языковой ассимиляции. Подобная ситуация, как отмечает Д. Г. Коровушкин, наблюдается и в других регионах среди этнодисперсных групп³⁸².

³⁸¹ Этническое и религиозное многообразие. С. 61.

³⁸² Коровушкин Д. Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX — начале XXI в.

3.3. Религия и ритуально-праздничная культура

В настоящее время наблюдается глубокий и закономерный общественный и научный интерес к религиозным аспектам социальной жизни, проблеме религиозной толерантности. В этой связи сохраняет актуальность вопрос о религиозных традициях в семьях различных этнических групп, в том числе и финских. По вероисповеданию подавляющее большинство российских финнов ранее традиционно относились к лютеранской церкви. Лютеранская церковь вплоть до XX в. являлась для финнов важным этнодифференцирующим признаком³⁸³. Лютеранская вера остается для старшего поколения символическим этническим маркером, при этом «действие данного маркера обращено назад, в прошлое: ссылки на религиозность родителей, бабушек устанавливают особость происхождения, отсылают к той самой сохранности традиции, которая составляет важную часть группового самосознания»³⁸⁴. Обратимся к этому аспекту этнических финских традиций, который в семейной культуре наших информантов стал почти не выражен в результате смешанных браков преимущественно с православными — русскими и карелами.

Как известно, лютеранство распространилось в Финляндии после 1526 г. Благодаря Реформации произошел толчок в развитии национальной культуры, финский народ получил собственную письменность. Был переведен «на финский язык Новый Завет, ставший одновременно и первым букварем»³⁸⁵. С. В. Лурье пишет: «Как религиозная обязанность рассматривается финнами умение читать. Ведь каждый лютеранин должен знать текст Священного Писания и уметь его толковать»³⁸⁶. Вплоть до 1930-х гг. на территориях компактного расселения финнов, несмотря на проживание в государстве, где господствующей религией было православие, существовала сеть лютеранских приходов и церковно-приходских школ, дающая подрастающему поколению элементарные знания о христианской вере³⁸⁷. Как считает П. Хакамиэс, в тот исторический период вероисповедание «являлось официальным признаком этнической группы. По

³⁸³ Чистяков А. Ю. Трансформации этнического самосознания ижоры и води // Малые этнические и этнографические группы: сб. ст., посвящен. 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса. СПб.: Новая альтернативная полиграфия, 2008. Вып. 3. Историческая этнография. С. 253; Яловицына С. Э. Финны-лютеране и межконфессиональные отношения в Карелии 1990-х годов // Финский фактор в истории и в культуре Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. С. 441.

³⁸⁴ Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. С. 17.

³⁸⁵ Бардилева Ю. П. Финские церкви: история и современность. С. 22.

³⁸⁶ Лурье С. В. Метафоры традиционного сознания: опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. С. 91–92.

³⁸⁷ Яловицына С. Э. Лютеранская церковь в жизни российских финнов // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 148.

мере того, как собственно этнические признаки культуры размывались, вероисповедание оставалось единственным признаком различия»³⁸⁸.

В 1870 г. состоялся первый визит викария на Мурман, в Ууру (Ура-Губа)³⁸⁹. В 1874 г. колонисты построили в Ура-Губе первую часовню, впоследствии преобразованную в кирху³⁹⁰. Пастор посещал мурманское побережье один раз в три-четыре года, но прихожан такая ситуация не устраивала, и они «готовы были нести расходы на содержание постоянного пастора»³⁹¹.

Несмотря на малочисленность населения Кольского Севера и на тяжелые условия жизни, колонисты старались придерживаться лютеранских традиций. Поселившись на новых землях, они продолжали сохранять свое вероисповедание: браки заключались в лютеранской церкви, детей регистрировали в лютеранском приходе³⁹² (рис. 42).

Помимо сохранения традиционного вероисповедания в собственной среде финские колонисты, как указывает П. В. Федоров, «пытались склонить к лютеранству саамов и на этой почве между ними возникали конфликты»³⁹³. С другой стороны, Ю. П. Шабаетов, А. П. Садохин, А. Ю. Кузнецова и Н. В. Шилов обращают внимание на то, что «русская администрация и православная церковь старались укреплять позиции православия и противостоять «панфинской» пропаганде всеми возможными способами»³⁹⁴.

В 1905 г. в Александровске был открыт евангелическо-лютеранский приход «во главе с пастором Ахти Густавом Вуотилой»³⁹⁵. Здание кирхи было построено в Александровске в 1907 г. В 1922 г. обе кирхи были закрыты. В советское время в здании бывшей кирхи Александровска располагались мастерские Северного флота. В 2003 г. строение было снесено³⁹⁶ (рис. 73).

³⁸⁸ Хакамиэс П. Восток и Запад — отражение границы в этнических взаимоотношениях в Восточной Финляндии // Народные культуры Русского Севера: мат-лы российско-финского симпозиума. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. С. 19–20.

³⁸⁹ Ervasti A. V. Suomalaiset jaameren rannalla: Matkamuiistelmaa. P. 65.

³⁹⁰ Бардилова Ю. П. Финские церкви: история и современность. С. 25; Орехова Е. А. Колонизация Мурманского берега... С. 121–122.

³⁹¹ Материалы по статистическому исследованию Мурманска: описание колоний Восточного берега и Кольской губы. Т. II, вып. I. С. 205.

³⁹² Onella S. Muurmannin rannan luterilaiset. P. 100, 107.

³⁹³ Федоров П. В. История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917). Мурманск, 1996. С. 44.

³⁹⁴ Русский Север в исторической динамике... С. 132.

³⁹⁵ Ушаков И. Ф. Церковь на Кольском Севере в досоветский период // Региональные программы основных и дополнительных курсов по религиоведению. Мурманск, 1994. С. 141.

³⁹⁶ ГАО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 199. Л. 2, 5, 8–1; Ф. 75. Оп. 1. Д. 2963. Л. 1–2; Бардилова Ю. П. Этнические общности и религиозные группы на Кольском Севере: история и современность // Живущие на Севере: образы и реальность. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 40.

Рис. 73. Здание бывшей кирхи в г. Полярный (Александровск).
 Источник: из материалов МБУК «Городской историко-краеведческий музей г. Полярный»

К началу 1939 г. в СССР не осталось ни одного действующего лютеранского храма, пасторы и активные прихожане были расстреляны или сосланы³⁹⁷. Обрядовая жизнь переместилась в домашнее пространство. Невзирая на строгий запрет властей, в финских селениях Мурманской области люди продолжали праздновать Рождество. По воспоминаниям С. Локко, готовились к празднику основательно: «Забивали скот, варили и коптили колбасы, окорока, рыбу, из замороженного впрок молозива делали пресный сыр-юуусто, привозили хранившиеся в родниках бочонки с морошкой и, конечно же, наряжали рождественскую елку»³⁹⁸. О соблюдении религиозных традиций в семье рассказала, в частности, информант б, у которой отец — лютеранин, мать — православная. В этой семье, пока был жив отец, религиозные праздники отмечали по григорианскому календарю: *«Рождество отмечали двадцать пятого декабря, у нас ёлка была, игрушек тогда никаких не было, сами мастерили, из бумаги клеили. Папа всегда считал за большой праздник»*. Родители приглашали в гости соседей, устраивали застолье с музыкой: *«У отца была скрипка. Потом он вторую сам сделал. Та скрипка была как игрушечка. Папа играл на скрипке, а сосед Палтонен на гармошке»*. Исследователи отмечали, что многие американские финны увлекались игрой на музыкальных инструментах³⁹⁹. Подобные семейные праздники способствовали укреплению родственных и соседских взаимосвязей, подтверждали общность семейных традиций.

В период Второй мировой войны на оккупированных советских территориях финские власти стали восстанавливать приходы. «Всех детей до 10 лет священники обязаны были крестить, без этого не выдавались продовольственные карточки». Насильственное обращение в лютеранство православных жителей было запрещено⁴⁰⁰.

³⁹⁷ Мусаев В. И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии.

³⁹⁸ Локко С. Жизнь уходила вместе с теплом // Мурманский вестник. 2006. № 33. 25 фев.

³⁹⁹ Суутари П. Музыка в жизни финских иммигрантов в Карелии // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 235.

⁴⁰⁰ Никулина Т., Киселева О. Противостояние СССР и Финляндии в годы Второй мировой войны: взгляд гражданского населения Карелии. С. 281.

Иногда крещение по православному образцу проводил лютеранский священник из-за недостатка православных священников.

После принятия в 1990 г. Закона «О свободе вероисповеданий» отношение к религии стало меняться⁴⁰¹. В первую очередь активизировалось возрождение финских лютеранских приходов на территории Ленинградской области (Ингерманландии)⁴⁰². В. И. Мусаев подчеркивает значение Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии «в консолидации российских финнов и в поддержании их этнического сознания»⁴⁰³.

В этот же период началось возрождение Мурманского лютеранского прихода. Приход лютеран города Мурманска и Мурманской области, в то время входивший в состав Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии, был зарегистрирован 27 ноября 1992 г. При этом у прихода не было собственного пастора, отсутствовало постоянное помещение для собраний. В 1999 г. в город Мурманск был направлен на постоянное служение Александр Волчок, окончивший семинарию церкви Ингрии в селе Колтуши Ленинградской области. В 2001 г. благодаря помощи Всенорвежской саамской миссии было приобретено приходское помещение. В 2007 г. в Мурманской области начал действовать лютеранский приход в поселке Ревда. В настоящее время оба прихода входят в Карельское пробство⁴⁰⁴. Согласно сведениям, полученным от информанта 25, фактически действует только один евангелическо-лютеранский приход в Мурманске, так как в Ревде нет пастора и там очень маленькая группа прихожан. Мурманский приход в декабре 2015 г. насчитывал 59 прихожан, из них только один (информант 25) с финской родословной. Было начато строительство храма. Средства на строительство поступают из Финляндии. Согласно сведениям, полученным от пастора города Мурманска, *«на данный момент в приходе где-то сто полноправных членов. Люди приходят не по национальному признаку, а узнав основы лютеранского вероучения, становятся членами прихода. Тем более что крещение у нас с православными и католиками едино. Национальный вопрос в религиозной жизни отходит в сторону»*⁴⁰⁵. Пастор не финн, службы проходят только на русском языке.

По свидетельствам информантов, в большинстве семей в прошлом соблюдались лютеранские традиции (1, 2, 4, 5, 6, 10, 11, 15, 20, 21, 25, 28, 31). Как правило, любая религиозно-ритуальная практика поддерживается в семьях

⁴⁰¹ Бардилева Ю. П. Этнические общности и религиозные группы на Кольском Севере. С. 44.

⁴⁰² Волчок А. Становление лютеранской церкви на Мурмане // Только Христос: портал. URL: ikmurmansk.ucoz.ru (дата обращения: 03.02.2015).

⁴⁰³ Мусаев В. И. Возрождение религиозной жизни российских финнов-лютеран в 1960–1990-х годах // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 168.

⁴⁰⁴ Дыба О. В. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии на территории России: Карельское пробство // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 160.

⁴⁰⁵ ПМА 2019 г.

старшими женщинами: бабушками или матерями⁴⁰⁶. Не исключение и финские семьи. По воспоминаниям информанта 2, бабушка была очень верующей и старалась пресечь атеистические высказывания внучек: *«Мы сестрой в детстве дразнили бабушку: “А Бога нет, Бога нет!” Бабушка злилась на нас»*. Такое поведение детей соответствовало условиям и требованиям государственной социализации. Семья же в данном случае в отношении религиозных традиций занимала позицию, альтернативную государственной. В семьях отмечали религиозные праздники по григорианскому календарю, и не только Рождество, традиция которого соблюдалась и в русских семьях, вопреки всем «антирождественским кампаниям»⁴⁰⁷.

В финских домах было принято «регулярное чтение Евангелия в семейном кругу»⁴⁰⁸, поддерживалась традиция пения молитв: *«Бабушка по воскресеньям надевала торжественную одежду, брала толстый молитвенник и пела на финском языке молитвы. В воскресный день она не работала»*⁴⁰⁹. В семье информанта 20 хранительницами религиозных традиций были тети, незамужние сестры матери: *«После революции ходили свободно за границу (на территорию Финляндии. — Е. Б.). Они в церковь туда ходили»*. Информанту от тетушек достался сборник псалмов, хранящийся в качестве семейной реликвии (рис. 68).

В семьях с другими культурными установками религиозные традиции не соблюдались. Информант 22 вспоминал: *«Родители были коммунистами и атеистами. Ну, раз они атеисты, значит, и я атеист»*. Аналогичная ситуация была в семье информанта 12: *«Не знаю почему, но бабушка была атеистом. И, кажется, она даже не была крещена»*. Именно поэтому, считает информант, никакие религиозные обычаи в семье не соблюдались. Сохранение традиций, в особенности религиозных, закономерно ассоциировано со старшими в семье, оно представляет их культурную роль. В целом же только в одной из рассмотренных семей бабушке удалось привить своим внукам устойчивую приверженность к лютеранской церкви (информант 2).

Лютеранские традиции информанты связывают, прежде всего, с соблюдением праздников по григорианскому календарю: *«Рождество двадцать пятого декабря отмечали»*⁴¹⁰; *«Рождество отмечали двадцать пятого декабря, у нас ёлка была»*⁴¹¹; *«Когда был жив отец, отмечали лютеранское Рождество»*⁴¹²; *«Отец всегда двадцать пятого декабря отмечал Рождество. И православное отмечал. Он всё отмечал»*⁴¹³; *«Рождество — большой праздник. Все дети очень ждут. Делать принято пирог из бруквы*

⁴⁰⁶ Чирин В., Кудрявцева А. 400 лет назад на территории Петербурга и Ленобласти поселились ингерманландские финны. Кто они и как сейчас живут их потомки // Бумага: интернет-газета. URL: <https://paperpaper.ru/photos/ingria-facts> (дата обращения: 21.11.2018).

⁴⁰⁷ Душечкина Е. В. Русская елка. История, мифология, литература. СПб.: ЕУ СПб, 2012. С. 234–235.

⁴⁰⁸ Лескинен М. В. Образ финна в российских популярных этнографических очерках... С. 182.

⁴⁰⁹ ПМА 2009 г. Информант 2.

⁴¹⁰ ПМА 2011 г. Информант 1.

⁴¹¹ ПМА 2009 г. Информант 6.

⁴¹² ПМА 2009 г. Информант 10.

⁴¹³ ПМА 2013 г. Информант 21.

лантулатикко. Потом обязательно индейку или курицу готовят. Свечи. Читаются молитвы из Библии, то место, где рождение Христа. Поются псалмы. Сейчас как раз Адвент с тридцатого ноября. У нас таких строгих постов нет, как у православных. Адвент — это ожидание рождения Иисуса Христа. Поются духовные песни»⁴¹⁴.

Информант 27 придерживается лютеранских традиций: «Мы венчались в Финляндии по лютеранскому обычаю» (рис. 74). Жена у него русская, родом из г. Кандалакши. «Мы с женой на Рождество всегда ездим к моим родителям в Финляндию. Это обязательно». Чувствуется, что информант проявляет настойчивость в сохранении родительских традиций, а жена ему не противится, чтобы сохранить спокойную семейную жизнь.

Рис. 74. Венчание информанта 27 по лютеранскому обычаю в Финляндии

Другие показатели религиозности — чтение домашних молитв на финском языке и посещение кирхи. Так, информант 2 бывает на службе в финской церкви в Санкт-Петербурге и Пушкине, когда у нее появляется такая возможность (лютеранская церковь в Пушкине была освящена 11 декабря 1977 г.⁴¹⁵).

С религиозной принадлежностью ассоциированы также ритуалы семейно-обрядового цикла. По рассказам информантов 1, 2, 25 и 27, в их семьях крещение осуществлялось по лютеранскому обряду: «У лютеран есть календари специальные, где указаны именные дни. Раз я тридцать первого августа родился, посмотрели, там — Арви. Вот так и назвали»⁴¹⁶; «Мама, когда мой сын был еще маленьким, пригласила какую-то религиозную бабушку, тогда пасторов не было, и она крестила сына по лютеранскому обычаю, читала над ним специальные молитвы»⁴¹⁷. В остальных семьях крещены по лютеранскому обряду были только

⁴¹⁴ ПМА 2014 г. Информант 25.

⁴¹⁵ Паас Т. Слушайте слово Господне // Церковь Ингрии. 1991. № 1 (О. И. Конькова и В. А. Кокко приводят дату 1976 г.).

⁴¹⁶ ПМА 2011 г. Информант 1.

⁴¹⁷ ПМА 2009 г. Информант 2.

или иначе, оцениваются представителями иноэтнических семей⁴²³: «Мы не пили и не ели на кладбище на Троицу, как русские. Стол накрывали дома»⁴²⁴.

По рассказам информантов можно судить о факторах, которые способствовали трансформации семейных религиозных практик. Одним из основных признается воспитание в духе атеизма. Семейная социализация уступала место общественной. Влияние официальной идеологии и атеистического образования в подавляющем большинстве случаев преодолевали семейные культурные традиции. Они либо существовали на правах «подпольных», либо уходили из бытования по мере эмансипации молодежи. Особенно это касается тех, кто воспитывался в детском доме (информант 4 и отец информанта 26). Вторым равным по силе действия фактором оказались браки с православными и атеистами. В отдельных случаях они приводили к принятию другой веры: «Православные, потому что жили с карелами»⁴²⁵; «Мама же учительницей была (карелофинка. — Е. Б.). Но икона у нас стояла всегда»; «Где живёшь, с тем и ведёшься»⁴²⁶.

В случае культурного расслоения семьи возможно совмещение традиций. В семье информанта 14 религиозные праздники отмечали «потихоньку» по юлианскому календарю, поскольку все в семье были православные, кроме бабушки. На публикуемой фотографии видна икона в красном углу, что подтверждает приверженность семьи православным традициям (рис. 76).

Рис. 76. Новогодний праздник в семейном кругу.
Крайняя справа — бабушка информанта 14, рядом с бабушкой — ее брат.
г. Апатиты, 1960 г.

⁴²³ Разумова И. А. Поминальные обряды: типология, сценарии, функционирование (на примере современных семей Кольского Заполярья) // Труды Кольского научного центра РАН. 2011. № 3 (6), вып. 2. Гуманитарные исследования. С. 12.

⁴²⁴ ПМА 2010 г. Информант 3.

⁴²⁵ ПМА 2010 г. Информант 7.

⁴²⁶ ПМА 2010 г. Информант 3.

В иных случаях, которые встречаются чаще, создание гетероэтнической семьи сопровождалось деактуализацией всего, что имеет отношение к религиозной сфере: «У меня родители разной веры, поэтому мы никаких праздников не отмечали. И я ничего не знаю»⁴²⁷; «Папа в церковь не ходил. Да и мама не ходила. Только когда постарше стала, стала молиться. А папа нет. Он никогда не говорил, что верю или что не верю. Он как-то нейтральным был»⁴²⁸.

По мере секуляризации семейной культуры соблюдение или несоблюдение церковно-религиозных норм было отдано на усмотрение бабушек. В гетероэтнических семьях, как и в моноэтнических, крещение детей осуществлялось почти исключительно по их инициативе: «Я крещен бабушкой (русской. — Е. Б.), когда маленьким был. Так что крестик у меня православный»⁴²⁹. Если семья не отказывалась от религиозности, практиковалось венчание по православному обряду. Так, информант 6 в интервью подчеркнула, что ее родители венчались. Предки информанта 25 венчались по лютеранскому обряду⁴³⁰.

Для потомков финнов факт принадлежности к лютеранству стал элементом семейной мемориальной культуры. Кто-то из информантов неплохо осведомлен о бытовавших в семье соответствующих ритуальных практиках (таких явное меньшинство), другие имеют поверхностные, фрагментарные знания. Вероисповедание в качестве маркера этнической культуры относится в семейное прошлое, характеризует веру предков. Сами информанты мотивируют культурные изменения в семьях по-разному. Одна из них вспоминала, что религиозные праздники «всё по-русски отмечали»⁴³¹, причем, только до войны, а потом «не с чего было» — из-за материальных проблем, переездов. Это может удивить, поскольку информант происходит из ингерманландской моноэтнической семьи (возможно, что-то путает в силу преклонного возраста). При этом тетка, которая ее воспитывала, отмечала праздники по лютеранским правилам («по-своему»). Сама информант в финской церкви никогда не была.

История культуры семей демонстрирует различия в религиозном поведении представителей разных поколений. По высказываниям информантов можно наблюдать такое известное явление, как усиление или даже обретение религиозности с возрастом. Оно касается старших в семье. Например, по воспоминаниям информанта 2, первоначально религиозных традиций придерживалась только бабушка, потом, по достижении старости, — мама, теперь и сама информант. Информант 25 является одним из инициаторов возрождения лютеранского прихода в Мурманске. Ее приход в лютеранскую церковь был обдуманным шагом. Она крестилась по православному обычаю вместе с родственницей в конце 1980-х гг., потом оказалась «на перепутье», когда в Мурманск стали приезжать проповедники всевозможных церквей и сект. В итоге выбрала евангелическо-лютеранскую церковь: «Протестантская церковь учитывает крещение по православному обычаю. Вообще, когда молодому человеку исполняется пятнадцать лет, он проходит обряд конфирмации, как бы сдает экзамен. Конфирмация — это путь во взрослую жизнь. Человек может выбирать, куда ему идти».

⁴²⁷ ПМА 2010 г. Информант 11.

⁴²⁸ ПМА 2011 г. Информант 18.

⁴²⁹ ПМА 2013 г. Информант 21.

⁴³⁰ Onella S. Muurmannin rannan luterilaiset. P. 107.

⁴³¹ ПМА 2013 г. Информант 20.

Отец информанта 19 был коммунистом, но *«перед тем как он ушел, он принял православную веру»*. Уход здесь означает смерть. Обретение веры является стереотипом поведения людей преклонного возраста. Он, во-первых, свидетельствует о том, что духовные проблемы становятся актуальными с приближением к порогу жизни, во-вторых, соответствует функции старшего поколения: быть носителями традиций. Данное явление обозначается Н. Б. Вахтиным как «регрессивное движение старшего поколения к консервативным, этнически специфичным формам духовной культуры»⁴³².

Поскольку большинство информантов родились и воспитывались в этнически смешанных семьях, они не могли получить соответствующего религиозного воспитания. В отрыве от исконных мест проживания в период атеистической пропаганды, гонений на церковь, когда лютеранские храмы повсеместно были закрыты, почти невозможно было получить религиозное воспитание. Традиции финской лютеранской церкви в семьях пытались сохранить прежде всего женщины, чаще бабушки, если таковые имелись. Следование тем или иным традициям зависело от культурно-политической лояльности семьи, ее ролевой структуры, преобладающего влияния тех или иных членов группы, стиля воспитания.

О. И. Конькова считает, что значимость лютеранства как этнодифференцирующего признака зависит от возраста опрашиваемых: половина пожилых информантов, по данным исследований в северо-западном регионе, сочли этот признак существенным, а молодые люди утверждали, что в настоящее время лютеранство не является важной чертой ингерманландской идентичности⁴³³. Что касается финнов, проживающих на территории Мурманской области, то в подавляющем большинстве они придерживаются православия или атеизма, даже информанты пожилого возраста. Это различие можно связать с особенностями протекания ассимиляционных процессов на разных территориях; в нашем случае сказывались, в первую очередь, удаленность от мест некогда компактного проживания финского населения, а также изменение поселенческого статуса, особенности социальной среды, скорость адаптации и ряд других причин.

Таким образом, вероисповедание не является безусловным показателем этнической самоидентификации. Только трое информантов придерживаются лютеранства (2, 25 и 27). В семье 2 это связано со строгим семейным воспитанием, которым занималась бабушка, соблюдавшая лютеранские традиции. В старости и мама информанта 2 стала постоянно читать молитвы по-фински. Сама информант, когда появляется такая возможность, ходит на службу в лютеранскую церковь, отмечает праздники по григорианскому календарю. Информант 25 является активной прихожанкой евангелическо-лютеранского прихода в Мурманске. Информант 27, родившийся в Финляндии, естественно, воспитывался в лютеранских традициях. Он не считает себя воцерковленным, однако традиции старается соблюдать, иногда бывает на службе и в Финляндии, и в Мурманске. Что касается других пяти информантов из моноэтнических ингерманландских семей, то информант 1, по всей видимости, далек от религии и был женат оба раза на русских; информант 3 в раннем детстве осталась без

⁴³² Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX в.: очерки языкового сдвига. С. 261.

⁴³³ Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. С. 41.

матери и бабушки, а папе было не до соблюдения религиозных традиций; информант 4 — круглая сирота, воспитывалась в детском доме в духе атеизма, что исключило семейную культурную преемственность. В семье родителей информанта 5 лютеранские традиции соблюдались, а в собственной семье уже игнорировались, поскольку главой семьи был русский муж, примерно такая же ситуация в семье информанта 20. Здесь сказались оба фактора: советское атеистическое воспитание и браки с русскими.

Среди членов семей информантов встречаются представители разных конфессий, например иудеи (в семье информанта 2 родственники проживают в Израиле) и члены запрещенной в России организации «Свидетели Иеговы» (в семье информанта 13 родственница проживает в Финляндии).

Можно сделать вывод, что сохранность финских религиозных традиций зависела, в первую очередь, от культурной политики семьи, которая, в свою очередь, определялась совокупностью объективных и субъективных факторов. Вероятность, что обе родительские стороны представлены лютеранами, в рассматриваемой нами этнической ситуации чрезвычайно мала, так же как и переход атеистов или православных в лютеранство под влиянием иноверных членов семьи. Конфессиональные противоречия чреваты семейными конфликтами, потому имеют тенденцию сглаживаться, если семья хочет сохранить себя как единство. Главными факторами, повлиявшими на утрату лютеранских традиций, следует признать советское антирелигиозное воспитание, социальное окружение, тип брака и личную заинтересованность в определенной культурной идентификации. Однако, несмотря на возросший интерес к своим этническим корням, приверженность лютеранству сохранили лишь единицы.

3.4. Материальная культура как этнический маркер

При изучении истории семей финского происхождения и культурных трансформаций, которые они испытывали, большое значение имеет рассмотрение материальных аспектов жизнедеятельности. В первую очередь, акцент делался на те черты материальной культуры, на которые указывали сами информанты как на этнически специфические. Материальная культура народа — это все то, что «составляет этнически маркированный предметный мир повседневной жизни»⁴³⁴.

Необходимо отметить, что в настоящее время каких-либо отличительных этнических особенностей в быту практически не наблюдается. Только в памяти информантов старшего поколения сохранились воспоминания о прошлом устройстве жилищ, быте и хозяйственной деятельности. Одновременно наше внимание было обращено к особенностям материальной культуры финнов, описанных в других исследованиях. Компаративный анализ позволил установить существенные различия между материальными комплексами финнов-ингерманландцев и финнов — выходцев из северных районов Финляндии.

Подавляющее большинство предков информантов были крестьянами, за исключением семей 12, 22 и 36. В послереволюционный период родители информантов 2 и 10 стали жителями Ленинграда, горожанами.

⁴³⁴ Сулейманова О. А. Жилая среда и семейная культура: проблематика и направление исследований // Кольский север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 79.

Жилище, хозяйство. Большинство ингерманландцев до периода массовых переселений проживали в деревнях. Н. Н. Харузин отмечал у ингерманландцев такой характер расселения, который свойствен сельским общностям ряда других народов и регионов: «В настоящее время часто встречается, что целый небольшой поселок заселен одной фамилией и даже носит название этой фамилии»⁴³⁵. Именно из таких деревень родом информант 1 и отец информанта 24 (их фамилии совпадают с названием деревни). Н. Н. Харузин обращал внимание на характерную скученную планировку финских деревень, но отмечал, что чем ближе находилась финская деревня к русским селениям, тем больше заметно сходство между ними⁴³⁶. Различие наблюдалось в крестьянском подворье: у ингерманландцев хозяйственные постройки не отделялись от жилого дома.

Э. Г. Карху так описывает ингерманландский дом первой половины XX века: бревенчатый сруб ставили на каменный фундамент из валунов или известняковых плит, обшивали вагонкой и красили масляной краской⁴³⁷ (рис. 77, 78). Старейший из информантов вспоминал, как в самом начале 1930-х гг. его родители строили дом у себя на родине в Ленинградской области: «У отца с матерью была лошадь ломовая, жеребёнком выращенная. Мощная такая была, как трактор. Могла вагон тянуть. Эта лошадь, конечно, очень сильно помогала в хозяйстве. Отец с матерью построили дом на каменном фундаменте. Причем вдвоём. Что поразительно! Только лошадь вот эта была, которая возила»⁴³⁸. В его рассказе чувствуется оправданная гордость за своих родителей.

Рис. 77. Дом предков информанта 24 в Ленинградской области

⁴³⁵ Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов. М.: Товарищество А. А. Левинсон, 1895. С. 35.

⁴³⁶ Там же. С. 31, 37.

⁴³⁷ Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. С. 128–129, 131.

⁴³⁸ ПМА 2011 г. Информант 1.

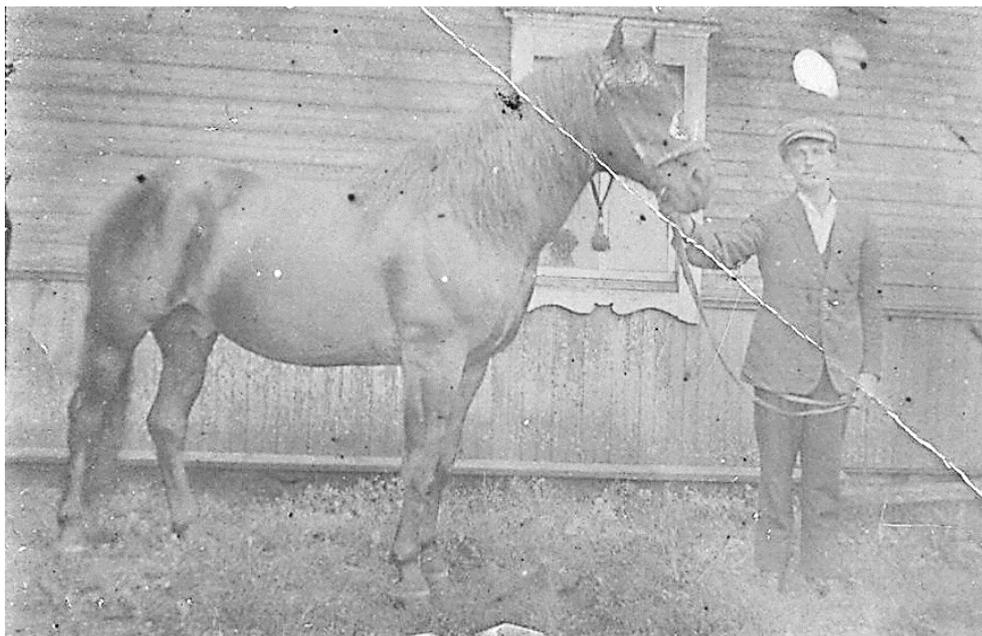

Рис. 78. Брат бабушки информанта 14 у дома в деревне Rivalinmaki Куйвозовского (Всеволожского) финского национального района Ленинградской области, 1927 г.

С. В. Лурье отмечает, что для финнов характерна гордость за то, что они единолично благодаря упорному труду побеждают трудности и преобразуют природу. Она пишет: «Финн осознает себя борцом-одиночкой, обязанным всем самому себе и рассчитывающим на собственные силы»⁴³⁹.

Информанты, независимо от того, выходцами из какого региона являлись, отмечали, что дома строили такие же, как у соседей. Так, информант 7 вспоминала родительский дом в Карелии в 1930-е гг.: «У нас дом пятистенный был, там дома большие, пятистенные в Карелии. У нас много было живности. Всё у нас было».

Совсем иной родительский дом в поселке Зашеек (недалеко от города Полярные Зори) описывает информант 8: «Дома были небольшие. Не как в Карелии бывают, двухэтажные. А у нас маленькие одноэтажные — две комнаты». У информанта 7 и у информанта 8 отцы — финны, а матери — карелки. Информант 27 (родом из Северной Финляндии) также отметил: «Когда бабушка в сорок четвертом опять была в эвакуации, она всё переживала, что немцы дом сожгут. А дом был маленький совсем, всего тридцать квадратных метров». Таким образом, в домостроении придерживались локальных традиций, причем отмечались различия именно в размерах домов.

Что касается структуры поселений, то на юге (на побережье Белого моря) преобладали компактные населенные пункты (например, Княжая Губа), жители которых, в том числе и финны, занимались в основном рыболовством (рис. 79). В отличие от Ингерманландии, сруб в Княжой Губе (как и в Карелии) не обшивали вагонкой и строили дома с высоким крыльцом (рис. 80).

⁴³⁹ Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания. С. 91.

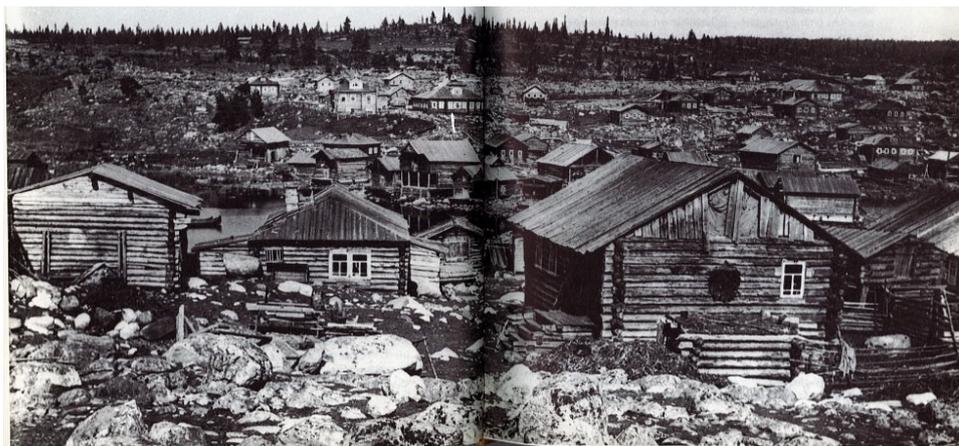

Рис. 79. Княжая Губа, 1915 г. Белой стрелкой указан дом С. Рантасуо (родной сестры бабушки информанта 35), фото финского фольклориста, этнографа А. О. Вайсянена. Фотография предоставлена информантом 35

Рис. 80. Бабушка информанта 35 (справа) около дома своей сестры С. Рантасуо (слева). Княжая Губа, 1934 г.

На рисунке 81 — дом, который *«отец построил своими руками в Княжой Губе, когда ему было 30 лет (строительство продолжалось с 1959 по 1961 гг. — Е. Б.) на самом берегу Белого моря. А когда недавно во время ремонта снимали полы в коридоре, обнаружили доску-половицу, на которой на обратной стороне его рукой написан год постройки и то, что он строит его для детей. Это, конечно, для меня была находка! Дом бревенчатый, пятистенка»*⁴⁴⁰. Данный пример еще раз подчеркивает, что финны, как правило, были хорошими мастерами.

Рис. 81. Родительский дом информанта 35. Княжая Губа

На северо-западе Мурманской области (как и в Финляндии) преобладал хуторской тип поселения⁴⁴¹ (рис. 52). Н. В. Воленс так описывает финские колонии: «Каждая усадьба окружена своими сенокосами. Усадебные постройки по всему Мурману деревянные, землянки встречаются очень редко и только у недавно переселившихся финских хозяйств»⁴⁴². Хуторское расселение сохранялось до коллективизации.

Финские колонисты в качестве первого строительного материала для жилья использовали торфяные кубики. Землянка обогревалась печкой из дикого камня⁴⁴³.

Ведение хозяйства финнами было необычным для русских колонистов. Финны, прежде всего, строили хлев для скота, потом амбар, приобретали снасти, судно и только потом ставили себе избу (этим объясняется обилие землянок в финских колониях)⁴⁴⁴ (рис. 53).

Жизнь была непростой для переселенцев — хижины из дерна/торфа были заменены деревянными домами только в 1880-х гг.⁴⁴⁵ Экономист-аграрник Н. В. Воленс, участвовавшая в экспедициях в 1920–1922 гг., описывает уже иной

⁴⁴⁰ ПМА 2017 г. Информант 35.

⁴⁴¹ Суни Л. В., Яловицина С. В., Такала И. Р. Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове. С. 523.

⁴⁴² Воленс Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство. С. 16–17, 21.

⁴⁴³ Локко С. П. Финны на Мурмане. С. 232.

⁴⁴⁴ Финны на Мурмане // Кольский Север. Энциклопедический лексикон: сайт. URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php> (дата обращения: 14.01.2016).

⁴⁴⁵ Nyyssönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 210.

облик финских колоний: «Усадебные постройки по всему Мурману деревянные, землянки встречаются очень редко и только у недавно переселившихся финских хозяйств»⁴⁴⁶. Торф использовали также вместо дров, поскольку леса на побережье не было: «Мама говорила, что когда они не ловили рыбу, то они собирали торф, складывали кирпичами, сушили, на зиму заготавливали, дров-то не было»⁴⁴⁷. Подобным образом пришлое население адаптировалось к местным природным условиям.

Д. А. Золотарев в 1920-х гг. так описывал колонию Белокаменку (оттуда происходят семьи информантов 21 и 23): «Белокаменка — большая колония, основанная в 1895 году. Финны — 18 хозяйств (70 чел.). В хозяйствах достаточно хорошие жилые и хозяйственные постройки»⁴⁴⁸. Финны, живущие на побережье, занимались морскими промыслами, ловили в основном треску, пикшу, сайду⁴⁴⁹. Рыбная ловля была основным жизнеобеспечивающим занятием и средством выживания финского поселения на побережье арктического моря. Преимущественно это была прибрежная рыбалка. На западном побережье промышленная глубоководная рыбалка с траулерами началась в конце 1930-х гг.⁴⁵⁰

Наряду с традиционными промыслами (рыболовством, охотой и оленеводством) сельское хозяйство было вспомогательным средством жизни⁴⁵¹. Сельское хозяйство было создано в этом районе финскими поселенцами, и состояло оно в основном из мелкомасштабного скотоводства. Финны разводили овец и коров, выращивали картофель и кормовые культуры⁴⁵². Колонистов Западной Лицы огородничеству научили финские агрономы из Каккари⁴⁵³. А. П. Энгельгардт обратил внимание на то, что мурманские колонисты, несмотря на суровые климатические условия, «содержат достаточное количество скота, поскольку по берегам рек встречаются хорошие луга»⁴⁵⁴. Путешественники из Финляндии также отмечали наличие хороших лугов вдоль рек (в частности, вдоль реки Уура⁴⁵⁵). Каждая семья финских колонистов обязательно держала хотя бы одну корову. Иногда разводили овец и кур⁴⁵⁶.

В районе рек Лотта, Нота, Тулома финны занимались речным рыболовством, а также животноводством и немного земледелием. В конце 1936 г. завершилось строительство Туломской ГЭС, которое привело к исчезновению

⁴⁴⁶ Воленс Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство. С. 16–17, 21.

⁴⁴⁷ ПМА 2015 г. Информант 28.

⁴⁴⁸ Золотарев Д. А. На Западно-Мурманском побережье летом 1928 г. С. 19.

⁴⁴⁹ Путеводитель по Северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая Земля. Печора). С. 95.

⁴⁵⁰ Nyussönen J. The Finnish Presence on Murman Coast... P. 219–220.

⁴⁵¹ Там же. С. 217.

⁴⁵² Юрченко А. Ю. Этнические аспекты колонизации побережья Баренцева моря в середине XIX — начале XX веков. С. 6; Киселев А. А. Финны на Мурмане // Полярная правда. 1989. № 57. 11 марта.

⁴⁵³ Степаненко А. М. Расстрелянная семья. С. 13.

⁴⁵⁴ Энгельгардт А. П. Русский Север: путевые записки. С. 68.

⁴⁵⁵ Ervasti A. V. Suomalaiset jaameren rannalla: Matkamuistelmia. P. 64.

⁴⁵⁶ Локко С. П. Финны на Мурмане. С. 226, 254; ГАМО в г. Мурманске, Ф. 162. Оп. 1. Д. 348. Л. 10, 11.

семги⁴⁵⁷. Финские переселенцы из районов Сала и Соткоярви Улеаборгской губернии, обосновавшиеся в Ёне, «разводили коров, овец, оленей. Занимались также рыбной ловлей и охотой»⁴⁵⁸. Финны жили обособленно, своими национальными общинами: «Финны на одном берегу речки, а саамы на другом»⁴⁵⁹.

В 1920-х гг. финны селились вдоль Мурманской железной дороги, в том числе на станции Имандра и разъезде Белый (ныне город Апатиты). Как отмечал А. Хордикайнен, финские переселенцы применяли «комбинированный характер ведения хозяйства»: сочетание специфических саамских элементов хозяйства, таких как оленеводство, рыболовство, охота, с южными элементами — молочным скотоводством и огородничеством. Такой продуктивный метод ведения хозяйства способствовал успешной адаптации финнов на новом месте⁴⁶⁰.

Внутреннее убранство в домах кольских финнов было значительно скромнее, чем у ингерманландцев, многое было сделано своими руками. С. Локко пишет в своих мемуарах: «Печную трубу складывали из плоского дикого камня. Мебель, как и повседневная посуда, были самодельные: стол вытесывался из плах сосны, миски изготавливались из березового капа, ложки были деревянные и металлические, посуда из бересты. Фарфоровая посуда использовалась как праздничная и занимала почетное место в доме. На стене висели медвежья шкура, ружье. Утварь дополняли инструменты и прялка. Также в быту использовались туохконтти — плетеные котомки из бересты. В отличие от ингерманландцев, в каждом доме кольских финнов были охотничьи лыжи»⁴⁶¹ (рис. 54).

Говоря о бытовых традициях финнов, российские авторы всегда подчеркивали чистоплотность, а также отмечали честность представителей финского народа⁴⁶². Эти признаки устойчиво ассоциируются с финнами, становясь стереотипами их этнографического описания. А. П. Энгельгардт так описывает быт финской колонии Ура-Губа: «Во всех домах нас особо поразили опрятность и порядок как внутри домов, так и снаружи. В самой бедной хижине стены, пол, посуда, мебель носили следы самой заботливой чистоты, полы были устланы папоротником, на стенах развешаны картинки, на окнах занавески; женщины были одеты опрятно, так же и дети, которые не смотрелись, как обыкновенно в деревнях, неумытыми, нечесаными замухрышками. В каждом доме мы находили шкаф с книжками и даже газеты. В каждом дворе есть несколько коров. Крошечные хлевы, в которые приходилось входить согнувшись, содержатся в безукоризненном порядке и ежедневно по несколько раз

⁴⁵⁷ Маслаков Н. И., Ковалевский В. К. От Соловков до Кировска // Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: ООО «Апатит-Медиа», 2012. С. 302.

⁴⁵⁸ ПМА 2015 г. Информант 30.

⁴⁵⁹ ПМА 2015 г. Информант 29.

⁴⁶⁰ Хордикайнен А. О колонизационных особенностях Приимандровского района // Вестник Карело-Мурманского края. 1926. № 17. С. 10–11.

⁴⁶¹ Локко С. П. Финны на Мурмане. С. 222, 225, 226, 255.

⁴⁶² Заднепровская А. Ю. Культура народов Санкт-Петербургской губернии (по материалам отечественной периодики XIX в.) // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах: сб. науч. ст. СПб.: АРТ-ЛЮКС, 2002. С. 38; Лескинен М. В. «Финская честность» в российской научно-популярной литературе XIX в. С. 34.

вычищаются»⁴⁶³. До деталей похожее описание той же колонии встречается у Д. Н. Островского⁴⁶⁴. Информант 28 вспоминала: *«Мама рассказывала, насколько у них было чисто. Они заходили в хлев, у них дорожки такие были, домотканые, они по дорожкам идут, переодеваются и начинают доить. Все животные были ухожены, чистенькие»*.

Баня. Большинство информантов, описывая сельский быт, вспоминали баню. Баня как тип постройки — неотъемлемый признак финской культуры, и она имеет все основания для мифологизации⁴⁶⁵. Однако, как отмечает И. Ю. Винокурова, несмотря на то что баня занимала существенное место в быту финнов, «исследователи приоритет ее появления относят к культуре новгородских словен и кривичей»⁴⁶⁶. Баня ассоциируется с мытьем как важной частью быта и, соответственно, с чистотой. Финны не могут себе представить дом без бани. Информант 5, вышедшая замуж за русского из Брянской области, с удивлением рассуждала: *«Когда я в семидесятых поехала в Брянскую область, там нет бань! Они просто грели воду на печке и мылись в доме в тазиках. И сейчас так. Как без бани жить?»*

Для бани существовала своя утварь. Так, информант 7 вспоминала банные традиции 1930-х гг. в родительской семье: *«Отец у нас мылся только в деревянной посуде. У него была лоханка, кадик назывался. Мочалки он делал сам из лыка сосны»*. Мужчины и женщины у финнов мылись вместе, что обычно отмечается представителями народов-соседей, особенно русскими, как их этническое отличие. С появлением нового культурного опыта, например, в результате межэтнического брака, возникает рефлексия и, как следствие, переосмысление традиционно-бытовых установлений своего народа, которые ранее воспринимались как данность: *«В баню мы ходили, конечно, всей семьей. Не обращая внимания ни на мужчин, ни на женщин. А потом, когда я выросла, замуж вышла, думаю, интересно, как же я ходила в баню вместе с мужиками? Внимания не обращала»*⁴⁶⁷.

Таким образом, в типах поселений и жилых строений прослеживались локальные традиции и некоторые из информантов имеют о них представление. Сам факт, что те или иные особенности акцентируются или даже просто упоминаются в рассказах, свидетельствует об их этнолокальной маркированности.

Пища. Будучи неотделимой от хозяйственного комплекса в целом, традиционная пища в большой степени связана с природными условиями и жизнеобеспечивающими занятиями, поэтому у народов, проживающих по соседству, она во многом совпадает. Как убедительно показала Р. Ф. Никольская, «финская кухня в основе своей близка к карельской, что объясняется соседством

⁴⁶³ Энгельгардт А. П. Русский Север: путевые записки. С. 124–125.

⁴⁶⁴ Путеводитель по Северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая Земля. Печора). С. 103.

⁴⁶⁵ Харузин Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов. С. 25–26.

⁴⁶⁶ Винокурова И. Ю. Банные обряды жизненного цикла человека в вепском культурном ландшафте // Труды КарНЦ РАН. 2012. № 4. Гуманитарные исследования. С. 58.

⁴⁶⁷ ПМА 2010 г. Информант 7.

территорий и сходством природно-климатических условий»⁴⁶⁸. У финнов-ингерманландцев, как и у их русских соседей, были распространены пироги, супы, каши, молочные продукты. «Квасили капусту в бочках, заготавливали солонину». Основные продукты — овощи, молочные продукты, мясо — производились в своем хозяйстве⁴⁶⁹.

Не отмечая каких-либо существенных особенностей финской кухни, при ответе на прямой вопрос информанты все-таки указывали на некоторые гастрономические пристрастия. Как правило, эти особенности были отнесены в прошлое и связывались с детскими воспоминаниями: «Прежде всего, это молочные продукты. Например, в овощной суп добавляли молоко. Бабушка любила соленый творог с картошкой»⁴⁷⁰; «У нас корова была. Простокваша всегда на столе была. Папа нам разрешал песок сыпать, а сам подсаживал»⁴⁷¹; «Бабушка готовила марьён пурэ — это манная каша с ягодами»⁴⁷².

Интервью с выходцами из разных финских этнических групп подтверждают, что молочные продукты были распространены повсеместно, так же как крупяные и мучные блюда. Обязательное пасхальное блюдо — густая каша *mätmi*⁴⁷³ (молочный ржаной пудинг). Главным кушаньем на Рождество у ингерманландцев был запеченный свиной окорок. Дополняли праздничный стол винегрет, студень, пироги⁴⁷⁴. Э. Г. Карху вспоминал: «К традиционным блюдам ингерманландских крестьян относится овсяный кисель. Его готовили впрок в большом количестве и могли есть целую неделю в холодном виде. Подобно мясному студню, застывший овсяный кисель разрезали на куски, поливали растительным маслом. Пироги в ингерманландских семьях подразделялись на будничные и праздничные. Будничные пеклись из ржаного теста с овощной начинкой, а праздничные пироги пекли из пшеничной муки обычно со сладкой начинкой»⁴⁷⁵. А вот как описывает информант 5 кулинарные традиции родительской семьи: «Всё время были ягодные кисели. И пироги с ягодой и картошкой. А рыба почему-то не прижилась».

Для финнов, проживающих на севере, более характерна пища, близкая карелам и саамам, — рыба и дичь: «Папа коптил крупную сельдьку. Он плёл корзины с лучины с ручками, как ванночки детские, потом укладывал в эти корзины сельдьку, потом мы рвали крапиву, листочки, и обкладывали копченую сельдьку, потом опять ряд сельдьки, потом крапивы»⁴⁷⁶; «Делали такие рыбники — рыба в тесте. Курник назывался. Делали такой домик из теста, а туда клали рыбу, много рыбы, не как в пироги»⁴⁷⁷; «Пироги рыбники, ягодники из северных

⁴⁶⁸ Никольская Р. Ф. Карельская и финская кухня. С. 215.

⁴⁶⁹ Заднепровская А. Ю. Ингерманландские финны. С. 537.

⁴⁷⁰ ПМА 2009 г. Информант 2.

⁴⁷¹ ПМА 2009 г. Информант 6.

⁴⁷² ПМА 2016 г. Информант 33.

⁴⁷³ Чистяков А. Ю. Ингерманландские финны XVII — начало XX вв.: история и этническая культура: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1998.

⁴⁷⁴ Заднепровская А. Ю. Ингерманландские финны. С. 537.

⁴⁷⁵ Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. С. 134.

⁴⁷⁶ ПМА 2009 г. Информант 6.

⁴⁷⁷ ПМА 2010 г. Информант 7.

ягод»⁴⁷⁸. Перед Рождеством забивали оленей, поэтому «главными деликатесами праздничного стола были олени языки и, конечно, семга»⁴⁷⁹.

Информант 27 сам готовит блюда северной финской кухни, например оленину и уху из семги на молоке. Отец информанта 29 не признавал борщи, которые варила его русская жена: «Он говорил: “Что это за трава!” Он варил себе оленину с крупой». Кольские финны пекли из ячменной муки пресный тонкий хлебец ризскалэйпя с отверстиями в центре, чтобы можно было его нанизать на жердь и повесить сушиться под потолком у печи (Р. Ф. Никольская предлагает несколько иной рецепт этого хлеба)⁴⁸⁰.

Из напитков большинство информантов отмечали традиционный для финнов кофе. В воспоминаниях некоторых информантов о детстве есть этнически значимая деталь — как «доставали» кофе: «Ходили мы с отцом гнать серу от сосны (смолу. — Е. Б.) и меняли эту серу на кофий у финнов. А граница у нас недалеко была финская. Они оттуда шли, а мы меняли на кофий. Взрослых не пускали, а нам отец говорил: “Идите, меняйте на кофе”»⁴⁸¹; «Бабушка рассказывала, что зимой они ездили на санях в Финляндию “попить кофию”»⁴⁸²; «Когда мы стали жить немножко получше, мама стала себе покупать кофе в зернах. Она его сушила в духовке. И вот она заваривала этот кофе, я запах до сих пор чувствую. Единственная роскошь, что она себе позволяла»⁴⁸³.

К обрядовым напиткам относилось пиво. До начала 1930-х гг. на праздники «варили домашнее пиво из ячменного солода»⁴⁸⁴. На севере был распространен чай из березовой чаги, а также «хвойный напиток, компенсирующий недостаток витаминов»⁴⁸⁵.

В целом знания и представления информантов о традиционной финской пище соответствуют их собственному и семейному опыту, особенно в тех случаях, когда это был опыт сельской жизни. В то же время можно предположить и влияние стереотипов: финская кухня и у самих финнов, и у народов-соседей устойчиво ассоциируется с кофе, а у наиболее осведомленных еще и с тем историческим фактом, что «финны снабжали Петербург молочными продуктами».

Одежда. Этнознаковая функция одежды присутствует лишь в памяти информантов старшего поколения. По мнению информантов, финны одевались обычно, как и окружающие. Вместе с тем информанты отмечали отдельные особенности: «Папа носил сапоги с загнутыми носами. Папа сам шил сапоги из кожи»⁴⁸⁶. Речь идет о пьексах — финских сапогах с загнутым носом для крепления лыж⁴⁸⁷ (рис. 82).

⁴⁷⁸ ПМА 2015 г. Информант 28.

⁴⁷⁹ Локко С. Жизнь уходила вместе с теплом.

⁴⁸⁰ Локко С. П. Финны на Мурмане. С. 222; Никольская Р. Ф. Карельская и финская кухня. С. 272.

⁴⁸¹ ПМА 2010 г. Информант 7.

⁴⁸² ПМА 2017 г. Информант 35.

⁴⁸³ ПМА 2015 г. Информант 28.

⁴⁸⁴ Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. С. 134.

⁴⁸⁵ Локко С. П. Финны на Мурмане. С. 212, 261.

⁴⁸⁶ ПМА 2010 г. Информант 7.

⁴⁸⁷ Локко С. П. Финны на Мурмане. С. 213; Липатов П. Б. Финские солдаты в зимних боях // ВикиЧтение: сайт // История. URL: <https://history.wikireading.ru> (дата обращения: 17.02.2019).

Рис. 82. Пьексы. Источник: <https://www.livemaster.ru/topic/2054395-natsionalnyj-kolorit-finskogo-rozhdestva>

Одежду шили в домашних условиях: «Выращивали лён, и мама шила на машинке “Зингер” одежду. Мама работала в Ленинграде в няньках. Когда она выходила замуж, ей хозяин дал в приданое машинку. Вот она потом на ней и шила. У меня рубаха такая длинная была. А сестра старшая пряла»⁴⁸⁸.

В предвоенные и военные годы швейная машинка высоко ценилась, ее наличие свидетельствовало о достатке и благополучии семьи. Она считалась хорошим приданым. При переселении использовалась любая возможность забрать ее с собой⁴⁸⁹. Многие свидетельствуют о том, что эта вещь спасла семью в тяжелые годы: во-первых, она «одевала» домашних; во-вторых, давала женщинам возможность дополнительного заработка; наконец, ее можно было продать, так как спрос на этот предмет был велик.

Занятие рукоделием было распространено среди финнов. Информант 2 вспоминала, что ее бабушка перед чтением Библии надевала белый платочек и передник с кружевами, при этом информант подчеркнула, что шили и вышивали сами.

В целом же представления наших информантов об отличиях материального комплекса финнов не вполне конкретны. Скорее, в их рассказах можно ощутить известную ностальгию об основательном хозяйстве, в котором многое делалось собственноручно и добротнo.

У некоторых информантов из числа спецпереселенцев, а также у их потомков на всю жизнь осталась обида на советскую власть. О. А. Сулейманова обращает внимание на то, что «у этой категории переселенцев связь с малой родиной более выражена. Их потомки выросли на ностальгических воспоминаниях о том, где и как они жили, какой имели дом, какое большое было

⁴⁸⁸ ПМА 2010 г. Информант 7.

⁴⁸⁹ Сулейманова О. А. Багаж переселенцев (к вопросу о жизни вещей в культуре) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 7. С. 28.

хозяйство»⁴⁹⁰. Ярко иллюстрирует такое отношение пример, когда информант 11 в самом начале нашей беседы в первую очередь показала документ, в котором перечисляется имущество их зажиточной семьи (рис. 12).

У локальных групп финнов прослеживаются известные различия в материальной культуре, связанные, прежде всего, с различиями хозяйственно-культурных комплексов. Если ингерманландцы до выселения на Кольский полуостров имели у себя на родине хозяйственно-бытовой уклад, сходный с укладом соседних русских деревень, то у мурманских финнов быт был отчасти схож с карельским (в южной части региона) и саамским (на севере). Финские колонисты привнесли свою модель природопользования, включавшую в себя как промысел, так и занятие скотоводством и огородничеством. А. Ю. Юрченко справедливо отмечает, что именно «универсальность хозяйственной деятельности позволила финским переселенцам добиться успехов в освоении Мурмана»⁴⁹¹.

Несмотря на все жизненные перипетии, семьи стремились сохранить привычный образ жизни: *«Родители, когда в Карелии жили, скотину держали. Они же от земли. Какими мы были глупыми. Нам можно было остаться жить в Петрозаводске, но родители не представляли себе жизнь без земли. Поэтому поехали в лесопункт»*⁴⁹²; *«Я раньше на даче свиней держала, кроликов. Это у меня в крови»*⁴⁹³.

В связи с изменением рода деятельности менялся бытовой уклад финских переселенцев. Как отмечает О. А. Сулейманова, в «иноэтнической среде неизбежно происходит трансформация материальной культуры»⁴⁹⁴. Новая среда вызывала необходимость адаптации. Хозяйственно-бытовой уклад спецпоселенцев закономерно трансформировался в силу изменения вида занятости и перехода к урбанизированному быту. Одновременно усиливалась стандартизация образа жизни. На родине ингерманландцы были крестьянами, а в Хибинах стали рабочими. Кольские финны до репрессий конца 1930-х гг. сохраняли свой традиционный уклад.

В конечном итоге скорость и направленность трансформационных процессов определялись «коллективными судьбами» разных категорий финских семей, в том числе обстоятельствами и временем переселения их на Кольский полуостров. В частности, для успешной адаптации финские переселенцы стремились, насколько это было возможно, сохранить при себе предметы, которые относили к семейным реликвиям, а также вещи, привычные и удобные в обиходе. Во многих семьях до сих пор хранятся предметы утвари или вещи, привезенные ими с малой родины и сделанные руками близких: *«У мамы были связаны шторы крючком с такими витушками. Они говорят, вот фашистские*

⁴⁹⁰ Сулейманова О. А. «Новые горожане» Кольского Севера: вещевое поведение переселенцев из сельской местности // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6 (19), вып. 4. Гуманитарные исследования. С. 39.

⁴⁹¹ Юрченко А.Ю. Этнические аспекты колонизации побережья Баренцева моря... С. 9.

⁴⁹² ПМА 2010 г. Информант 5.

⁴⁹³ ПМА 2010 г. Информант 7.

⁴⁹⁴ Сулейманова О. А. Истории переселения на Кольский Север: материально-бытовые проблемы этнических мигрантов // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. № 1 (12), вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 41.

знаки сделаны. Они у меня и сейчас лежат где-то. У меня еще прялка была. Я недавно эту прялку, ножная такая, соседке по даче отдала. Как с глазами плохо стало, так отдала»⁴⁹⁵.

Из вещей, подчеркивающих этническую принадлежность, в некоторых семьях сохранились лишь церковные книги на финском языке: «У нас молитвенник маленький такой есть. А у сестры Библия финская, Евангелие сохранивши»⁴⁹⁶. Со временем и они утрачивались как вещи, в которых нет надобности. Встретился очень интересный случай ритуального расставания со священной книгой: «Когда одна пожилая финка умерла, мама читала молитвы по-фински, а потом положила молитвенник в гроб в ноги. Сказала, что всё равно никто после неё не будет читать молитвы, никому молитвенник не нужен»⁴⁹⁷. Сама информант с грустью осознает неизбежную утрату материнской культуры.

В заключение можно сказать, что в послевоенное время активно происходила аккультурация финнов. Не осталось никаких специфических черт в одежде, да и ранее они практически отсутствовали. Трудно заметить какие-либо этнические особенности в жилище, интерьере, утвари. Единственное, в чем можно отчасти усмотреть наличие бытовых финских традиций, — это пища. У потомков финских переселенцев до сих пор принято печь пироги, варить кисели и пить кофе: «Мы еще изредка пили чай, а отец у нас вообще не пил. Он даже чайник не давал, чтобы заваривать чай, где он варил кофе, он сказал: “Чтоб я там чаю не видел”. Только кофе пили. Я и сейчас кофе много пью»⁴⁹⁸.

Таким образом, у современных семей с финскими корнями общерегиональные черты культуры преобладают над этноспецифическими. В настоящее время в городских квартирах и поселковых домах наших информантов, с бытовой обстановкой которых удалось познакомиться, можно наблюдать отсутствие каких-либо примет, свидетельствующих о финском прошлом семьи, за исключением хранящихся в некоторых семьях вещей-реликвий.

3.5. Этническая самоидентификация

Этническая идентичность — это чувство принадлежности к «своему» миру: отождествление себя с определенной культурой. Этническая общность самоопределяется через противопоставление себя «другим», осознание и переживание внутригрупповой солидарности и отличий от прочих групп по комплексу признаков и с помощью «мифа об общем происхождении»⁴⁹⁹. Этническая идентификация представляет форму социальной организации культурных отличий. Идентичность рассматривается как результат процесса идентификации. Поскольку самоидентификация — это процесс, то с течением

⁴⁹⁵ ПМА 2010 г. Информант 7.

⁴⁹⁶ ПМА 2013 г. Информант 20.

⁴⁹⁷ ПМА 2010 г. Информант 7.

⁴⁹⁸ ПМА 2010 г. Информант 7.

⁴⁹⁹ Манаков Н. Г. Культурные границы и идентичность (на примере Северо-Запада Европейской России) // Идентичность и география в постсоветской России: сб. науч. ст. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 121; Тишков В. А. О феномене этничности. С. 12–13.

времени при формировании этнической идентичности возможна ее трансформация под воздействием различных факторов. Поскольку идентичность относительна и незавершена, интерес представляют процессы ее динамики, трансформаций, связанные с изменениями этнического самоопределения⁵⁰⁰.

Как правило, этническая идентичность (или этничность) базируется на языке, культуре, религии, историческом прошлом, территории и генеалогии⁵⁰¹. Однако большинство информантов существуют как минимум в двух культурах, поэтому нередко в случае прямого вопроса у них возникает затруднение с определением собственной этнической принадлежности.

Этничность формируется под воздействием конкретных социальных, политических и культурных факторов. Пореформенный период характеризуется повышенным интересом представителей тех или иных этносов к своим историческим корням. Не исключение и финны. Дети от национально-смешанных браков обычно с рождения оказываются в нестабильной этнической обстановке, обусловленной двуязычием, симбиозом культур. В подавляющем большинстве случаев вступление в национально-смешанный брак не отражается на идентичности самих брачующихся, однако этническая ориентация детей в таких семьях становится весьма затруднительной.

В 1920-е гг. впервые в советских паспортах появляется графа «национальность»⁵⁰². В документах эта графа определяла не гражданство, а официальную этническую принадлежность в зависимости от этнического происхождения. А. К. Байбурин обращает внимание, что «согласно первоначальным правилам паспортизации, введенной в СССР в начале 1930-х гг., при получении паспорта допускался свободный выбор национальности, однако впоследствии он стал ограничиваться национальностью одного из родителей»⁵⁰³. В национально-смешанных семьях дети чаще всего при самоопределении выбирали этническую принадлежность того родителя, который идентифицирует себя с титульным народом (нацией) и/или доминирующей культурой, у которой более высокая репутация. Выбор большей частью ориентируется на социально-культурный статус и престиж, что не исключает действия других важных факторов, в том числе семейных: прямого влияния отдельных членов семьи, личной к ним привязанности и т. п. Учитывая, что в конце 1930-х гг. финны сталкивались с серьезными проблемами из-за своей этнической принадлежности, многие старались указать в графе «национальность» «русский/русская». Как полагал один из теоретиков социальной идентичности Г. Тэджфел, социальное сравнение является одним из механизмов формирования социальной (в том числе и этнической) идентичности. Позитивные аспекты идентичности, ощущение

⁵⁰⁰ Grossberg L. Identity and Cultural Studies — Is That All There Is? // Questions of cultural identity. P. 89.

⁵⁰¹ Дробужева Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность. С. 10; Соколовский С. В. Идентичность: предложения к расширению антропологической программы исследований // Проблемы национального единства и идентичности в контексте мирового опыта. М.: Институт этнологии и антропологии, 2016. С. 2, 13.

⁵⁰² Байбурин А. К. Советский паспорт: история — структура — практики. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.

⁵⁰³ Козлов В. И. Национальности СССР (этнодемографический обзор). С. 230–231.

ценности принадлежности к определенной группе приобретают значение лишь при сравнении с другими социальными группами⁵⁰⁴.

Следует отметить, что начальный этап советского периода во многих семьях ознаменован фактами фальсификации семейных документов (заменой имен, фамилий, уничтожением фотографий) в связи с необходимостью скрывать свою принадлежность к кулакам, репрессированным, неблагонадежным: *«Дедушка со своими родственниками никогда не общался и про свою семью никогда не рассказывал. Он всегда скрывал, что он финн. Когда кто-нибудь из родственников начинал дедушку расспрашивать, то он злился, говорил: “Не ваше дело”. И бабушке запрещал рассказывать. Боялся, наверное»*⁵⁰⁵; *«Мама не любила говорить на эти темы. Сами знаете, какое отношение было. Если мама в последние годы и пыталась что-нибудь рассказывать, то сразу начинала плакать, так тяжело ей было всё это вспоминать»*⁵⁰⁶; *«Те, у кого была финская национальность, старались тогда это не афишировать. Всех записывали или карелы, или русские»*⁵⁰⁷; *«У меня национальность в паспорте — саами, даже в семидесятых годах, видимо, был у мамы страх за будущее, помню, что уговаривали, чтобы я была саами»*⁵⁰⁸; *«Мама свою русскую фамилию не меняла. Видимо, не хотела носить папину финскую фамилию»*⁵⁰⁹. Это привело к тому, что далеко не все знают своих родственников дальше бабушек и даже родителей. Так, информант 26 только после смерти отца узнал о том, что тот — финн: *«При жизни отец ничего не говорил. Он говорил, что из детдома, родителей не помнит. Когда он после войны получал паспорт в Виннице, сказал, что родился в Виннице, придумал себе фамилию, отчество»*.

Чтобы адаптироваться к сложившимся условиям, финны стали применять различные тактики: изменяли фамилии и имена, переезжали на новое место жительства. Разнообразные примеры подобной адаптации подтверждаются информантами. Так, информант 8 не возражала, когда ее фамилию произносили на «украинский лад», т. е. делали ударение не на первом слоге, как принято в финских фамилиях, а на последнем (Х...кó). Бабушка информанта 9 после расстрела мужа в 1938 г. поменяла финскую фамилию мужа себе и детям на свою девичью карельскую. Мать этого же информанта изменила свое финское имя Тайми. Со своей стороны, индивид и семья могут представить обществу ложную биографию, а истинную оставить фактом приватной жизни. Перемена имен и особенно фамилий — широко практикуемый способ спрятаться от государства, «превратиться в другого». «Смена документа помогает скрыть любое нежелательное обстоятельство и личность как таковую, благодаря чему можно добиться преимуществ»⁵¹⁰.

⁵⁰⁴ Tajfel H., Turner J.C. The Social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. Chicago, 1986. P. 167.

⁵⁰⁵ ПМА 2011 г. Информант 16.

⁵⁰⁶ ПМА 2010 г. Информант 13.

⁵⁰⁷ ПМА 2017 г. Информант 35.

⁵⁰⁸ ПМА 2016 г. Информант 34.

⁵⁰⁹ ПМА 2010 г. Информант 11.

⁵¹⁰ Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи. С. 319.

Дети из межэтнических семей «склонны к манипулированию этнической принадлежностью в зависимости от конкретной ситуации»⁵¹¹. Об этом свидетельствуют практики выбора национальности и фамилии: «Дочь у меня даже записана в паспорте, тогда можно было выбирать, как русская»⁵¹²; «У меня в свидетельстве о рождении написано отец — К...нен Н. Э., а мне фамилию мама дала свою карельскую. Моя мама была умной женщиной. Предпочитала на эту тему не говорить. И я никогда никому ничего не говорила. Мне запрещено было»⁵¹³. Мать лишь незадолго перед смертью рассказала дочери, кто ее отец. Этот страх сохранился у многих финнов старшего поколения, что объясняется психологической травмой, нанесенной российским финнам в период сталинских репрессий. Подобные ситуации встречаются во многих финских семьях.

Даже если семья не подвергалась репрессиям, проблемы из-за этнической принадлежности возникали на бытовом уровне: «Меня во дворе почему-то дразнили белофинкой. Было очень обидно... Учительница в школе никак не могла правильно прочитать мою фамилию. А я стояла перед классом и краснела»⁵¹⁴.

В постсоветское время ситуация кардинально изменилась. Начиная с 1990-х гг. отмечается всплеск этнического самосознания. Это связано с принятием Закона РСФСР № 1107 «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. и Постановления Верховного совета Российской Федерации «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г. Как следствие, некоторые представители семей с финской родословной стали идентифицировать себя как финны. Этничность покоится на социальных основаниях, а социальным категориям свойственно меняться, в течение жизни человек может даже переменить народ⁵¹⁵. Как пишет Н. Б. Вахтин, люди «переопределяют» себя, если им это покажется полезным или если обстоятельства вынудят их к этому⁵¹⁶. Манипулирование этничностью — одна из хорошо известных тактик поведения. В современном мире повсеместно наблюдается рост этнического самосознания, сопровождающийся повышением интереса к историческому прошлому своего народа. Это закономерная антиглобализационная тенденция. В определенных условиях и ситуациях опора на этническое предоставляет известные преимущества. Для современных представителей семей с финской родословной восстановление и утверждение этнической принадлежности предшествующих поколений рода является не только духовной потребностью. При самоидентификации информанты, особенно молодые, склонны отыскивать у себя финские корни, так как наличие этих корней сулит определенные выгоды, в первую очередь, возможность выехать в Финляндию на постоянное место жительства. Тем более что «в 1989 году Финляндия вошла в Совет Европы, а в 1995 году была принята в Европейский Союз. Соответственно, разрешен безвизовый въезд граждан ЕС

⁵¹¹ Змеева О. В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. С. 8.

⁵¹² ПМА 2011 г. Информант 1.

⁵¹³ ПМА 2018 г. Информант 36.

⁵¹⁴ ПМА 2009 г. Информант 2.

⁵¹⁵ Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. СПб.: П. Э. Т., 1996. С. 153.

⁵¹⁶ Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX в.: очерки языкового сдвига. С. 248.

в любую из его стран»⁵¹⁷. Если в советское время было выгоднее идентифицировать себя как русский/русская, то в постсоветский период прагматичнее быть финном/финкой, чтобы обеспечить себе и детям стабильное будущее.

В реальной жизни этническое самоопределение не всегда совпадает с официальной идентификацией, что подтверждают исследования⁵¹⁸. Несмотря на длительно насаждавшуюся фиксированную этническую идентичность, для многих графа «национальность» в паспорте не совпадала с самовосприятием его обладателя. Это относится и к нашим информантам. В период Карело-Финской Советской Социалистической Республики (с 1940 по 1956 гг.) «в этнической номенклатуре СССР существовал “карело-финский” народ»⁵¹⁹. Такая национальность была указана в документах у представителей семей 18, 31, 33 и 36 из смешанных финно-карельских семей. Безусловно, финны и карелы — близкородственные этнические общности, но при всем том они имеют ряд значительных культурных различий и, главное, отграничивают себя друг от друга. Административное объединение народов часто вызывало неопределенность самоидентификации. В настоящее время информанты 18 и 31 идентифицируют себя как финки.

Для детей из межэтнических семей характерна биэтническая, или амбивалентная, идентичность. Например, в советское время информант 13 считала себя русской. Однако в настоящее время у нее двойственная (биэтническая) идентичность, что еще раз подтверждает процессуальную сущность этнической самоидентификации, а также возможности трансформации и наличие проблемы определения этничности под влиянием социальной среды.

Амбивалентная идентичность выражается в том, что человек затрудняется идентифицировать себя однозначно⁵²⁰: *«Ответить сложно, кто я по национальности. Мама родилась от финки и саама, бабушка — чистокровная финка. Моего отца разыскиваю, возможно, русский. С детства общалась на финском, так как жива была бабушка. Тогда кто я? Без понятия»*⁵²¹.

Дети могут иметь этничность, отличающуюся от родительской. Некоторые информанты идентифицируют себя как русские даже если у них совсем нет русской крови. В частности, выявился случай (информант 24), когда дочь отца-финна и матери-белоруски идентифицирует себя как русская, хотя в паспорте *«была записана как белоруска»*. Информант 36 также идентифицирует себя как *«русская, советская я»* (отец — финн, мать — карелофинка). Объясняется это тем, что информанты воспитывались среди русскоязычного окружения, русской культуры. Заслуживающий внимания факт: этническое переопределение у родственницы информанта 2 произошло после смены ею

⁵¹⁷ Шлыгина Н. В. Проблемы самоидентификации финнов в современной литературе // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 133.

⁵¹⁸ См., напр.: Скоробогатая А. А. Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие в Северной Башкирии. М.: ТЕИС, 2008. С. 71.

⁵¹⁹ Русский Север в исторической динамике... С. 137.

⁵²⁰ Швец Л. П., Русанова В. К. Молодежь Карелии в поисках этнической идентичности: проблемы и парадоксы // Молодежь Карелии в пространстве этнического самоопределения и межэтнической коммуникации: сб. ст. Петрозаводск: КГПУ, 2007. С. 67.

⁵²¹ ПМА 2016 г. Информант 34.

вероисповедания: «Она, когда училась в Ленинграде, влюбилась в одного еврея. Но у них ничего не сложилось. Приняла иудаизм, взяла еврейское имя. Выучила иврит. Считает себя еврейкой, хотя в советском паспорте была записана русской по отцу» (мать у нее финка). Ее старший внебрачный сын, рожденный еще в Ленинграде от отца-курда, под влиянием матери также стал ортодоксальным иудеем.

Степень сохранения финской идентичности в значительной степени зависит от культурной политики семьи, оказавшейся в конкретных социально-исторических условиях, от личной мотивации самого человека и уже затем от внешних обстоятельств, окружающей социальной среды⁵²². Именно семья как транслятор культурных традиций определяет, какую стратегию избрать: отказаться от коренной этничности в целях самосохранения, во что бы то ни стало сохранять этничность, сопротивляясь культурному давлению извне, или встать на путь частичной ассимиляции. В свою очередь, на культурную политику семьи влияют внутрисемейные факторы: ее состав, структура, распределение семейных ролей, отношение власти и другие. На этническую идентификацию влияет также то, какую фамилию и имя имеет человек. Влияние исторической травмы сказывается на практике имянаречения, поэтому выбор имен для детей изменяется во времени⁵²³. Так, детям, рожденным в послевоенное время, не принято было давать финские имена. Сейчас положение изменилось. Внуки финнов стали давать своим детям финские имена, как, например, у внуков (или внучатых племянников) информантов 25, 30 и 5. В собственной семье информанта 5 сложилась другая ситуация. Ее дочь хотела, чтобы в паспорте в графе «национальность» было записано «финка»: «Но папа сказал: “Какая ты финка, ты русская”. У нас был спор. Ну и, в общем, она русская. У нас всегда лидировал папа». В данном случае на выбор этничности повлиял авторитарный патриархальный тип распределения властных отношений в супружеской семье. Это один из важных факторов этнической идентификации детей.

Большинство информантов, не ограничиваясь общезнающей этнической идентификацией, акцентировали внимание на своем субэтническом происхождении. Это подтверждает, что этнолокальный фактор оказывает влияние на этническую идентификацию⁵²⁴. На взаимосвязанный характер идентичности и территории обращают внимание и финские исследователи⁵²⁵. Подобную ситуацию А. В. Черных и М. С. Каменских отметили и среди белорусских переселенцев Пермского края⁵²⁶. Различия между финскими группами учитываются в соответствии с территорией исхода. Например, практически все информанты ингерманландского происхождения отделяют себя

⁵²² Разумова И. А. Культурная политика современной российской семьи... С. 66–86.

⁵²³ Винер Б. Е. Выбор имен детей в этнически смешанных и несмешанных семьях в Ленинграде // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3. С. 142.

⁵²⁴ Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, № 1 (5). С. 55.

⁵²⁵ Häkli J. Cultures of demarcation: territory and national identity in Finland // Territory and the Discursive Landscape of Finland / ed. by Herb Guntram and Kaplan David. Tampere: Rowman & Littlefield, 1999. P. 124.

⁵²⁶ Черных А. В., Каменских М. С. Этнодисперсные группы народов Пермского края... С. 103.

от прочих финских групп: «Мы — ингерманландцы. Мой дедушка, отец отца, и мать жили в деревне Аньялово Куйвозовского (Парголовского) района Ленинградской области. Там жили фактически одни финны»⁵²⁷; «Дедушка — крестьянин Гатчинского уезда. Ингерманландцы — русский вариант финского инкери»⁵²⁸; «У меня родители — ингерманландцы. А почему нас чухонцами всё время называют?»⁵²⁹; «Папа — ингерманландец из Кингисеппского района Ленинградской области»⁵³⁰. Четко обозначали своих предков по этнотерриториальному признаку потомки финских колонистов Мурманского берега, американских и красных финнов: «Бабушка из финских колонистов. Она родилась на полуострове Рыбачий»⁵³¹; «Предки со стороны матери были в числе первых колонистов Ура-Губа. А папа у меня родился в Ваенге»⁵³²; «Родители мамы в революционные годы границу перешли. Они из красных финнов, из Хельсинки»⁵³³; «Отец прибыл в СССР из Америки в тысяча девятьсот двадцать втором году легальным путём»⁵³⁴; «Моего папу привезли родители из Америки в трёхлетнем возрасте»⁵³⁵; «Они (бабушка и дедушка. — Е. Б.) из американских финнов, тогда много американских финнов приезжали в Кондопогу. Они мигрировали из Кливленда, штат Огайо»⁵³⁶; «Мой папа приехал сюда из Канады»⁵³⁷. Таким образом, налицо преобладание субэтнической идентичности над общеэтнической.

Этническая общность имеет свои собственные культурно-исторические основания для самоопределения при всем том, что набор этих оснований ограничен известным кругом представлений. На уверенности в общих культурных свойствах базируется солидарность группы. Для представителей финнов Мурманской области язык, вероисповедание, материальная культура не являются основополагающими маркерами этнической принадлежности в силу глубоких ассимиляционных процессов — результата переселений и государственной социализации. Самым значимым объединяющим их признаком в советский период и в настоящее время стало осознание общей исторической травмы, причастности к репрессированному народу. Рассматривая современные этногенетические мифы, В. А. Шнирельман указывает, что «общий исторический опыт, который объединяет группу и претворяется в коллективное переживание («коллективную память»), отличает ее от других подобных групп и составляет важную часть ее мифа о происхождении»⁵³⁸. Можно сказать иначе, что миф о происхождении в самоидентификации этнической общности замещается ее исторической памятью, которая предполагает осознание своей особой

⁵²⁷ ПМА 2010 г. Информант 5.

⁵²⁸ ПМА 2009 г. Информант 10.

⁵²⁹ ПМА 2010 г. Информант 4.

⁵³⁰ ПМА 2015 г. Информант 32.

⁵³¹ ПМА 2013 г. Информант 19.

⁵³² ПМА 2014 г. Информант 25.

⁵³³ ПМА 2014 г. Информант 22.

⁵³⁴ ПМА 2009 г. Информант 6.

⁵³⁵ ПМА 2011 г. Информант 18.

⁵³⁶ ПМА 2015 г. Информант 26.

⁵³⁷ ПМА 2018 г. Информант 36.

⁵³⁸ Шнирельман В. А. Миф о прошлом и национализм. URL: http://semitology.lugovsa.net/elephants/myth_of_past.htm (дата обращения: 04.11.2015).

причастности, в том числе в лице своих предков, к известным историческим событиям. Речь идет о том, что «коллективная память» охватывает лишь те события прошлого, которые обладают высокой ценностью для данного сообщества и служат идеологической основой групповой идентичности. Производя определенный отбор, память делает акцент на тех событиях или ситуациях, которые подчеркивают этнические границы, отличают «своих» от «других» и «чужих». Обычно это конфликты, войны, переселения, значимые межкультурные контакты и т. п. Более же всего такой цели служит образ коллективной травмы (голод, эпидемия, поражение в войне, геноцид), который заставляет группу особенно остро ощущать свою уникальность и способствует ее солидарности⁵³⁹. В памяти народа, как правило, сохраняются события, которые выступают фактором сплочения, но, вместе с тем, нередко они же и разделяют его с другими народами. Они становятся символическими, вокруг них мобилизуются идеологемы либо ущерба, либо героического прошлого. И очень часто разные народы оценивают их по-разному. Например, по-разному оцениваются сталинские депортации. При всем том, что депортации, репрессии относятся к процессам общенационального масштаба, они имеют и этнический профиль. Если русские, белорусы и многие другие народы воспринимают их в общем ряду с иными социально-историческими потрясениями, то российские финны относятся к числу этнических общностей, идентификация которых связана с историческим маркером «репрессированный народ». Причастность к репрессированному народу осознается благодаря семейной истории, не говоря уже о собственном биографическом опыте человека, и этот атрибут единства может оказаться сильнее, чем признак религиозной и даже языковой принадлежности. Работа с информантами позволяет сделать вывод, что чем лучше усвоена история семьи и предков, основу которой во всех рассмотренных случаях составляет травма переселения и репрессий, тем в большей степени осознается и переживается «финскость». Историческая травма является объединяющим фактором и для других репрессированных этносов, например немцев, калмыков, чеченцев. В частности, на это указывает Э. М. Гучинова: «Депортация для калмыков стала глубокой коллективной травмой, важным фактором самосознания народа»⁵⁴⁰. Аналогичное суждение и у М. С. Савоскул относительно российских немцев: «В ходе депортаций и «благодаря» этим переселениям формировалась общая этническая идентичность, возникало осознание единства их судьбы»⁵⁴¹.

В ходе исследования было выявлено, что этническая идентичность информантов чаще всего базируется на этничности родителей, историческом прошлом, территории. Однако объединяющим и доминирующим признаком

⁵³⁹ Шнирельман В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Брилл Олкотт, И. Семенова. М.: Гендальф, 2001. С. 12–33.

⁵⁴⁰ Гучинова Э. М. Вынужденные переселения и этническое самосознание: на примере этнополитической истории калмыков в XX веке.

⁵⁴¹ Савоскул М. С. Судьба российских немцев в XX веке: связь истории и географии (этапы миграции по данным переписей населения 1897–2000-е гг.) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: мат-лы XIII междунар. науч. конф. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 504.

российских финнов является причастность к репрессированному народу, которая осознается благодаря семейной истории. И если ранее на фоне травмирующего опыта репрессий 1930–1940-х гг. и негативного отношения к себе окружающих финны старались скрыть свою этническую принадлежность, то в последние десятилетия ситуация стала кардинально меняться.

Все более интенсивные миграции приводят к тому, что привычные основания для самоидентификации личности претерпевают ряд трансформаций. С одной стороны, наблюдается неизбежное смешение вновь прибывших с местным населением. Ассимиляция происходит как на быденном уровне, так и на уровне ритуально-праздничной культуры. С другой стороны, наблюдается желание сохранить свою культуру. Различные этнические культуры вынуждены адаптироваться к новым условиям, чтобы мирно сосуществовать, и происходит непрерывный процесс трансформации соседствующих культур посредством заимствований и взаимного обмена (аккультурация). Таким образом, дети мигрантов, особенно если они рождены от смешанных браков, «в большей мере, чем их родители усваивают новую культуру и становятся ее представителями»⁵⁴². Из наших тридцати шести информантов восемь происходят из моноэтнических финских семей (1, 2, 3, 4, 5, 20, 25, 27) и двадцать восемь — из гетероэтнических семей (6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36). Финнами считают себя все восемь информантов из моноэтнических семей (1, 2, 3, 4, 5, 20, 25, 27) и одиннадцать из гетероэтнических (6, 7, 8, 12, 16, 18, 21, 28, 30, 31, 32); русскими — девять (10, 11, 14, 15, 17, 24, 26, 33, 36); карелами — двое (9, 22); информант 29 — саами, у двух (13, 19) — биэтническая идентичность и у трех (23, 34, 35) — амбивалентная идентичность (рис. 83).

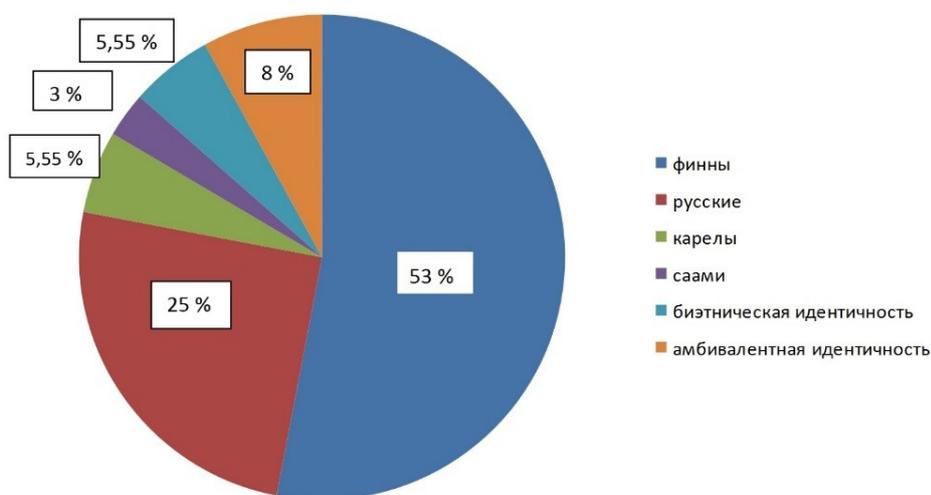

Рис. 83. Этническая самоидентификация информантов

⁵⁴² Ласточкин А. А. Динамика культурной идентичности в условиях глобализации // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: мат-лы 5-й междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 44–45.

В настоящее время «финскость» более всего проявляется в финно-карельских семьях. Несмотря на то что у некоторых потомков финской крови весьма мало, все они знают о своих финских корнях, интересуются историей рода, некоторые этнически причисляют себя к финнам. Часть из них предполагает переехать на постоянное жительство в Финляндию: *«Я замуж вышла, фамилию не поменяла, оставила свою. У меня и дочка под моей фамилией. И муж хочет мою финскую фамилию взять»*⁵⁴³. Этот случай является ярким примером манипулирования этнической идентификацией. Таким образом, политические преобразования оказывают влияние на этническую идентификацию представителей семей с финно-угорской родословной. Однако не все информанты финского происхождения хотели бы уехать в Финляндию: *«Мне много раз предлагали покинуть страну. Только зачем мне ехать? Я человек русской культуры»*⁵⁴⁴. Информант 5 считает, что *«там заново всё надо начинать, а ради чего?»*

Таким образом, из поколения в поколение при смешении с другими народами в иноэтническом окружении и вслед за социально-политическими переменами закономерно и, вместе с тем, в разных семьях по-разному происходит не только постепенная утрата финской идентичности, но и постоянное этническое переопределение по различным культурным и социально-историческим дифференцирующим причинам.

⁵⁴³ ПМА 2011 г. Информант 16.

⁵⁴⁴ Хуттунен А. И. Земля Кольская. Мурманск: Радица-М, 2003. С. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В истории и культуре края финны занимают свое особое место, они имеют собственный голос в полиэтническом «многоголосии» региона. Финнов можно с полным правом относить и к старожилам Кольского полуострова, и к переселенцам. Активная колонизация Кольского Севера (под патронажем царского правительства) относится к 1860-м гг. Тогда, спасаясь от голода на родине, выходцы из Северной Финляндии (Улеборгской губернии) расселились по западному побережью Баренцева моря, вдоль реки Тулома, т. е. в приграничной материковой части Кольского уезда. В районе Йона-Бабинского погоста финские переселенцы появились чуть ранее — в 1840-х гг. Финские поселения по многим признакам отличались от становищ, где жили представители других этнических и локальных групп, с которыми они объединяются в общность «колонистов Мурмана». Так появилась этнолокальная группа «финские колонисты». Она оставалась единственной финской общностью на территории Кольского Севера до 1920-х гг.

В 1930-е гг. финское население на Кольском полуострове значительно увеличилось за счет насильственно переселенных раскулаченных ингерманландцев. Вместе с выходцами из Северной Финляндии (бывшими колонистами) они составили большинство финнов Мурманской области в предвоенный период. С миграционными потоками добровольных и вынужденных переселенцев к ним добавились выходцы из южных районов Финляндии и потомки американских финнов. Таким образом, финское население Мурманской области представляет четыре локальные группы. Люди, имеющие финскую родословную и проживающие в настоящее время на территории Мурманской области, осознают свою принадлежность к ним в большей или меньшей степени. У некоторых информантов, с которыми мы встречались, этническая идентификация в качестве финнов вполне определена (таких чуть больше половины), у других она менее устойчива. При этом независимо от степени причастности к финской культуре во всех случаях идентификация опирается на твердую документированную историю рода и семьи и на семейную память, формирующуюся и поддерживаемую в родственных общностях.

Процессы модернизации в первой половине XX в. закономерно приводили к ломке старых сельских устоев, размыванию этнокультурной самобытности финнов, которая основывалась на традиционных моделях хозяйствования, привычном образе жизни на освоенной территории, родном языке, вероисповедании и т. д. и поддерживалась этнической эндогамией. Это процессы глобального масштаба, в них вовлечены все этнокультуры, но условия, характер их протекания и последствия различны у разных народов и для разных этнических и локальных культур. В XX в. историю российских финских семей на протяжении нескольких поколений определяли такие социально-исторические и политические факторы, как революция и гражданская война (и в России, и в Финляндии), коллективизация, репрессии конца 1920–1930-х гг., депортации по признаку инонационалов в годы Второй мировой войны. Именно эти исторические обстоятельства, а точнее — социальные потрясения, привели к дисперсному расселению финнов и, как следствие, к межэтническим бракам,

ускоренной и экстремальной адаптации к инокультурному окружению, резкому сокращению численности.

Проведенное исследование подтверждает, что вклад финнов, принадлежащих к различным локальным группам, в хозяйственное и культурное освоение Кольского Севера был весьма значительным. Представители всех групп участвовали в формировании и работе колхозов на Крайнем Севере. Ингерманландцы принимали активное участие в строительстве индустриальных центров отнюдь не по доброй воле, но со свойственной им как бывшим крестьянам и в силу этнических традиций добросовестностью и ответственностью. Используя знание языка (когда это было нужно и возможно), а также другие семейные и личные культурные ресурсы, представители финских семей пополняли ряды местной интеллигенции. Большинство российских финнов в советский период проявили политическую лояльность. Естественно, что некоторые представители раскулаченных и репрессированных семей латентно сохраняли крайне негативное отношение к советской власти.

Начиная с 1940 г. финское население Мурманской области резко сократилось в связи с депортацией по национальному признаку. В дальнейшем наблюдается постепенное уменьшение численности финнов, прежде всего, вследствие культурной ассимиляции, усиления тенденции к панмиксии и этнического переопределения, которое происходило, в частности, по причинам социально-статусным и психологическим (национальность по паспорту). В постсоветский период сокращение численности происходит преимущественно из-за эмиграции финнов в Финляндию и в целом соответствует общей демографической направленности — оттоку населения из региона.

В ходе работы несложно было заметить, что информанты, в том числе молодые, не только знают о своих финских корнях, но и интересуются историей рода. Многие из них рассматривают этническую идентификацию как врожденную, наследственную характеристику человека. Если в советский период финны склонны были скрывать свое этническое происхождение, то в последнее время наблюдается противоположная тенденция, когда некоторые представители семей с финскими корнями стали подчеркивать свое происхождение, даже если, например, финном в роду информанта был только дед. В каждом отдельном случае выстраивается соответствующая аргументация для доказательства причастности к финнам. Данное обстоятельство нередко служит инструментом для достижения практической цели, связанной с желанием переехать на постоянное жительство в Финляндию. В то же время финская реидентификация — часть общего антиглобалистского процесса: в противовес культурной унификации представители этнических общностей настаивают на своей самобытности, отличительных свойствах.

Следует отметить, что как утрата, так и актуализация финской идентичности в семьях происходят по-разному. Значение, которое придается этнической идентификации, степень ее переживания и выраженности зависит, в первую очередь, от таких субъективных факторов, как культурная политика семьи и личная мотивация человека, а уже потом от внешних обстоятельств и окружающей социальной среды. В настоящее время финская идентичность более всего проявляется в финно-карельских семьях. Это объясняется тем, что финны и карелы являются близкородственными народами.

По результатам исследования определились некоторые способы адаптации представителей финских семей и к естественным, природным условиям Крайнего Севера, в которых они налаживали хозяйство, и к социально-политическим обстоятельствам, требовавшим особых тактик выживания. Что касается приспособления к природе, то еще первые колонисты начали, например, применять торф в качестве строительного материала и топлива. Кроме того, финские переселенцы использовали комбинированный способ ведения хозяйства: и рыболовство, и охоту, и скотоводство, и огородничество, что также способствовало успешной приживаемости на новой территории. В социальном отношении, чтобы не подвергаться дополнительным гонениям и сохранить жизнь, в советский период использовались различные виды эскапизма: намеренное снижение социального статуса, переезды в отдаленные населенные пункты, изменение паспортных данных, женщины вступали в брак с русскими.

Рассмотрение элементов традиционной культуры, которые обычно являются основанием этнической идентификации финнов и в ряде случаев упоминались в качестве характерных финских особенностей потомками финских семей, подтвердило, что язык, вероисповедание и тем более показательные детали материальной культуры не являются основными идентификаторами этнической принадлежности. Так, из девятнадцати информантов, идентифицирующих себя как финны, знают финский язык в той или иной степени лишь десять. Только трое из них исповедуют лютеранство.

Причастность к родственной общности, отождествляемой с финнами, играет более существенную роль при этнической самоидентификации. Имеют значение также этнолокальный и миграционный факторы: учитываются различия между группами финнов в соответствии с территорией исхода. Сравнительная оценка материальных комплексов различных финских групп показала существенные различия между ними: хозяйственно-бытовой уклад финнов в северной части региона имел общие черты с саамским, на юге — с карельским, а быт ингерманландцев на родине до выселения был схожим с укладом соседних русских деревень.

В итоге мы приходим к заключению, которое согласуется с выводом О. И. Коньковой, сделанным в отношении ингерманландцев по результатам полевых исследований на территориях некогда компактного их расселения, о том, что «одним из главных признаков единства ингерманландских финнов является историческая судьба»⁵⁴⁵. Изучение финских семей Мурманской области, генеалогически связывающих себя с четырьмя этнолокальными общностями, дает все основания полагать, что для российских финнов основным идентификатором этнического единства является категория «репрессированный народ». Общий негативный исторический опыт объединяет российских финнов, осмысливается и переживается как отличие если не от всех, то от многих других народов. Причастность к репрессированному народу осознается благодаря семейной истории, и этот признак единства оказывается сильнее, чем признак религиозной и даже языковой принадлежности. В истории семьи ключевая роль отводится репрессиям. Эта тема стала лейтмотивом во всех интервью, несмотря на то что опросный инструмент изначально совсем не был на ней сфокусирован.

⁵⁴⁵Конькова О. И., Кокко В. А. Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры. С. 40.

Каждый информант, излагая семейную историю, как правило, акцентировал внимание на репрессиях, направленных на конкретных родственников, а представители самого старшего поколения, которые были непосредственными участниками и свидетелями тех событий, рассказывали об опыте их переживания.

Изучение истории финских семей Мурманской области, жизненных траекторий и семейных воспоминаний тех, кто относит себя к их потомкам, не только еще раз показало драматизм семейных судеб в российской истории XX в. и немалый потенциал семьи в отношении адаптации к меняющимся, в том числе критическим, социально-историческим условиям. Оно продемонстрировало также возможности поддержания этнической культуры за счет ее реидентификации благодаря специфическим культурным ресурсам родственной общности.

В целом изучение особенностей идентификации, этнического развития, этнокультурной адаптации этнодисперсных групп, проживающих в отрыве от основной массы этнической общности, за пределами территории и этнической родины, является одним из актуальных направлений исследований этнографической и исторической науки. Начиная с 1990-х гг. и до настоящего времени в российском обществе и семьях наблюдается рост интереса к семейной истории и материнской культуре, что дает дополнительное основание восполнить исследовательскую лакуну в изучении финского населения региона. Эта книга не итог, но продолжение исследований финских семей и их потомков, которые волею судьбы оказались тесно связаны с Кольским Севером.

ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

Государственный архив Мурманской области в г. Кировске (ГАМО в г. Кировске). Фонд Р-71. Кировский районный Совет депутатов трудящихся. Оп. 2. Д. 47. Л. 48, 61; Д. 50. Л. 84; Д. 61. Л. 25.

Государственный архив Мурманской области в г. Кировске (ГАМО в г. Кировске). Фонд 10. Отдел образования Хибинского горисполкома (1934–1935 гг.). Оп. 1. Д. 3. Л. 6, 8, 33, 37, 72, 113, 123.

Государственный архив Мурманской области в г. Мурманске (ГАМО в г. Мурманске). Фонд Р-162. Мурманский окружной Совет рабочих, крестьянских, красноармейских и рыбацких депутатов и его исполнительный комитет Мурманского округа Ленинградской области, г. Мурманск 1 августа 1927 г. — 28 мая 1938 г. Оп. 1. Д. 231. Л. 37, 41, 136, 146; Д. 322. Л. 28–31; Д. 348. Л. 10–11; Д. 372. Л. 15, 17, 23–28, 39–45; Д. 462.

Государственный архив Архангельской области (ГААО). Фонд 1. Канцелярия архангельского губернатора за 1710–1917 гг. Оп. 7. Д. 199. Л. 2, 5, 8–10.

Государственный архив Архангельской области (ГААО). Фонд 75. Строительное отделение Архангельского губернского правления за 1865–1919 гг. Оп. 1. Д. 2963. Л. 1–2.

СА (семейные архивы) — ПМА (полевые материалы автора).

Архивы информантов 2 (г. Апатиты), 3 (г. Апатиты), 4 (г. Мончегорск), 5 (г. Апатиты), 6 (пос. Княжая Губа), 7 (г. Апатиты), 8 (г. Апатиты), 9 (г. Апатиты), 10 (г. Апатиты), 11 (г. Апатиты), 12 (г. Кировск), 13 (г. Апатиты), 14 (г. Апатиты), 17 (пос. Кильдинстрой), 18 (г. Апатиты), 20 (г. Апатиты), 21 (г. Апатиты), 23 (г. Апатиты), 24 (г. Апатиты), 25 (г. Мурманск), 28 (г. Полярные Зори), 30 (г. Ковдор), 33 (г. Апатиты), 34 (пос. Ёна), 35 (пос. Зеленоборский), 36 (г. Апатиты).

Устные источники

Транскрипты интервью и бесед с информантами. Записи 2009–2018 гг. — ПМА (полевые материалы автора).

Законодательные акты, нормативные и организационно-распорядительные документы

Высочайше утвержденное положение Комитета Министров, объявленное Сенату Министром Внутренних Дел о льготах для поселенцев Мурманского берега, в Архангельской губернии от 22 ноября 1868 г. // ПСЗ-П. Т. XLIII. № 46467.

Высочайше утвержденное Положение, объявленное Сенату министром финансов, о льготах, предоставляемых переселенцам на Мурманском берегу, от 14 мая 1876 г. // ПСЗ-П. Т. LI. № 55934.

Высочайше утвержденное мнение Департамента Государственной Экономии Государственного Совета о расходе на выдачу ссуд и пособий переселенцам на Мурманском берегу от 9 января 1895 г. // ПСЗ-III. Т. XV. № 11237.

Декрет о независимости Финляндии 31 (18) декабря 1917 года // База данных по местам хранения документов по личному составу. URL: <http://www.rusarchives.ru/statehood/08-26-dekret-finlandia-917.shtml> (дата обращения: 11.04.2013).

Закон РСФСР от 26 апреля 1991 года № 1107 «О реабилитации репрессированных народов» // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/10200365> (дата обращения: 21.03.2018).

Постановление Президиума ЦИК СССР от 3 июля 1931 года «О порядке восстановления в гражданских правах выселенных кулаков» // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3743.htm (дата обращения: 06.06.2015).

Постановление Верховного Совета РФ № 5291–1 «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 года // Электронный фонд правовой документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/9004644> (дата обращения: 17.04.2013).

Секретный приказ наркома внутренних дел СССР № 00761 «О переселении из г. Мурманска и Мурманской области граждан инонациональностей» от 23 июня 1940 года // «По решению правительства Союза ССР...» / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 170.

Уголовный кодекс РСФСР. М.: Гос. изд-во «Советское законодательство», 1933. 159 с.

Статистические материалы

Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. Ю. А. Полякова. М.: Наука, 1992. 256 с.

Всесоюзная перепись населения 1970 года: сб. ст. / под ред. Г. М. Максимова. М.: Статистика, 1976. 286 с.

Всесоюзная перепись населения 1979 года // Демоскопа Weekly: сайт. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly> (дата обращения: 11.04.2013).

Итоги всесоюзной переписи населения 1970 года. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: Статистика, 1973. Т. IV. 648 с.

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. Т. 4, кн. 1. 946 с.

Население СССР, 1987: статистический сборник / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1988. 439 с.

Национальный состав Мурманской области по данным переписи 2010 года // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Мурманской области: официал. сайт. URL: http://murmanskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/murmanskstat/ru/census_and_researching/census/national_census_2010 (дата обращения: 17.03.2015).

Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 года / Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел; под ред. Н. А. Тройницкого // Архангельская губерния. 1899. URL: <http://www.rusemp.info/perepis1897/arkhangelsk.html> (дата обращения: 16.01.2015).

Книги Памяти

Книга Памяти жертв политических репрессий (20–50-е гг.): Российская Федерация, Мурманская область. Мурманск, 1997. 412 с.

Книга Памяти: Российская Федерация, Мурманская область. Поименный список репрессированных жителей Кольского полуострова, а также иностранных граждан, проживавших в Мурманской обл. / сост. С. Н. Дацинский, В. В. Воронин, В. А. Нечушкин. Мурманск, 1997. 410 с.

Книга Памяти финнам, репрессированным за национальную принадлежность в СССР. Т. 1 / Л. А. Гильди, М. М. Браудзе. СПб.: Гиоль, 2010. 655 с.

Электронная Книга Памяти. Ленинградский мартиролог // Возвращенные имена: сайт. URL: <http://visz.nlr.ru> (дата обращения: 04.06.2014).

Электронная Книга Памяти. Поминальные списки Карелии (1937–1938): уничтоженная Карелия. Ч. 2. Большой террор. Петрозаводск, 2002. URL: <http://weand.ru> (дата обращения: 18.01.2015).

Электронная Книга Памяти. Список граждан, расстрелянных в Ленинграде, вне Ленинграда и впоследствии реабилитированных // Возвращенные имена: сайт. URL: <http://visz.nlr.ru> (дата обращения: 29.04.2012).

Сборники документов

Кировск в документах и фактах (1920–1945): хрестоматия / ГАМО в г. Кировске. Кировск, 2006. 265 с.

Мурманская область в годы Великой Отечественной войны: сб. документов и мат-лов. Мурманск: Кн. изд-во, 1978. 336 с.

Формирование региона. Архивный ракурс: сб. документов (к 80-летию Мурманской области) / ГАМО; сост. Д. А. Ермолаев и др. Мурманск: РУСМА, 2018. 128 с.

Список литературы

Административно-территориальное деление Мурманской области (1920–1993 гг.): справочник. Мурманск: Архивный отдел администрации Мурманской обл., 1995. 276 с.

Алымов, В. К. Об ассимиляции лопарей / В. К. Алымов // Вестник Карело-Мурманского края. 1925. № 17–18. С. 7–10.

Алымов, В. К. Рождаемость и смертность лопарей Кольского полуострова / В. К. Алымов // Кольский сборник: материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л.: Изд-во АН, 1930. Вып. 23. С. 71–101.

Андриенко, В. Интерпретация семейных фотографий второй половины XIX — начала XX вв. / В. Андриенко // Прошлое и настоящее этнологических исследований: сб. науч. ст., посвящен. 300-летию М. В. Ломоносова / отв. ред. А. А. Никишенков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 166–178.

Анфертьев, А. Н. Прологомены к изучению этнической истории. Памяти Р.Ф. Итса / А. Н. Анфертьев // Этносы и этнические процессы. М.: Восточная литература, 1993. С. 62–69.

Архимандрит Августин (Никитин). Карельские и финские переводы богослужебных книг (страницы истории) // Финно-угры и соседи: проблемы

этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах: сб. науч. ст. СПб.: АРТ-ЛЮКС, 2002. С. 250–262.

Ассман, Я. Культурная память / Я. Ассман. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. *Studia historica*.

Ачкасов, В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора / В. А. Ачкасов // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, № 1 (5). С. 48–58.

Байбурин, А. К. Советский паспорт: история — структура — практики / А. К. Байбурин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 488 с.

Бардилева, Ю. П. Финские церкви: история и современность / Ю. П. Бардилева // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3. История и право. С. 21–27.

Бардилева, Ю. П. Этнические общности и религиозные группы на Кольском Севере: история и современность / Ю. П. Бардилева // Живущие на Севере: образы и реальность / отв. ред. П. В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 36–47.

Барышников, В. Н. СССР и Финляндия: к вопросу об обстоятельствах и времени принятия решения о начале «Зимней войны» / В. Н. Барышников // Вестник СПбГУ. 2016. Вып. 2. История. С. 18–36.

Беляев, Д. П. Начальный этап колонизации Мурмана и архипелага Новая Земля во второй половине XIX — начале XX вв.: от замыслов к воплощению идеи / Д. П. Беляев // Живущие на Севере. Мурманск: МГГУ, 2010. Вып. 1. 167 с.

Бердинских, В. А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов Советской России / В. А. Бердинских. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.

Береснев, Н. П. Княжая Губа / Н. П. Береснев // Города и районы Мурманской области. Мурманск: Кн. изд-во, 1987. 120 с.

Берлин, В. Хибинское эхо ГУЛАГа / В. Берлин // Культурологический альманах АСТЭС. Вып. 5. Мурманск: АСТЭС, 2008. С. 7–77.

Бодрова, О. А. В поисках отражения: саамы Кольского Севера в русской этнографической литературе второй половине XIX — начала XX вв. / О. А. Бодрова. Апатиты: КНЦ РАН, 2014. 168 с.

Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей; Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1983. 412 с.

Вавулинская, Л. И. Спецпереселенцы и иностранные военнопленные в Карелии в середине 1940-х — середине 1950-х гг. / Л. И. Вавулинская. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 337 с.

Васильева, Е. В. Биографическая память городских семей: опыт анализа фотоальбомов / Е. В. Васильева, А. В. Стрельникова // Вестник РГГУ. 2012. № 2 (82). Философия. Социология. Искусствоведение. С. 288–304.

Вахтин, Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации / Н. Б. Вахтин. СПб.; Париж: Издательство Европейского дома, 1993. 96 с.

Вахтин, Н. Б. Языки народов Севера в XX в.: очерки языкового сдвига / Н. Б. Вахтин. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.

Вахтин, Н. Б. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин, П. Швайтцер. М.: Новое издательство, 2004. 292 с.

Веригин, С. Г. Формирование и боевые действия Финской народной армии в Советско-Финляндской (зимней) войне 1939–1940 годов / С. Г. Веригин

// Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 10 (104). С. 7–18.

Веригин, С. Г. Финны в воинских формированиях Советской России (1918–1940 годы) / С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 50–63.

Винер, Б. Е. Выбор имен детей в этнически смешанных и несмешанных семьях в Ленинграде / Б. Е. Винер // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 3. С. 142–156.

Винокурова, И. Ю. Банные обряды жизненного цикла человека в вепском культурном ландшафте / И. Ю. Винокурова // Труды Карельского научного центра РАН. 2012. № 4. Гуманитарные исследования. С. 57–67.

Витухновская, М. А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российский консерваторов и либералов второй половины XIX — начала XX веков / М. А. Витухновская // Многоликая Финляндия: образ Финляндии и финнов в России: сб. науч. ст. / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюхи, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 89–142.

Воленс, Н. В. Колонисты Мурмана и их хозяйство: материалы статистико-экономического исследования 1921–1922 гг. / Н. В. Воленс // Труды НИИ по изучению Севера (б. Северная Научно-Промысловая Экспедиция). М., 1926. Вып. 28. 112 с.

Волкова, Н. Г. Этническая история: содержание понятия / Н. Г. Волкова // Советская этнография. 1985. № 5. С. 16–25.

Высочков, Л. В. Историко-этнические карты Северо-Запада России (конец XVIII — первая треть XX вв.) / Л. В. Высочков // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия: межвуз. сб. / под ред. И. Я. Фроянова. СПб.: Издательство С.-Петербур. ун-та, 1997. Вып. 5. Проблемы археологии и этнографии. С. 165–179.

Гаспарян, Ю. А. Семья на пороге XXI века (социологические проблемы) / Ю. А. Гаспарян. СПб.: Петрополис, 1999. 320 с.

Географический словарь Кольского полуострова / Мурман. фил. Геогр.-экон. НИИ Ленингр. гос. ун-та. Л.: Типография им. Володарского, 1939. Т. 1. 144 с.

Герасимов, Д. А. Вопрос о финской угрозе в политике мурманских властей в первой половине 1918 года / Д. А. Герасимов // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3. История и право. С. 11–16.

Гильди, Л. А. Расстрелы, ссылки, мученья / Л. А. Гильди. СПб., 1996. 311 с.

Гильди, Л. А. Судьба «социально-опасного народа» (засекреченный геноцид финнов в России и его последствия, 1930–2002 гг.) / Л. А. Гильди. СПб.: ДЕАН, 2003. 504 с.

Гильди, Л. А. Народ изгой в России / Л. А. Гильди. СПб., 2006. 293 с.

Голдин, В. И. Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере, 1918–1920 гг. / В. И. Голдин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 200 с.

Гришкин, И. П. К десятилетию АКССР / И. П. Гришкин // Карело-Мурманский край / Краеведческий, общественно-экономический журнал. 1933. № 5–6. С. 1–8.

Гурко, Т. А. Теоретические подходы к изучению семьи / Т. А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2016. 210 с.

Гучинова, Э. М. Вынужденные переселения и этническое самосознание: на примере этнополитической истории калмыков в XX веке: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Э. М. Гучинова; Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М., 2004. 56 с.

Дашинский, С. Н. Не делать из истории политику / С. Н. Дашинский // Расстрелянная семья. Мурманск, 2002. С. 214–222.

Деккер, Р. Долгосрочные тенденции автобиографического творчества в Нидерландах / Р. Деккер // Человек. 2016. № 5. С. 71–84.

Добров, В. В. Население Кольского Севера / В. В. Добров. Мурманск: Мурманское книжное издательство, 1967. 72 с.

Дробижева, Л. М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность / Л. М. Дробижева // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Издательство института социологии РАН, 2006. С. 10–21.

Дубровская, Е. Ю. Финляндия и финляндцы в представлениях российских военнослужащих в годы Первой мировой войны / Е. Ю. Дубровская // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. науч. ст. / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюхи, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 239–262.

Дубровская, Е. Ю. Карелия и Финляндия: Гражданская война, интервенция и военная повседневность в исторической памяти населения приграничья / Е. Ю. Дубровская // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. С. 253–262.

Душечкина, Е. В. Русская ёлка: история, мифология, литература / Е. В. Душечкина. СПб.: ЕУ СПб, 2012. 358 с.

Дыба, О. В. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии на территории России. Карельское пробство / О. В. Дыба // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 160–162.

Жилинский, А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния / А. А. Жилинский. Петроград: Типо-литография Северо-Западного округа путей сообщения, 1919. 296 с.

Загребин, А. Е. Этнографическое финно-угроведение в России: проблемы поиска новых источников / А. Е. Загребин // Историко-культурное наследие и духовные ценности России / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 632–638.

Загребин, А. Е. Этнографическое финно-угроведение в России: динамика научных идей и знаний / Загребин А. Е. // Труды Карельского научного центра РАН. 2014. № 3. Гуманитарные исследования. С. 3–8.

Заднепровская, А. Ю. Ингерманландские финны / А. Ю. Заднепровская // Многонациональный Петербург: История. Религия. Народы / науч. ред. И. И. Шангина. СПб., 2002. С. 528–542.

Заднепровская, А. Ю. Культура народов Санкт-Петербургской губернии (по материалам отечественной периодики XIX в.) / А. Ю. Заднепровская // Финно-угры и соседи: проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах: сб. науч. ст. СПб.: АРТ-ЛЮКС, 2002. С. 33–43.

Змеева, О. В. «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере: монография / О. В. Змеева. Апатиты: КНЦ РАН, 2011. 95 с.

Змеева, О. В. Спецпереселенцы Хибиногорска: динамика идентичностей / О. В. Змеева, И. А. Разумова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 7–14.

Золотарев, Д. А. Кольские лопари / Д. А. Золотарев // Труды Лопарской Экспедиции русского географического общества по антропологии лопарей и великорусов Кольского полуострова. Л.: АН СССР, 1928. 147 с.

Золотарев, Д. А. На Западно-Мурманском побережье летом 1928 г. / Д. А. Золотарев // Кольский сборник: материалы Комиссии экспедиционных исследований. Л.: Изд-во АН, 1930. Вып. 23. С. 1–21.

Золотарев Давид Алексеевич // Кольская энциклопедия. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. Т. 2. С. 127–128.

Илюха, О. П. Повседневность советско-финляндского пограничья 1930-х годов в воспоминаниях о детстве / О. П. Илюха // Труды КарНЦ РАН. Серия «Гуманитарные исследования». 2012. № 4, вып. 3. С. 126.

Исканиус, С. Языковая идентичность русскоязычной молодежи — иммигрантов в Финляндии / С. Исканиус // Антропология. Фольклористика. Лингвистика: сб. ст. СПб.: Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2002. Вып. 2. С. 314–328.

Иштонкова, В. В. Как погасили «ЛУЧ». Последние годы коммуны «SÄDE» / В. В. Иштонкова // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 76–86.

Йентофт, М. Оставшиеся без родины: история Кольских норвежцев / М. Йентофт; пер. с норв. Мурманск: Рекламная полиграфия, 2002. 240 с.

Казаков, Л. Соседи — Naaurit (общество дружбы двух народов) / Л. Казаков. Апатиты: КНЦ РАН, 2013. 101 с.

Казакова, К. С. Становление и развитие системы школьного образования на Кольском Севере в 1930-е годы / К. С. Казакова // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. Вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 111–121.

Капкан, М. В. Культура повседневности / М. В. Капкан. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 110 с.

Карху, Э. Г. Малые народы в потоке истории: исследования и воспоминания / Э. Г. Карху. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. 255 с.

Карху, Э. Г. Финско-русские литературные связи XIX–XX веков / Э. Г. Карху // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. науч. ст. / под науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюхи, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 43–88.

Кирьянен, А. И. Ингерманландские финны и финский язык в Петербурге и Ленинградской области — современное положение / А. И. Кирьянен // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 14–24.

Киселев, А. А. Мурман в дни революции и гражданской войны / А. А. Киселев, Ю. Н. Климов. Мурманск: Кн. изд-во, 1977. 224 с.

Киселев, А. А. Финны на Мурмане, или как возникла и исчезла финская община на Кольском полуострове / А. А. Киселев // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3. История и право. С. 28–41.

Киселев, А. А. Барон Маннергейм в истории Северной Европы первой половины XX века / А. А. Киселев // Наука и бизнес на Мурмане. 2004. № 6. История и право. С. 5–21.

Киселев, А. А. Гулаг на Мурмане: репрессии 30–50-х годов XX века / А. А. Киселев. Мурманск: МГПУ, 2008. 198 с.

Киселев, А. А. Очерки этнической истории Кольского Севера / А. А. Киселев. Мурманск: МГПУ, 2009. 145 с.

Киуру, Э. С. Очерк культуры российских финнов / Э. С. Киуру, Л. В. Суни // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 44–62.

Ковалевский, В. К. Цена Хибиногорска / В. К. Ковалевский // Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: Апатит-Медиа, 2012. С. 20–51.

Кожанов, А. А. Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты / А. А. Кожанов, С. Э. Яловицына // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 129–174.

Козлов, В. И. Национальности СССР (Этнодемографический обзор) / В. И. Козлов. М.: Статистика, 1975. 263 с.

Козлов, В. П. Документальная память в архивоведческом, археографическом и источниковедческом знании / В. П. Козлов // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 424–430.

Конькова, О. И. Ингерманладские финны. Очерки истории и культуры / О. И. Конькова, В. А. Кокко. СПб.: МАЭ РАН, 2009. 164 с.

Коровушкин, Д. Г. Диаспоры в Западной Сибири: особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX — начале XXI в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Д. Г. Коровушкин. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009.

Косов, М. Ф. Статистико-экономический анализ берегового промысла Карелии в Белом море / М. Ф. Косов // Карело-Мурманский край. Краеведческий, общественно-экономический журнал. 1933. № 1–2. С. 66–68.

К пятилетнему плану Колонизационного Отдела Мурманской железной дороги // Вестник Карело-Мурманского края. 1926. № 17. С. 3.

Кто есть кто в культуре Мурманской области: заслуженные работники культуры РСФСР и РФ. Мурманск: Кн. изд-во, 2001. 216 с.

Кузь, В. В. Проблема социальной памяти в современной историографии и перспективные исследования в пространстве региональной гуманитаристики / В. В. Кузь // Мурманская область: история в документах: мат-лы регионал. науч.-практич. конф. Мурманск: ГОКУ «Государственный архив Мурманской области», 2018. С. 30–37.

Куруч, О. Е. Быт и повседневная жизнь первых строителей г. Хибиногорска / О. Е. Куруч // Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: Апатит-Медиа, 2012. С. 52–59.

Ласточкин, А. А. Динамика культурной идентичности в условиях глобализации / А. А. Ласточкин // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: мат-лы 5-й междунар. науч. конф. Петрозаводск, 2005. С. 44–46.

Лебедев, П. А. Письма семейных архивов как исторический источник (на примере переписки семьи Абрамовых) / П. А. Лебедев // Материалы конференции «Семейные архивы и семейная память в жизни современного

общества», 2007 // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <http://www.opentextnn.ru/history/familisarchives/konf> (дата обращения: 24.01.2018).

Лермонтова Е. Фотография в музейной экспозиции / Е. Лермонтова // Вестник СПбГУКИ. 2016. № 2 (27). С. 99–102.

Лескинен, М. В. Образ финна в российских популярных этнографических очерках последней трети XIX в. / М. В. Лескинен // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: сб. науч. ст. / науч. ред. А. Н. Цамутали, О. П. Илюхи, Г. М. Коваленко. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. С. 154–191.

Лескинен, М. В. «Финская честность» в российской научно-популярной литературе XIX в.: к вопросу о формировании этнокультурного стереотипа / М. В. Лескинен // Этнографическое обозрение. 2009. № 4. С. 27–41.

Линдстрём, В. Канадские финны и десять лет Великой депрессии / В. Линдстрём // Устная история в Карелии: сб. науч. ст. Североамериканские финны в Советской Карелии 30-х годов / пер. с англ. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. Вып. II. С. 8–25.

Липатов, П. Б. Финские солдаты в зимних боях / П. Липатов // Зимняя война // ВикиЧтение: сайт. URL: <https://history.wikireading.ru/350451> (дата обращения: 17.02.2019).

Лобченко, Л. Н. Север гулаговский: из истории спецпереселенцев северного края / Л. Н. Лобченко // Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: Апатит-Медиа, 2012. С. 11–19.

Логинова, О. Ю. Печенга в 1917–1920 годах / О. Ю. Логинова // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3. История и право. С. 5–10.

Локко, С. П. Финны на Мурмане / С. П. Локко. Мурманск: Фонд культуры, 1993. 409 с.

Лурье, С. В. Метаморфозы традиционного сознания: опыт разработки теоретических основ этнопсихологии и их применения к анализу исторического и этнографического материала / С. В. Лурье. СПб.: Тип. им. Котлякова, 1994. 288 с.

Манаков, Н. Г. Культурные границы и идентичность (на примере Северо-Запада Европейской России) / Н. Г. Манаков // Идентичность и география в постсоветской России: сб. науч. ст. СПб.: Геликон Плюс, 2003. С. 114–136.

Маслаков, Н. И. От Соловков до Кировска / Н. И. Маслаков, В. К. Ковалевский // Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: Апатит-Медиа, 2012. С. 297–311.

Материалы по статистическому исследованию Мурманна: описание колоний Восточного берега и Кольской губы. СПб.: Типография И. Гольдберга, 1902. Т. II, вып. I. 273 с.

Материалы по статистическому исследованию Мурманна: описание колоний на запад от Кольской губы до границ Норвегии. СПб.: Типография И. Гольдберга, 1903. Т. II, вып. II. 250 с.

Мегилл, А. История и память: за и против / А. Мегилл // Философия за рубежом. 2005. № 2 (39). С. 131–167.

Миколук, О. В. Политические репрессии на Мурмане в 30-е годы XX века: дис. ... канд. ист. наук / О. В. Миколук. Мурманск, 2003. 236 с.

Минкин, А. А. Топонимы Мурманна / А. А. Минкин. Мурманск, 1976. 208 с.

Муллерен, И. А. Адаптация ингерманландских финнов к новым условиям жизни в Карелии во второй половине XX века / И. А. Муллерен // Российские

финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 86–93.

Мусаев, В. И. Ингерманландский вопрос во взаимоотношениях и внутренней политике России и Финляндии (к. XIX — н. XX вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. И. Мусаев. СПб.: Институт истории РАН, 2002.

Мусаев, В. И. Финская и норвежская колонизация Мурманского берега (вторая половина XIX — начало XX в.) / В. И. Мусаев // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008. Вып. 1. Гуманитарные исследования. С. 121–128.

Мусаев, В. И. Возрождение религиозной жизни российских финнов-лютеран в 1960–1990-х годах / В. И. Мусаев // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 162–168.

Невалайнен, П. Ингерманландцы в Финляндии в XX веке / П. Невалайнен // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: ПетрГУ, 1998. С. 26–43.

Никольская, Р. Ф. Карельская и финская кухня / Р. Ф. Никольская. Петрозаводск: Карелия, 2010. 336 с.

Никольский, В. В. Быт и промыслы населения Западного побережья Белого моря (Сороки — Кандалакша): по материалам исследования летом 1921 года / В. В. Никольский. М.: Изд. научно-технического управления ВСНХ, 1927. 236 с.

Никольский, В. Н. По горам и рекам Кольского полуострова / В. Н. Никольский. Архангельск: Губернская топография, 1913. 28 с.

Никулина, Т. Противостояние СССР и Финляндии в годы Второй мировой войны: взгляд гражданского населения Карелии / Т. Никулина, О. Киселева // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 263–283.

Нора, П. Проблематика мест памяти / П. Нора; пер. с фр. Д. Хапаева. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50.

Орехова, Е. А. Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX — первой трети XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Орехова. СПб., 2009. 314 с.

Орехова, Е. А. Газета «Полярный коллективист» как источник по истории колоний Западного Мурманского берега второй половины 1930-х гг. / Е. А. Орехова // Мурманская область: история в документах: мат-лы регионал. науч.-практич. конф. Мурманск, 2018. С. 88–92.

Оулу // Энциклопедический словарь. М.: Большая советская энциклопедия, 1954. Т. 2. С. 581.

Петров, И. М. Красные финны / И. М. Петров. Петрозаводск: Карелия, 1973. 240 с.

Петров, П. В. Торпарский вопрос в общественно-политической жизни Финляндии начала XX века / П. В. Петров // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации: мат-лы науч.-методологической конф. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 48–50.

«По решению правительства Союза ССР...» / сост. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 927 с.

Поленов, А. Д. Отчет по командировке на Мурманский берег / А. Д. Поленов. СПб.: Типография В. Демакова, 1876. 56 с.

Полян, П. Не по своей воле. История и география принудительных миграций в СССР / П. Полян. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2001. 327 с.

Попов, Г. П. Мурман: очерки истории края XIX — нач. XX вв. / Г. П. Попов, Р. А. Давыдов. Екатеринбург: Институт экол. проблем Севера, 1999. 220 с.

Путеводитель по Северу России (Архангельск. Белое море. Соловецкий монастырь. Мурманский берег. Новая Земля. Печора) // Издание Товарищества Архангельско-Мурманского пароходства / сост. Д. Н. Островским. СПб.: Типография А. Бенке, 1898. 146 с.

Разумова, И. А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История / И. А. Разумова. М.: Индрик, 2001. 376 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Разумова, И. А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения / И. А. Разумова // «Наивная литература»: исследования и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. № 129. М.: МОНФ, 2001. С. 93–115.

Разумова, И. А. Роль семьи в процессе адаптации человека на севере / И. А. Разумова // Живущие на севере: образы и реальность: сб. науч. статей / науч. ред. П. В. Федоров. Мурманск: МГПУ, 2006. С. 141–148.

Разумова, И. А. Этнокультурные аспекты функционирования семьи на Кольском Севере (по историко-этнографическим материалам) / И. А. Разумова // Кольский Север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 37–50.

Разумова, И. А. Поминальные обряды: типология, сценарии, функционирование (на примере современных семей Кольского Заполярья) / И. А. Разумова // Труды Кольского научного центра РАН. 2011. № 3 (6), вып. 2. Гуманитарные исследования. С. 5–18.

Разумова, И. А. Культурная политика современной российской семьи: подходы, исследования, практика / И. А. Разумова // Карельская семья во второй половине XIX — начале XXI вв.: этнокультурная традиция в контексте социальных трансформаций: сб. ст. и мат-лов. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. С. 66–86.

Разумова, И. А. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев / И. А. Разумова // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 7 (9), вып. 14. Гуманитарные исследования. С. 14–28.

Разумова, И. А. Культурная память семьи как фактор локальной идентичности жителей Кольского Севера / И. А. Разумова, О. А. Сулейманова // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты: КНЦ РАН, 2007. С. 69–79.

Расила, В. История Финляндии / В. Расила / пер. с фин. и под ред. Л. В. Суни. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. 360 с.

Репрессивная политика в отношении финнов Советской Карелии 30-х годов. Хельсинки, 1994. С. 119–140.

Ровио, Г. К годовщине финляндской рабочей революции / Г. Ровио // Вестник Карело-Мурманского края. 1930. № 1. С. 1.

Рождественская, Е. Ю. Словами и телом: травма, нарратив, биография / Е. Ю. Рождественская // Травма: Пункты: сб. ст. / под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М.: НЛЮ, 2009. С. 108–132.

Розенталь, Г. Реконструкция рассказов о жизни: принципы отбора, которыми руководствуются рассказчики в биографических нарративных интервью / Г. Розенталь // Хрестоматия по устной истории / под общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 322–355.

Русский Север в исторической динамике: разрушение проекта культурной кладовой русского народа и современный кризис этнического национализма / Ю. П. Шабаев и др. // Мониторинг общественного мнения. 2017. № 6 (142). С. 125–148.

Рябина, О. К. Роль и место диаспор в политической системе современной Финляндии: дис. ... канд. полит. наук / О. К. Рябина. М., 2010. 172 с.

Рясенен, М. Анализ теории и практики полевых работ / М. Рясенен // Историческая этнография: Русский Север и Ингерманландия: межвуз. сб. / под ред. И. Я. Фроянова. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. С. 202–206.

Савилова, С. А. «Хотелось бы всех поименно назвать» / С. А. Савилова // Культурологический альманах АСТЭС. 2008. Вып. 5. С. 130–149.

Савоскул, М. С. Судьба российских немцев в XX веке: связь истории и географии (этапы миграции по данным переписей населения 1897–2000-е гг.) / М. С. Савоскул // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: мат-лы XIII междунар. научн. конф. М.: МСНК-пресс, 2011. С. 492–513.

Сакса, К. Легенды и мифы Ингерманландии / К. Сакса. СПб.: Инкери, 2009. 208 с.

Севандер, М. Скитальцы: о судьбах американских финнов в Карелии / М. Севандер; пер. с фин. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. 186 с.

Сердоболь // Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. СПб.: Издательство Товарищества «Просвещение», 1904. Т. XVII. С. 308.

Сиденснер, А. Сведения о Мурманском берегу, собранные летом 1896 года контр-адмиралом Сиденснером / А. Сиденснер. СПб.: Типография Морского Министерства, 1897. 102 с.

Сиденснер, А. Описание Мурманского побережья / А. Сиденснер. СПб.: Типография Морского Министерства в Главном Адмиралтействе, 1909. 272 с.

Сидоров, А. И. История в стиле лего / А. И. Сидоров // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 463–466.

Скоробогатая, А. А. Этническая идентичность и межкультурное взаимодействие в Северной Башкирии / А. А. Скоробогатая. М.: ТЕИС, 2008. 190 с.

Сойни, Е. Г. Российские финны в публицистике Ивана и Бориса Солоневичей / Е. Г. Сойни // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 123–130.

Соколовский, С. В. Коренные народы: от политики стратегического эссенциализма к принципу социальной справедливости / С. В. Соколовский // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 60–76.

Соколовский, С. В. Идентичность: предложения к расширению антропологической программы исследований / С. В. Соколовский // Проблемы

национального единства и идентичности в контексте мирового опыта. М.: Институт этнологии и антропологии, 2016. С. 1–15.

Соколовский, С. В. Парадигмы этнологического знания / С. В. Соколовский // Этнографическое обозрение. 1994. № 2. С. 3–17.

Спецпереселенцы в Хибинах (книга воспоминаний). Апатиты: Издательство Хибинского общества «Мемориал», 1997. 222 с.

Степаненко, А. М. Расстрелянная семья: исторические очерки о Кольских саамах / А. М. Степаненко. Мурманск, 2002. 284 с.

Судьбы людей: Россия. XX век (Биографии семей как объект социологического исследования) / отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М.: Институт социологии РАН, 1996. 426 с.

Судьбы финно-угров и политика: экспертная записка ИЭА РАН на запрос Комитета по международным делам Госдумы РФ // Этнографическое обозрение. 2006. № 1. С. 4–38.

Сулейманова, О. А. Жилая среда и семейная культура: проблематика и направление исследований / О. А. Сулейманова // Кольский север в XX–XXI вв.: культура, наука, история. Апатиты: КНЦ РАН, 2009. С. 77–89.

Сулейманова, О. А. Багаж переселенцев (к вопросу о жизни вещей в культуре) / О. А. Сулейманова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 7. Общественные и гуманитарные науки. С. 27–30.

Сулейманова, О. А. Памятная вещь в семейной культуре / О. А. Сулейманова // Живая старина. 2013. № 4 (80). С. 36–39.

Сулейманова, О. А. Истории переселения на Кольский Север: материально-бытовые проблемы этнических мигрантов / О. А. Сулейманова // Труды Кольского научного центра РАН. 2012. № 1 (12), вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 31–42.

Сулейманова, О. А. «Новые горожане» Кольского Севера: вещевое поведение переселенцев из сельской местности / О. А. Сулейманова // Труды Кольского научного центра РАН. 2013. № 6 (19), вып. 4. Гуманитарные исследования. С. 35–49.

Сулейманова, О. А. «Узелочек личных вещей» (из быта спецпереселенцев) / О. А. Сулейманова // Труды Кольского научного центра РАН. 2014. № 2 (21), вып. 5. Гуманитарные исследования. С. 58–67.

Суни, Л. В. Финские переселенцы в Карелии и на Кольском полуострове. Прибалтийско-финские народы России / Л. В. Суни, С. В. Яловицина, И. Р. Такала // Народы и культуры / Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. С. 522–554.

Суоми, Ю. На пути к советско-финскому договору 1948 года / Ю. Суоми; пер. с фин. // Вопросы истории. 1991. № 4–5. С. 12–24.

Суслов, А. Б. Спецконтингент в Пермском крае в конце 20-х — начале 50-х гг. XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Б. Суслов. Екатеринбург, 2004. 38 с.

Суутари, П. Музыка в жизни финских иммигрантов в Карелии / П. Суутари // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 232–250.

Тавадов, Г. Т. Этнология / Г. Т. Тавадов. М.: Проект, 2002. 352 с.

Такала, И. Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры / И. Р. Такала. СПб.: Журнал «Нева», 2002. 172 с.

- Такала, И. Р. Североамериканские финны в довоенной Карелии / И. Р. Такала // Устная история в Карелии: сб. науч. ст. Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 30-х годов. С. 32–51.
- Такала, И. Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е — первая половина 1930-х годов) / И. Р. Такала // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века / науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. С. 107–149.
- Такала, И. Р. Финский язык в Карелии: история и судьба / И. Р. Такала // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 24–41.
- Такала, И. Р. Большой террор в Карелии / И. Р. Такала // Альманах североамериканских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 143–207.
- Тараксин С. В. Судеб сгоревших очертанье / С. В. Тараксин. Мурманск: Север, 2006. 147 с.
- Терентьева, Л. Н. Некоторые стороны этнических процессов в Поволжье, Приуралье и на Европейском Севере СССР / Л. Н. Терентьева // Советская этнография. 1972. № 6. С. 38–51.
- Тимофеев, В. Г. История одной семьи / В. Г. Тимофеев. Апатиты: Апатит-Медиа, 2004. 170 с.
- Тишков, В. А. О феномене этничности / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 3–21.
- Тишков, В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. М.: Наука, 2003. 543 с.
- Томпсон, П. Семейный миф, модели поведения и судьба человека / П. Томпсон // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 110–145.
- Травма: пункты: сб. ст. / сост. С. Ушакин и Е. Трубина. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 936 с.
- Ушаков, И. Ф. Кольская земля: очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период / И. Ф. Ушаков. Мурманск, 1972. 672 с.
- Ушаков, И. Ф. Церковь на Кольском Севере в досоветский период / И. Ф. Ушаков // Региональные программы основных и дополнительных курсов по религиоведению. Мурманск, 1994. С. 111–145.
- Федоров, П. В. История Трифоно-Печенгского монастыря (1886–1917) / П. В. Федоров. Мурманск, 1996. 70 с.
- Федоров, П. В. Центр и Северная окраина Российского государства в XVI–XX вв.: динамика стратегических связей (на материалах Кольского Заполярья): дис. ... д-ра ист. наук / П. В. Федоров. Архангельск, 2009. 487 с.
- Федоров, В. Мурман глазами НКВД (1938–1942) / В. Федоров // Всегда в строю. Мурманск: Дроздов-на-Мурмане, 2014. С. 155–192.
- Фриш, М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» / М. Фриш // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 52–65.
- Хакамиэс, П. Восток и Запад — отражение границы в этнических взаимоотношениях в Восточной Финляндии / П. Хакамиэс // Народные культуры Русского Севера: мат-лы рос.-фин. симпозиума (3–4 июня 2001 г.) / отв. ред.

- Н. В. Дранникова. Архангельск: Поморский государственный университет, 2002. 163 с.
- Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
- Харевен, Т. Время семьи и время промышленности / Т. Харевен // Хрестоматия по устной истории / пер., сост., введение, общ. ред. М. В. Лоскутовой. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2003. С. 146–188.
- Харузин, Н. Н. Очерк истории развития жилища у финнов / Н. Н. Харузин. М.: Товарищество А. А. Левинсон, 1895. 99 с.
- Холодковский, В. М. Революция 1918 года в Финляндии и германская интервенция / В. М. Холодковский. М.: Наука, 1967. 387 с.
- Хуттунен, А. И. Земля Кольская / А. И. Хуттунен. Мурманск: Радица-М, 2003. 57 с.
- Хордикайнен, А. О колонизационных особенностях Приимандровского района / А. Хордикайнен // Вестник Карело-Мурманского края. 1926. № 17. С. 9–12.
- Чебоксаров, Н. Н. Народы, расы, культуры / Н. Н. Чебоксаров, И. А. Чебоксарова. М.: Наука, 1985. 271 с.
- Черных, А. В. Этнодисперсные группы народов Пермского края. Белорусы: миграционные и этнические процессы / А. В. Черных, М. С. Каменских // Вестник Пермского научного центра. 2014. № 1. С. 100–109.
- Чирвинский, Н. П. Хибиногорск в моей памяти / Н. П. Чирвинский // Хибиногорск. Память сердца. Апатиты: Апатит-Медиа, 2012. С. 217–228.
- Чистяков, А. Ю. Ингерманландские финны XVII — начало XX вв.: история и этническая культура: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Ю. Чистяков. СПб., 1998.
- Чистяков, А. Ю. Трансформации этнического самосознания ижоры и води / А. Ю. Чистяков // Историческая этнография. Малые этнические и этнографические группы: сб. ст., посвящен. 80-летию со дня рождения проф. Р. Ф. Итса. СПб.: Новая альтернативная полиграфия, 2008. Вып. 3. С. 242–255.
- Чудакова, М. Беседы об архивах / М. Чудакова. М.: Молодая гвардия, 1975. 224 с.
- Чукчи (луораветланы) // Энциклопедический словарь. М.: Большая советская энциклопедия, 1955. Т. 3. С. 618.
- Шабаев, Ю. П. Республика Коми: меняющиеся лики мигрантского сообщества / Ю. П. Шабаев // Этнографическое обозрение. 2007. № 5. С. 39–54.
- Шабаев, Ю. П. Язык и этничность: дискуссия о языковой политике в регионах проживания финно-угров / Ю. П. Шабаев, Н. В. Шилов, В. Н. Денисенко // Этнографическое обозрение. 2009. № 2. С. 92–105.
- Шабалов, С. В. Энциклопедия Русского Севера / С. В. Шабалов // А. П. Энгельгардт. Путевые заметки. М.: ОГИ, 2009. С. 7–12.
- Шангина, И. И. Давид Алексеевич Золотарев — исследователь культуры народов Северо-Запада и Центрального региона Европейской России (к 125-летию со дня рождения) / И. И. Шангина // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: мат-лы 9-х Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2010. С. 11–15.
- Шашков, В. Я. Спецпереселенцы на Мурмане: роль спецпереселенцев в развитии производительных сил на Кольском полуострове (1930–1936 гг.) / В. Я. Шашков. Мурманск: МГПИ, 1993. 139 с.

Шашков, В. Я. Спецпереселенцы / В. Я. Шашков // Мурман, Хибиньы до и после... Апатиты: Хибинское общество «Мемориал», 2002. С. 26–29.

Шашков, В. Я. Репрессии против финнов и других спецпереселенцев / В. Я. Шашков // Наука и бизнес на Мурмане. 2003. № 3. История и право. С. 46–53.

Швец, Л. П. Молодежь Карелии в поисках этнической идентичности: проблемы и парадоксы / Л. П. Швец, В. К. Русанова // Молодежь Карелии в пространстве этнического самоопределения и межэтнической коммуникации: сб. ст. Петрозаводск: КГПУ, 2007. С. 50–77.

Шлыгина, Н. В. Проблемы самоидентификации финнов в современной литературе / Н. В. Шлыгина // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 89–143.

Шлыгина, Н. В. Финны // Н. В. Шлыгина // Народы России. М.: Большая российская энциклопедия, 1994. С. 370–373.

Шмидт, С. О. Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России / С. О. Шмидт // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского: тез. докл. и сообщений (Москва, 27 января — 1 февраля 1991 г.). М.: РГГУ, 1991. С. 262–263.

Шнирельман, В. А. Социальная память: вопросы теории / В. А. Шнирельман // Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34.

Шнирельман, В. А. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика / В. А. Шнирельман // Язык и этнический конфликт / под ред. М. Брилл Олкотт, И. Семенова. М.: Гендальф, 2001. С. 12–33.

Шпет, Г. Г. Введение в этническую психологию / Г. Г. Шпет. СПб.: П. Э. Т., 1996. 160 с.

Шрадер, Т. А. Колонисты на Мурманском побережье / Т. А. Шрадер // Вестник «Баренц-центра» МГПУ. Мурманск: Полиграфист, 2006. Вып. 5. С. 115–123.

Щеглова, Т. К. Культура жизнеобеспечения сельского населения Сибири в устной истории в экстремальных условиях XX столетия: адаптационные практики культуры на примере Великой Отечественной войны: из опыта работы / Т. К. Щеглова // Материалы XI Конгресса антропологов и этнологов России / отв. ред. В. А. Тишков, А. В. Головнёв. М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 326.

Энгельгардт, А. П. Русский Север: путевые записки / А. П. Энгельгардт. М.: ОГИ, 2009. 256 с.

Энгман, М. Финляндцы в Петербурге / М. Энгман; пер. с швед. А. И. Рупасова. СПб.: Европейский дом, 2008. 470 с.

Этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 7–166.

Этнические процессы в современном мире / под ред. Ю. В. Бромлея; Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1987. 447 с.

Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М.: ИЭА РАН, 2018. 561 с.

Этнокультурное развитие национальных меньшинств на Северо-Западе России, в северных странах и странах Балтии: мат-лы междунар. семинара (19–20 октября 2011 г.) / науч. ред. З. И. Строгальщикова. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 164 с.

Юрченко, А. Ю. Этнические аспекты колонизации побережья Баренцева моря в середине XIX — начале XX веков / А. Ю. Юрченко // Наука и бизнес на Мурмане. 2001. № 2. История и право. С. 5–12.

Юсупова, Л. Н. Этническая ситуация в Карелии в XX — начале XXI в.: итоги и перспективы её изучения / Л. Н. Юсупова // Молодежь Карелии в пространстве этнического самоопределения и межэтнической коммуникации: сб. ст. Петрозаводск: КГПУ, 2007. С. 6–27.

Яловицина, С. Э. Финны-лютеране и межконфессиональные отношения в Карелии 1990-х годов / С. Э. Яловицина // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. Вып. 3. Гуманитарные исследования. С. 425–460.

Яловицина, С. Э. Лютеранская церковь в жизни российских финнов / С. Э. Яловицина // Российские финны: вчера, сегодня, завтра: сб. ст., посвящен. 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2010. С. 146–160.

Anderson, B. *Imagined Communities: reflections on the Origin and Spread of Nationalism* / B. Anderson. Revised edition. L.; N. Y.: Verso, 1991. P. 5–7.

Brubaker, R. *Ethnicity without groups* / R. Brubaker. Cambridge: Harvard University Press, 2004. 283 p.

Busyreva, E. Cultural identity in families with “the Finnish origin”, living in a Russian speaking environment (according to material of Murmansk region) / E. Busyreva // *Human and Societal Security in the Circumpolar Arctic*. Vol. 1. Leiden: Brill Academic Publishers, 2018. P. 339–357.

Dekker, R. Jacques Presser's heritage: Egodocuments in the study of history / R. Dekker // *Memoria y Civilización*. 2002. No. 5. P. 13–37.

Ervasti, A. V. *Suomalaiset jaameren rannalla: Matkamuiistelmia* / A. V. Ervasti. Oulussa: Kirjot tajan kustannuksella, 1884. 348 p.

Grossberg, L. *Identity and Cultural Studies — Is That All There Is?* / L. Grossberg // *Questions of Cultural Identity* / ed. by S. Hall and P. du Gay. L.: SAGE Publications Ltd, 1996. P. 87–107.

Häkli, J. *Cultures of demarcation: territory and national identity in Finland* / J. Häkli // *Territory and the Discursive Landscape of Finland* / ed. by Herb Guntram and Kaplan David. Tampere: Rowman & Littlefield, 1999. P. 123–149.

Lehtola, V.-P. *Petsamon kolttasaamelaiset. Turjanmeren maa* / V.-P. Lehtola // *Petsamon historia 1920–1944* / eds. J. Vahtola, S. Onnela. Rovaniemi: Petsamoseura, 1999.

Lokko, S. *Murmanning Suomalaiset* / S. Lokko. Murmansk: Kultuuri Fondi, 1993. 490 p.

Megill, A. *History, memory, identity* / A. Megill // *History of the human sciences*. 1998. Vol. 11 (3). P. 37–62.

Migration Theory: Talking across discipline / ed. by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. N. Y.; L.: Taylor & Francis Group, 2000. 240 p.

Nesbitt, E. *Ethnography, Religion and Intercultural Education* / E. Nesbitt // *International Handbook of the Religious, Moral and Spiritual Dimensions in Education* / ed. by M. de Souza et al. Springer, 2009. P. 387–398.

Nyyssönen, J. *The Finnish Presence on Murman Coast — The Era of Petsamo 1920–1944* / J. Nyyssönen // *In the North My Nest is Made* // *Studies in the History of*

the Murman Colonization 1860–1940 / eds. A. Yurchenko, J. P. Nielsen. St. Petersburg: European University of St. Petersburg; University of Tromsø, 2006. P. 197–238.

Nyyssönen, J. The Finnish historical inquiry on Petsamo and the changes in the Soviet Union/Russian — Finnish relations: Inter-textual and contextual analysis of two texts / J. Nyyssönen. Murmansk State Humanities University, 2008. P. 19–26.

Onella, S. Muurmannin rannan luterilaiset. v. 1887–1888 / S. Onella // Scripta Historica. III. Oulu, 1973. P. 55–114.

Smith, Sh. Baby's Picture is Always Treasured: Eugenics and The Reproduction of Whiteness in the Family Photograph Album / Sh. Smith // American Archives: Gender, Race and Class in Visual Culture. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1999. P. 113–135.

Tajfel, H. The Social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // Psychology of Intergroup Relations. Chicago, 1986. P. 149–178.

Twine, F. Visual ethnography and racial theory: Family photographs as archives of interracial intimacies / F. Twine // Ethnic and Racial Studies. 2006. Vol. 29, no. 3. P. 487–511.

Voionmaa, V. Kuriiripostia / V. Voionmaa. Helsinki: Tammi, 1971. 282 p.

Статьи в периодической печати и электронные ресурсы

Акбулатова Г., Данков М. Крик из глубины // Интернет-журнал «Лицей». 31 октября 2018. URL: <https://gazeta-licey.ru/public/history/72503-krik-iz-glubinyi> (дата обращения: 15.01.2019).

Волчок А. Становление лютеранской церкви на Мурмане // Портал «Только Христос». URL: http://www.soluschristus.ru/biblioteka/cerkvi_i_obwiny/istoriya_nashego_prihoda_murmansk (дата обращения: 03.02.2015).

Дылев И. Лагеря в глухой тундре // Полярная правда. 1989. 2 нояб.

Ерофеев К. Красные финны // Советская Россия. 2017. 14 дек. URL: <http://sovross.ru> (дата обращения: 21.11.2018).

Инкери. Портал ингерманландских финнов. URL: <http://www.inkeri.ru> (дата обращения: 29.03.2016).

Киселев А. А. Заключенные на Севере // Полярная правда. 1989. 21–22 янв. С. 3.

Киселев А. А. Финны на Мурмане // Полярная правда. 1989. 11 марта. С. 3.

Киселев А. А. Депортация на Мурмане // Полярная правда. 1992. 24 сент. С. 3.

Киселев А. А. ГУЛАГ на Мурмане. История тюрем, лагерей, колоний // Советский Мурман. 1992. 6–30 окт.

Крюков А. Ингерманландские финны: проблема жизнеспособности этноса // Журнал ингерманландских финнов «Proingria» // LiveJournal: сайт. URL: <http://proingria.livejournal.com/8251.html> (дата обращения: 08.05.2012).

Локко С. Жизнь уходила вместе с теплом // Мурманский вестник. 2006. 25 фев.

Миланов А. Финский росток на российской почве // Мурманский вестник. 1994. 9 нояб. С. 9.

Область Петсамо (Печенгская область) // Кольский Север. Энциклопедический лексикон: сайт. URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php> (дата обращения: 02.12.2018).

Паас Т. Слушайте слово Господне // Церковь Ингрии. 1991. № 1.

Русинов А. Норвежцы в Лев-Губе // Терский берег. 2002. 9 нояб. С. 9.

Светлой памяти Э. Г. Карху // Карелия. 2008. 17 апр.

Советско-финская война (Зимняя война) 1939–1940 годов // Центральный архив ФСБ России // История России: сайт. URL: <http://istoriarusi.ru> (дата обращения: 12.07.2017).

Союз писателей Карелии // Этнография и фольклор Олонецкой и Архангельской губерний: сайт. URL: <http://ethnomap.karelia.ru/> (дата обращения: 02.03.2016).

Финны // Материалы по истории, этнографии и традиционной культуре коренных народов Карелии // Сайт Центра национальных культур и народного творчества Республики Карелия. URL: <http://www.etnocenter.ru/metod/materialy-po-istorii-etnografii-i-tradicionnoj-kulture-korenyih-narodov-karelii/> finny (дата обращения: 10.06.2012).

Финны на Мурмане // Кольский Север. Энциклопедический лексикон: сайт. URL: <http://lexicon.dobrohot.org/index.php> (дата обращения: 14.01.2016).

Хамалайнен Э. Финны // «Набат Северо-Запада»: народная газета (Петрозаводск). 1992. 24 июля. URL: <http://www.kolumbus.fi/edvard.hamalainen/docs/finny.htm> (дата обращения: 12.05.2012).

Хибинский мартиролог // Котлован / Хибинское общество «Мемориал». 2002. № 1. 9 мая.

Чирин В., Кудрявцева А. 400 лет назад на территории Петербурга и Ленобласти поселились ингерманландские финны. Кто они и как сейчас живут их потомки // Бумага: интернет-газета. 28 декабря 2017. URL: <https://paperpaper.ru/photos/ingria-facts> (дата обращения: 21.11.2018).

Шашков В. Я. Великое выселение // Вечерний Мурманск. 1999. 19 окт.

Шнирельман В. А. Миф о прошлом и национализм. URL: http://semitology.lugovsa.net/elephants/myth_of_past.htm (дата обращения: 04.11.2015).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Сведения об информантах

№	Пол	Год		Место жительства (выезда) предков	Место проживания	Этническая идентификация семьи (происхождение)	Образование
		рождения	записи (ПМА)				
1	2	3	4	5	6	7	8
1	М	1922	2011	Шлиссельбургский уезд Ленинградской области	Мурманск	Моно-этническое	Высшее
2	Ж	1946	2009	Гатчинский уезд	Апатиты	Моно-этническое	Высшее
3	Ж	1932	2009	Куйвозовский район	Апатиты	Моно-этническое	Среднее
4	Ж	1936	2010	Куйвозовский район	Мончегорск	Моно-этническое	Среднее специальное
5	Ж	1948	2010	Куйвозовский район ЛО	Апатиты	Моно-этническое	Среднее специальное
6	Ж	1927	2009	США	Княжая Губа	Финно-карельское	Среднее специальное
7	Ж	1927	2010	Тамерфорс, Финляндия	Апатиты	Финно-карельское	Среднее
8	Ж	1950	2009	Улеборгская губерния	Апатиты	Финно-карело-русское	Среднее специальное
9	Ж	1955	2009	Улеборгская губерния	Апатиты	Финно-карельское	Высшее
10	Ж	1945	2009	Гатчинский уезд	Апатиты	Финно-русское	Высшее
11	Ж	1943	2010	Гатчинский уезд ЛО	Апатиты	Финно-русское	Среднее специальное
12	М	1959	2011	Хельсинки	Кировск	Финно-русское	Высшее
13	Ж	1947	2010	Куйвозовский район	Апатиты	Финно-русское	Среднее
14	Ж	1958	2010	Куйвозовский район ЛО	Апатиты	Финно-ижоро-русское	Высшее
15	Ж	1951	2011	Лужский район ЛО	Апатиты	Финно-русское	Среднее специальное
16	Ж	1981	2011	Гатчинский уезд ЛО	Кировск	Финно-карело-русское	Высшее
17	М	1984	2010	Сердобольский уезд* Выборгской губернии	Кильдинстрой	Финно-чукча-русское	Высшее
18	Ж	1956	2011	США	Апатиты	Финно-карельское	Среднее
19	Ж	1953	2013	Улеборгская губерния	Верхне-туломский	Финно-русское	Среднее
20	Ж	1931	2013	Куйвозовский район	Апатиты	Моно-этническое	Среднее

Окончание приложения 1

1	2	3	4	5	6	7	8
21	М	1964	2013	Сайда-Губа	Апатиты	Финно-русское	Среднее
22	М	1935	2014	Хельсинки	Кукисвум-чорр	Финно-карельское	Среднее специальное
23	М	1980	2014	Улеаборгская губерния	Апатиты	Финно-карело-русское	Высшее
24	Ж	1951	2014	Волосовский район ЛО	Апатиты	Финно-белорусское	Среднее специальное
25	Ж	1939	2014	Улеаборгская губерния	Мурманск	Моноэтническое	Среднее специальное
26	М	1972	2015	США	Ревда	Финно-русское	Высшее
27	М	1979	2015	Руовеси, Финляндия	Мурманск	Моноэтническое	Высшее
28	Ж	1949	2015	Улеаборгская губерния	Полярные Зори	Финно-ижорское	Высшее
29	М	1955	2015	Ёно-Бабинский погост	Африканда	Саамо-финно-русское	Среднее
30	Ж	1959	2015	Улеаборгская губерния	Ковдор	Финно-русское	Среднее специальное
31	Ж	1952	2015	Мгинский район ЛО	Кировск	Финно-карельское	Высшее
32	М	1968	2015	Кингисеппский район ЛО	Апатиты	Финно-русское	Среднее специальное
33	М	1973	2016	Выборг	Апатиты	Финно-русское	Высшее
34	Ж	1965	2016	Улеаборгская губерния	Ёна	Саамо-финно-русское	Среднее
35	Ж	1960	2017	Улеаборгская губерния	Княжая Губа	Финно-карело-русское	Среднее
36	Ж	1942	2018	Канада / Выборг	Апатиты	Финно-карельское	Высшее

* Сердоболь до 1918 г. (финское название Сортавала) // Большая энциклопедия / под ред. С. Н. Южакова. Т. XVII. СПб.: Издательство Товарищества «Просвещение», 1904. С. 308.

Приложение 2

Этническая самоидентификация информантов

№	Идентификация родителей / прародителей	Самоидентификация	Этнолокальная группа
1	2	3	4
1	Финны	Финн	Ингерманландцы
2	Финны	Финка	Ингерманландцы
3	Финны	Финка	Ингерманландцы
4	Финны	Финка	Ингерманландцы
5	Финны	Финка	Ингерманландцы
6	Отец — финн, мать — карелка	Финка	Американские финны
7	Отец — финн, мать — карелка	Финка	Южные финны
8	Отец — финн; мать: отец — карел, мать — русская	Финка	Северные финны
9	Отец — карел; мать: отец — финн, мать — карелка	Карелка	Северные финны
10	Отец — финн, мать — русская	Русская	Ингерманландцы
11	Отец — финн, мать — русская	Русская	Ингерманландцы
12	Отец — финн, мать — русская	Финн	Южные финны
13	Отец — русский, мать — финка	Биеэтническая	Ингерманландцы
14	Отец — русский; мать: отец — ижора, мать — финка	Русская	Ингерманландцы
15	Отец — русский, мать — финка	Русская	Ингерманландцы
16	Отец: отец — финн, мать — русская; мать: отец — карел, мать — русская	Финка	Ингерманландцы
17	Отец: отец — финн, мать — русская; мать: отец — русский, мать — чукча	Русский	Южные финны
18	Отец — финн, мать — карелка	Финка	Американские финны
19	Отец — финн, мать — русская	Биеэтническая	Северные финны

Окончание приложения 2

1	2	3	4
20	Финны	Финка	Ингерманландцы
21	Отец — финн, мать — русская	Финн	Северные финны
22	Отец — карел, мать — финка	Карел	Южные финны
23	Отец: отец — карел, мать — финка; мать — русская	Амбивалентная	Северные финны
24	Отец — финн; мать — белоруска	Русская	Ингерманландцы
25	Финны	Финка	Северные финны
26	Отец — финн, мать — русская	Русский	Американские финны
27	Финны	Финн	Северные финны
28	Отец — ижора; мать — финка	Финка	Северные финны
29	Отец: отец — саами, мать — финка; мать — русская	Саами	Северные финны
30	Отец: отец — финн, мать — русская; мать — русская	Финка	Северные финны
31	Отец — карел, мать — финка	Финка	Ингерманландцы
32	Отец — финн, мать — русская	Финн	Ингерманландцы
33	Отец: русский; мать: отец — русский, мать — карелофинка	Русский	Южные финны
34	Отец — русский; мать: отец — саами, мать — финка	Амбивалентная	Северные финны
35	Отец — русский; мать: отец — финн, мать — карелка	Амбивалентная	Северные финны
36	Отец — финн; мать: отец — карел, мать — финка	Русская	Американские финны*

* Информант 36 происходит из двух локальных финских групп: отец — из канадских (американских) финнов, а мать — из южных финнов.

Бусырева Елена Владиславовна

кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра гуманитарных проблем Баренц региона ФИЦ КНЦ РАН. Окончила исторический факультет Псковского государственного педагогического университета им. С. М. Кирова. В 2017 г. защитила кандидатскую диссертацию в Удмуртском государственном университете в г. Ижевск: «Сохранение и трансформация этничности в финских семьях на Кольском севере (60-е годы XIX в. – начало XXI в.)». Автор более тридцати научных работ. Область научных интересов – вопросы истории и культуры семей с финно-угорской и немецкой родословной.

Вид на поселок Кукисвумчорр, 1964 год (фото В. М. Бусырева)

ISBN 978-5-91137-406-8

9 785911 374068